

A woman in a black dress and hat is the central focus, looking down with a serious expression. In the background, a man in a white suit and purple tie is seated at a table. The setting appears to be an elegant restaurant or dining room with patterned wallpaper.

Джулия
Венто

Упавшие как то раз

У Жюли Лакруа и смышлёного скотч-терьера по кличке Пуаро выдался нелегкий полет. Воздушный шар, подлюга, приказал долго жить и свалился не куда-нибудь, а в страну Западных Ветров, где современными удобствами даже и не пахнет. Пахнет электричеством, да и то лишь у твердыни Арнора. Там проживает злой и, как поговаривают, кровожадный маг. Еще поговаривают, будто он замыслил погубить короля. Но так ли это? Жюли и Пуаро берутся за расследование, и на их долю выпадает немало опасных, рискованных приключений...

Юлия Власова

УПАВШИЕ КАК-ТО РАЗ

Глава 1. Схватка с западным ветром

Мы с Пуаро, верным моим скотч-терьером, как ни в чем не бывало, бороздили просторы небес и мирно покачивались в гондоле воздушного шара, когда внезапно лопнул один из стропов.

— Держи его, да покрепче. А то свалимся, — со знанием дела сказал Пуаро, важной поведя мордочкой.

Пуаро заговорил?!

Я вытаращила глаза, но не тут-то было. Нас тряхнуло раз, другой. Мой длинный голубой шарф зацепился за крюк на краю корзины, а саму меня отнесло к противоположному борту, где я, недолго думая, ухватилась за оторвавшийся канат.

Пуаро заговорил! Уму непостижимо. Ведь всегда бегал этакой взъерошенной собачонкой, грыз кости и вынюхивал следы кошек. Но так было в Париже, откуда мы вот уж три дня как улетели. Погрузив в гондолу недельный запас провизии, я сказала доброй Франции «прощай» и была такова. Заядлые путешественники и коллекционеры двадцать первого века — что с нас возьмешь? Пуаро, которого я выкупила у одного склочного торговца года два тому назад, вполне разделял мою страсть к долгим скитаниям, несмотря на то, что одобрение свое он выражал исключительно залиvistым лаем. Мне казалось, мы понимаем друг друга. По крайней мере, так я считала до сего дня. Пуаро, этот маленький черненький щенок, обрел дар человеческой речи — и тотчас сообщил мне, что мой шарф никуда не годится, посоветовав выкинуть его на помойку. Ух, как я разобиделась!

— Сперва помойку сыщи, а уж потом и критикуй.

Тут шар накренился под порывом ветра-забияки, и Пуаро вцепился зубами в первое, что попало на глаза, — в индикатор температуры. Индикатор приказал долго жить, а я с ужасом почувствовала, как мои ноги отделились от дна корзины. Под нами — я увидела мельком — расстилалась бурая равнина с желтыми и красными факелами деревьев. Типичный октябрьский пейзаж. Хороши же мы будем, если приземлимся неподалеку от какого-нибудь Марсея или Ниццы! А ведь туристическая фирма не только шар, но и визу нам обеспечила... И пунктом нашей первой остановки должен был стать Мадрид — никак не захудалая французская деревушка.

Точно в подтверждение моих пасмурных предчувствий, где-то наверху, из лавсанового купола, со свистом начал выходить воздух. Пробоина! Аэростат снова подпрыгнул — я надеялась, не затем, чтоб исполнить сальто-мортале. Пуаро выругался на жаргоне, какой он не единожды слышал на берегах Сены, и, за неимением надежной опоры, ухватился острыми зубками за край моей штанины. Нас швыряло и так, и сяк, мотало из стороны в сторону и, наконец, основательно припечатало к земле. Чудом остались целы.

Когда я, потирая копчик, выбралась из-под увесистых останков шара, Пуаро уже бегал по жухлой осенней траве и деловито принюхивался. Оказалось, он считал себя настоящим детективом и никогда не смирился бы с ролью простой ищейки, которая только и делает, что рыщет по лесам в поисках лисьих нор. Покончив с обследованием местности, он сообщил, что весьма доволен своей кличкой, и даже похвалил меня за то, что я некогда читала ему детективы Агаты Кристи. Теперь он точно станет таким же, как великий сыщик. А как он гордился своей накидкой в красно-синюю клетку и английским кепи с прорезями для острых ушек! Не скрывая презрения к моему голубому шарфу, он сделал упор на то, что

мне тоже следует обзавестись клетчатым костюмом. Длинные шарфы, сказал он, не к лицу искательнице приключений. Я благополучно игнорировала его выпад. Удостоверившись, что от воздушного шара остались лишь «рожки да ножки», а короб с провизией исчез, точно у него выросли крылья, я в расстроенных чувствах уселась на побитую ржавчиной траву.

— Попали мы с тобой в переделку... — протянул Пуаро, почесав за ухом. — Но не волнуйся: раз я с тобой, непременно выпутаемся.

По правде говоря, на него я особых надежд не возлагала. Следопыт из него был неважный, лаял он слабо, так что шансы на спасение в этакой глухомани — а занесло нас, разумеется, в глухомань — были невелики.

— А ведь конструкторы уверяли, что шар сделан на совесть, — досадливо фыркнув, сказал щенок.

— Может, и на совесть, да только, видать, совесть у них сплошь в заплатках, — кисло отозвалась я. — Когда вернемся домой, непременно потребую возмещения за моральный ущерб. То есть, если вернемся...

Мало кто не знаком с предысторией нашего полета. Авантюристы до мозга костей, мы прославились на весь Париж. О наших путешествиях писали в газетах, о них несмолкаемо вещало телевидение. Рассказы о наших причудах не сходили с уст, а молва о нас как о любителях экзотики и экстрима разошлась даже по городским окраинам. Наши лица — вернее, мое лицо и потешная мордочка Пуаро — красовались на рекламных проспектах и журнальных обложках турфирм. От нас ожидали новых подвигов и свершений — как тут ударить лицом в грязь?

«Позапрошлой весной, — гласила статья на передовой странице „Le Monde“, — Жюли Лакруа с неизменным своим спутником, псом по кличке Пуаро, преодолела расстояние в пять тысяч миль всего за неделю — и это в обычном городском автомобиле!»

«В прошлом году, — передавала другая, вычурная статейка, — эти бесстрашные оригиналы пересекли Индийский океан на бальсовом плоту, отбыв из Мадагаскара и высадившись у мыса Стип-Пойнт».

Следующим нашим достижением должен был стать полет над Европой длительностью в восемь дней, и нам пророчили столь же грандиозный успех, что и в предыдущих наших предприятиях. Однако судьбе вздумалось сыграть с нами злую шутку. Впрочем, с кем не бывает! Приземлились-то мы всего-навсего на суходол, благо — не в лес, откуда выбираться одни хлопоты.

«Взбодрись, Жюли, — сказала я себе. — Еще не всё потеряно. Через день-два тебе предоставят новый шар, и ты снова поднимаешься в облака».

Внезапно Пуаро насторожил уши:

— Кто это к нам пожаловал? — ощерился он.

За купами гнутких деревьев чужака было не разглядеть, но голос его сразу показался мне притягательным.

— Эй, мадемуазель, вы не ушиблись? Может, за доктором послать?

— Покорнейше благодарю, но в докторе нужды нет, — успокоила я всё еще невидимого собеседника, решив во что бы то ни стало быть вежливой и легонько пихнув ногой Пуаро, чтоб не рычал.

— Я вас издали заприметил, в бинокль, — с одышкой проговорил незнакомец, появляясь наконец из-за высокой стены ярколистого падуба. Его блестящий черный цилиндр

и широкий плащ-накидка с фиолетовой подкладкой сразу бросились мне в глаза. Экий эксцентрик, не хуже нашего — вырядился ведь точно на парад! Ни в Париже, ни за его пределами не встречала я подобных личностей.

Незнакомец снял шляпу, поклонился и уже хотел было поцеловать мне руку, но я вовремя ее отдернула. Вишь еще чего не хватало! Ничуть не смутившись, однако, он с улыбкой обратился к моему несмышленому питомцу, заведя с ним речь на чуждом для меня наречии. И примечательно, что Пуаро всё уразумел — довольно пространный его ответ не только не развеял моих сомнений, но лишь усугубил их, приведя меня в полнейшее замешательство.

— Ты... ты что за чепуху мелешь? — вскинулась я. — Если вы оба намерились надо мной потешаться, так уж хотя бы не здесь и не при нынешних обстоятельствах! Я хочу знать, куда меня занесло.

Мой непримиримый тон несколько охладил пыл молодого человека, и он снова отвесил мне поклон, принесся извинения за свою нетактичность.

— Вы находитесь в стране Западных ветров, или Мерилами, — по-французски отрапортовал он. — А меня зовут Арчи Стайл. Поскольку вы новоприбывшие, мой дом — ваш дом. Сейчас мы в полумиле от городской черты, и моя коляска также в вашем распоряжении.

Я покрутила у виска: маскарадные костюмы, вымышленное название невесть какой страны, коляска — точно мы в восемнадцатом веке... Всё это здорово пахло психическим расстройством.

— Никуда мы, сударь, с вами не поедem! — заявила я. — Вы, поди, из дома для умалишенных сбежали, так вам туда и дорога. А что касается нас, то мы и сами с усами. Франция — она везде Франция. Не пропадем.

Пуаро осторожно потянул меня за штанину.

— Не во Франции мы, — несмело возразил он. — Это и вправду страна Западных ветров. Здесь люди с животными почти что наравне. Иначе чем объяснить, что я с тобой разговариваю?

Сей факт отрицать было никак нельзя. Но и с действительностью мириться я не собиралась.

— Значит, с ума сошли мы оба. И я, и месье Стайл.

Господин в цилиндре усмехнулся.

— Вам меня не запутать! — с угрозой проговорила я. — Ступайте прочь, месье! Ступайте, ступайте! Мы с Пуаро и не в такие переплеты попадали, мы — бывалые.

Пёс засверкал на меня своими черными глазками-пуговицами из-под косматых бровей.

— Как знаете, — пожал плечами Арчи. Лихо развернувшись на каблуках и взметнув край плаща, он зашагал к деревьям. — Чтобы выйти на дорогу, двигайтесь по восточной тропе, всё время прямо, — добавил он. Когда я подняла голову, чтобы еще раз взглянуть на этого странного джентльмена, его и след простыл.

Теперь, когда он скрылся, я явственно ощутила запах скошенной травы и впервые поразила краскам теплой еще осени. Пуаро смотрел на меня как на врага народа, и хмурился, точно дождевая туча. Но мне было не до его претензий. Следовало свернуть и понадежнее упрятать купол воздушного шара да как-то замаскировать гондолу, чем я и занялась. Ветерок легко касался моих волос, словно бы подбадривая; мирно шелестели

золотые и рубиновые кроны, а по небу тянулись вереницами белесые лоскутья облаков. Наконец, спустя час или два, останки аэростата худо-бедно упокоились под грудой палых листьев. Корзину я оттащила к кустам и прикрыла сверху ветками, какие удалось собрать.

— Арчи советовал идти по восточной тропе, — пробормотала я, в изнеможении присев на валун и сверившись с компасом. — Вон она, восточная... Леший ее знает, куда она заведет. Нет, двинемся, пожалуй, на запад. Сумасшедшим верить нельзя, они ведь нарочно обмануть могут. А меня не проведешь.

Итак, решили держать путь на запад. Вернее, это я решила, а Пуаро упирался всеми четырьмя лапами, рычал да фыркал, пока я тянула его за поводок.

— Свободным животным в свободной стране удавок на шею не нацепляют, — кряхтел он. Честное слово, молчал бы лучше подобру-поздорову!

Узкая, неприметная тропка тем временем бессовестно заползла в гущу колючего кустарника. В результате — порванные штаны, исколотые ноги и напрочь испорченное настроение. Пуаро злорадствовал.

— Ты по-прежнему полагаешь, что мы на родине? Слишком уж ты самоуверенна.

— Мы во Франции, мой друг, и сейчас я это докажу, — сквозь зубы процедила я.

Он проронил что-то по поводу людей, которые не верят в чудеса, когда мы очутились на обочине глинистой укатанной дороги. На противоположной стороне высился, шелестя и поскрипывая, густой, непроходимый лес. Всё-таки обманщик этот Арчи. Ушлый тип. При мысли о том, что предположение мое оправдалось, я воспрянула духом. Надейся только на себя — и будет тебе счастье. Даже Пуаро волей-неволей признал мою правоту.

Однако не сделала я и нескольких шагов по заветной дороге, как позади, совсем рядом, заржала лошадь, вынудив меня отпрянуть. Мимо, наподдав коню шпорами, промчался рослый всадник в коричневом кафтане. Крикнув в мой адрес что-то нечленораздельное, он ускакал прочь, а я подивилась его странному диалекту и с оторопью взглянула на Пуаро. Может, и в самом деле, не Франция это?

— Что стоишь, рот разинув? — важно сказал тот. — Пора уж и двуколку остановить. Вон, катит.

— На такси не похоже, — растерянно пробормотала я.

— Такси — не такси, а до ближайшей деревни, глядишь, довезет.

Я ненавидела голосовать на дороге. Это занятие почему-то представлялось мне унизительным и недостойным. Казалось, проще самой соорудить какой-нибудь четырехколесный драндулет, чем просить помощи у кого бы то ни было.

Но вот, двуколка притормозила, седеющий извозчик уставился на меня, как на инопланетного пришельца, однако не в этом суть. Из слов его я не поняла ничегошеньки! Ни звука. Зато Пуаро, смерив меня надменным взглядом, без малейшего стеснения разъяснил ему нашу проблему.

Старик развел руками и снова произнес какую-то абракадабру. Пуаро ему ответил — на том и распрощались.

— Он сказал, что на борт кикимор не берет, — сказал мне пёс.

— Это я, что ли, кикимора?!

Мало того, что проголодалась, устала, как последнее парнокопытное, ванная по тебе плачет, — так еще и кикиморами всякими обзывают! Хочешь — не хочешь, а вскипишь с досады. Вот я и вскипела — пнула придорожный камень, а потом — как у женщин водится

— в слезы. Даже не заметила, что к нам подчалил экипаж с седоком, причем седоком довольно учтивым.

— Что у вас стряслось? Вам помочь? — на чистейшем французском обратился он ко мне. Но, поскольку в тот момент меня трясло, точно в лихорадке, а с уст готово было сорваться тысяча и одно проклятие, на выручку мне вновь пришел Пуаро. Немного поостыв, я вслушалась в их диалог. Пуаро отвечал с хрипотцой, а голос пассажира... Провалиться мне на месте, если этот пассажир не Арчи! В уме уже созрела подходящая для него кличка — «Липкий». И закрепились бы она за ним, прочно бы закрепились, если бы не его обходительность. К тому же, он ни на йоту не соврал, когда сообщил, что мы угодили в страну Западных ветров.

— А кто говорил идти на восток? — язвительно спросила я, взгрозившись на сидение экипажа.

— Сразу сообразил, что вы поступите наперекор моему совету, — Плутовато глянул он и с самодовольной улыбкой откинулся на спинку кресла. За эту улыбку я была готова его удушить.

Коляска раскачивалась и вздрагивала на каждой кочке. Слева однообразно тянулся частокол рыжего леса, а по правую сторону расстилались блёклые луга, да текла, журча и виляя, переливчатая речка. Сложив руки на коленях, Арчи то ли задремал, то ли впал в задумчивость. Пуаро возился в ногах, фыркая и кряхтя, точно немощный старик. Мало-помалу на меня напала сонливость, и голова стала предательски клониться к плечу соседа, как вдруг, словно из-под земли, за рекою выросла гигантская каменная твердыня. Полуразрушенный конец десятиметровой стены упирался в стройную полосу пихт и можжевельника, а далее, за полосой, обнажая неровный фундамент, угнетающе зиял ров. Оттеснив речушку к самому краю дороги, он чернел на всём протяжении мрачной громадины. Нет, не простая это была стена. С бойницами, зубчатыми башенками и каменными отмостками, она походила на средневековое укрепление из былей и легенд.

— Говорят, — Арчи приоткрыл глаза. — Говорят, что если долго смотреть на твердыню Арнора, можно навлечь на себя гнев праотцов и серьезно захворать. Но я в подобную ерунду не верю, — тут же беззаботно добавил он. — Ты озябла? — участливо справился он, заглянув в мои остекленевшие глаза. — На вот, накинь плащ.

Но меня не тронула ни его заботливость, ни возмутительно теплый, неофициальный тон — меня сковал мертвящий холод, и я неотрывно смотрела на зубчатый край стены.

— Т-твердыня Арнора... — проговорила, точно в забытии.

— Руки ледяные, — констатировал Арчи, принявшись растирать мои пальцы. — Да перестань ты уже гипнотизировать эту громаду! — крикнул он мне в самое ухо. Отрезвляющий эффект был достигнут незамедлительно. Я встрепенулась и, хлопая глазами, уставилась на виновника моего «пробуждения».

— Может, и не такая уж небыль эти рассказы, — в сомнении проговорил тот. — Недаром же по городу ходят упорные слухи, будто там, за железными воротами, в наглухо замурованном замке, затворился бессмертный маг. Говорят, он зол и очень жесток. Один только вид твердыни Арнора нагоняет на жителей страху, и ее всё никак не решаются снести. Да и трудная это работенка. Каменную кладку так запросто ведь не разрушишь...

Пуаро, который до сего момента грыз коврик на дне коляски, притих и наострил уши. А повозка наша тем временем прогромыхала по перекинутому через речку деревянному мосту, миновав раскидистое дерево с пышной, солнечной кроной, и покатила по уличной

брусчатке. Увлеченные красочным рассказом нашего спутника, мы едва ли удостоили дерево взглядом. Хотя история этого необыкновенного дерева заслуживала внимания куда больше, чем биография нелюдимого колдуна.

Глава 2. В городе Вечнозеленом

На первом же перекрестке пришлось затормозить. Торговцы безделушками и сладостями были, как я узнала позднее, настоящей напастью для горожан. Мало того, что они запруживали своими телегами мостовые, так еще и норовили оглушить всех вокруг — больно уж рвали глотки, нахваливая товар! По въезде в город я тотчас же отметила полное отсутствие машин, какие неустанно снуют по дорогам у нас, в двадцать первом веке. Однако мое разочарование вскоре сменилось довольством: нет машин — а значит, прощай дым и ужасный грохот. Добро пожаловать, чистый воздух и тишина! Но Арчи посоветовал мне не обольщаться. И точно, кое-как пробившись сквозь толпу — а возница высадил нас, заявив, что дальше экипаж не проедет, — мы очутились возле небольшой ратуши. Был разгар рабочего дня. Туда-сюда носились чиновники, гомон на площади не смолкал ни на минуту, мимо нас шелестели пышными платьями дамы. Некоторые — до смешного размалеванные и явно переборщившие с духами. Пахло канализацией и мусором. Нет, город не место для житья. Даже Пуаро был со мной единокорен, раздраженно фыркая через каждые несколько шагов. На меня поглядывали косо, Арчи торопился и тоже как-то косо поглядывал. Он буквально тащил меня за собой. Вот позади осталась площадь, утонул за могучими кронами дубов шпиль ратуши, а мы всё мчимся и мчимся, как угорелые. И вдруг навстречу — дама, вовсе не из тех, какие стайками вились у фонтана на площади. Облаченная в гранатовое сари и подпоясанная желтой лентой, она была самым воплощением свободы. Без всех этих невообразимых корсетов и кринолинов, многоэтажных, затейливых причесок да слоев румян, она двигалась легко и грациозно. Несмотря на то, что куда-то спешила. Они с Арчи столкнулись практически нос к носу и, отпрянув друг от друга, рассмеялись, точно старые знакомые.

— Ах, Эсфирь, сколько лет, сколько зим! Давненько не виделись! Где пропадала?

— Ну, при дворе мне делать нечего, в отличие от тебя, мой друг. Ты-то вечно рядом с королем вертишься, — с ноткой презрения в голосе ответила Эсфирь. А голос у нее был низкий и бархатистый. — У меня же дела в приречье.

— Всё твои секреты, — посерьезнел Арчи. — Но смотри, если ты связалась с колдуном из крепости, пеняй на себя.

— Не тревожься за меня, о знатный вельможа, — отшутилась та, тряхнув копной иссиня-черных волос. — У меня могущественный покровитель. В обиду не даст, — И, смахнув невидимую былинку у него с плеча, двинулась прочь плавным, изящным шагом.

— Будь осторожна у реки Сильмарин! — крикнул Арчи ей вдогонку, а потом, посмотрев по сторонам, вновь схватил меня за руку. — Идем!

Дом его, облицованный светло-желтой мозаичной штукатуркой, мог бы по праву считаться гордостью зодчих. С фасадом, украшенным искусными барельефами и разноцветными вкраплениями камней, со стрельчатыми окнами под скошенной черепичной крышей да искусно выполненной входной аркой, он был само загляденье. А если добавить сюда еще и сад с декоративными соснами, миниатюрными туями и умело разбитыми клумбами, то об особняке Арчи можно без преувеличения говорить как об архитектурном шедевре.

Ловким движением забросив цилиндр на вешалку из оленьих рогов, он милостиво позволил нам чувствовать себя как дома и пригласил в гостиную. Задержавшись у входа

перед большим зеркалом в золоченой узорной раме, я оглядела себя с ног до головы: чумазая, растрепанная, в короткой болоньевой куртке и суженных книзу брюках — неудивительно, что местные щеголи на меня таращились. Для них вырядиться в такое тряпье — верх неприличия. И как я сразу не догадалась? Потому Арчи меня и стеснялся, потому и спешил.

— Здесь дамам полагается носить длинные платья, — подал голос Пуаро, который тоже остановился, покрасоваться. — А ты посмотри на себя! Ни дать ни взять, разбойник с большой дороги!

Вишь, резонер сыскался! Договорится он у меня — сделаю своим личным модельером. Будет за швейной машинкой часы коротать.

Арчи между тем прошествовал на кухню — и давай греметь посудой! Он что же, нас кормить собрался?

— Не утруждайте себя, месье! — крикнула я, сняв кроссовки и отставив их в дальний угол прихожей. — Мы в городе пообедаем.

— Ага, как же! Пообедаете! — отозвался тот. — Да вас из первой же закуской вышвырнут! И это еще в лучшем случае. А в худшем — посадят в каталажку. Вам ведь за еду и расплатиться будет нечем.

— А евро тут разве не в ходу? — удивилась я, заглянув на кухню. Арчи возился с кофейником.

— Впервые слышу. Наша валюта невий. Один невий — пятьдесят кирит, а кирит равняется десяти лимнам.

— Что ж, мы теперь, выходит, не у дел...

— Лиха беда начало, — с усмешкой откликнулся мой благодетель. — Я вас на произвол судьбы не брошу. И не надейся... Жюли Лакруа, — вдруг протяжно проговорил он. — Звучное у тебя имя.

Я скрестила руки на груди:

— Откуда узнали? Не имела чести представиться.

— Мне твой дружок сообщил. Он, вообще-то, много чего порассказал... — подмигнул Арчи.

— Ну, и что же вы у него выведали? — Я бросила в сторону Пуаро негодующий взгляд. Вот уж не думала, не гадала, что, обретя дар речи, он спустит язык с привязи. Такого уговора не было. Насыщенный кофейный аромат, который обыкновенно приводил меня в состояние блаженства, на сей раз должного действия не возымел. «Ух, предатель, ух, изменник! — клокотало во мне. — Ну, ничего, я у него быстро отобью охоту болтать почем зря!»

— О, только не волнуйся! Этот малыш умеет держать язык за зубами! — рассмеялся Арчи. — Узнал я лишь о твоей непростой судьбе да о гордом, независимом нраве. Узнал, что осиротела ты, будучи еще совсем крохой, и что на попечении у тетки тебе жилось несладко.

— Извини, подслушал ненароком твой разговор с подругой, — виновато вставил Пуаро.

— Узнал еще, что в родном городе ты чуть ли не самая главная знаменитость, — невозмутимо продолжал Арчи. — За что берешься — доводишь до конца, никогда не унываешь, а опасности встречаешь с поднятой головой.

Сколько похвал, сколько лести! Ай-яй-яй! Лед был растоплен, однако я всё ж пообещала себе, что Пуаро без наказания не оставлю.

— Спасибо за приют и всё такое... — со вздохом сказала я. — Но мы не намерены здесь задерживаться. Подлатаем воздушный шар — и оревуар!

— Как? Разве вас не интересуют местные достопримечательности и сувениры? Неужто не желаете ближе познакомиться... — Арчи замялся, — познакомиться с культурой Мерилами? Ваши соотечественники вам этого не простят!

— А ведь и верно, — виляя хвостиком, ввернул Пуаро. — К чему гнать лошадей? Чем в спешке покидать страну, не лучше ль пополнить нашу коллекцию открыток да набросать заметки путешественника? Представь, какую сенсацию произведет в Париже наш отчет!

— Его примут за небылицу, — хмуро отозвалась я. — И скоро ты поймешь, почему. У нас на дворе двадцать первый век. А здесь двадцать первым веком и не пахнет. Автомобилей — нет, электричества? — Я вопросительно уставилась на Арчи. Тот пожал плечами.

— Электричества — нет, — приходя во всё большее возбуждение, продолжала я. — Водопровод?

— Не установлен, — покачал головой хозяин.

— Интернет?

— И слыхом не слыхивали.

— Электроники, разумеется, тоже никакой. Следовательно, нас сочтут лгунами и бездельниками, — с горечью подытожила я. — Решат, что мы просто-напросто отсиделись в каком-нибудь сарае и насочиняли вздора.

Арчи подпер кулаком подбородок и вперил задумчивый взгляд в каминную решетку.

— Говоришь, в вашем мире много такого, чего у нас нет и в помине, — пробормотал он. — А тебе самой что, вот ни капельки не любопытно? Неужто так заботит тебя мнение света?

— «Света», — повторила я. — У нас «свет» называют «общественностью». Да, знаешь ли, мне очень важно мнение общественности. Потому как я фигура известная. Мои фото на рекламных щитах расклеены. А слава, как ни крути, скоротечна и непостоянна. Бывает, проснешься знаменитостью, а потом раз — и канула твоя знаменитость в лету. Так что мне сесть в лужу никак нельзя. Имидж надо поддерживать.

Пуаро фыркнул в своей излюбленной манере.

— Твоя одежда, кстати, тоже часть имиджа, — заметила я в ответ. — Не носил бы ты клетчатого кепи, был бы простой собачонкой.

Арчи встал и прошелся по комнате. Видно было, что он над чем-то размышляет.

— Вот что, — наконец сказал он. — Помогу, чем смогу. И в починке летательного аппарата посодействую, и припасами обеспечу. Можете на меня рассчитывать. Но и ты, Жюли, пообещай мне кое-что...

Я окинула его неприязненным взглядом. Что еще за условия?!

— Обещай, что не будешь срываться с места при первой же возможности. Согласен, обстановка у нас оставляет желать лучшего, но общество наше вполне приличное, и я хотел бы познакомить тебя кое с кем из моих друзей. Не отказывайся. В нашем мире много необъяснимых и даже пугающих вещей, и мы очень хотели бы пролить свет на некоторые явления. Без тебя, без гостя из будущего, ученым Мерилами вряд ли под силу расшифровать таинственные знаки природы...

Я поскребла в затылке.

— Заинтриговал ты меня, дюже заинтриговал. Но если это всё твои уловки, чтоб отсрочить наш отлет, зря стараешься. Если окажется, что насчет «таинственных знаков» ты морочил мне голову, мигом выведу тебя на чистую воду.

В тот же вечер он подвел меня к массивному платяному шкафу, распахнул дверцы — и, каково же было мое изумление, когда взору моему представились платья всех возможных цветов и фасонов! Я обомлела.

— Ты что же, держишь их на случай приезда незваных гостей? Или... Быть может, у тебя тут гарем проживает?

— Нет-нет-нет, — со смехом опроверг мою догадку Арчи. — Ко мне иногда навевается тетушка, а уж какая она модница — все соседи знают! Так что не стесняйся, выбирай, что по душе. На прогулку всё равно, — он кашлянул, — в твоём убогом костюме не выйдешь.

Пока я переодевалась за узорчатой ширмой, он шарил над комодом, на полке с бульварной литературой, озадаченно хмыкая и всякий раз откладывая книгу в сторонку.

— Видать, совсем у моей тетки вкус испорчен, — со вздохом сказал он. — Думал подобрать тебе что-нибудь для изучения нашего языка, а тут одни пошлые романы.

Я с трудом удержалась от язвительной реплики: длинные рукава и пышная юбка викторианского платья, которое я тщетно пыталась примерить, были придуманы явно затем, чтобы выводить людей из себя. Ох, и разделалась бы я с этим нарядом! Но всё обошлось, отчасти благодаря умиротворяющему запаху бергамота, а отчасти потому, что Арчи наконец соизволил помочь мне в облачении.

— Хочешь, чтобы я изучала ваш язык? — вымолвила я после того, как он затянул у меня на талии корсет. — Мало тебе, что твоя гостья задыхается, точно лещ на берегу?!

Волоча за мундштук тяжелую курительную трубку, присеменил невесть откуда Пуаро.

— Ну что, теперь понимаешь, каково мне было на поводке? — ехидно поинтересовался он, после чего с усердием принялся точить свои зубы о многострадальный джентльменский атрибут. Уже не помню, что я со злости наговорила ему в ответ, однако, когда поток желчи с моей стороны иссяк, Арчи услужливо предложил сменить корсетное платье на что-нибудь более удобное.

Четверть часа спустя мы неспешно прогуливались по набережной той самой реки Сильмарин, которая катила свои воды вдоль твердыни Арнора и насквозь прорезала город Вечнозеленый. Хотя «город» — это уж как-то громко сказано. Городок, с два десятка кварталов. Кроме реки да королевской резиденции, ничего примечательного. Отвлечшись от созерцания речного пейзажа, я внимательно посмотрела на своего спутника: на лице его играла улыбка, а в устремленном прямо на меня взгляде черных глаз мелькали хитрые огоньки.

— Ты чего? — недоверчиво спросила я. — Что, платье на мне сидит, небось, как на корове седло?

— Да нет, ты очаровательна, — беззаботно отозвался он, обнажив ровные зубы, и попытался меня поцеловать. Пижон несчастный! Дамский угодник! Если здесь у всех нравы такие, то пора сматываться, пока в их интригах не завязла. А интриг у них, бьюсь об заклад, полон двор! Как бы ни уговаривал меня Арчи, как бы ни настаивал Пуаро, уеду — только меня и видели!

— Эй-эй, коней попридержи! — отпрянула я. — А будешь вольничать, так за себя не ручаюсь! Что у нас там следующее в программе? Оперный театр? Давай, веди, показывай.

На площади, перед оперным театром, расхаживали модно одетые дамочки, обмахивались веерами пожилые представительницы знати, курили изысканный табак джентльмены во фраках. Двери театра вот-вот должны были распахнуться. Как я поняла из

рассказов Арчи, здесь что ни вечер — то праздник. Каждый вечер какая-нибудь прославленная дива выходит на сцену, чтобы околдовать публику своим колоратурным сопрано да пощеголять в богатом убранстве. Опера для жителей страны Западных ветров значит даже больше, чем прием во дворце. Сами понимаете, при таком раскладе любая примадонна в два счета переплюнет короля, имя которому, кстати, Юлий.

— Арчи, Юлий, Эсфирь, — пробормотала я, проковыляв в неудобных туфлях к ближайшей скамейке. — Какие-то вы тут все разношерстные. Не местные, что ли?

— Верно рассуждаешь, не местные, — подтвердил мой спутник, присаживаясь рядышком. — Эсфирь упала к нам, как вы, с неба, и поначалу твердила, что ее родина какой-то там Израиль. Юлий — ну, о Юлие пока речь вести рано. Ты сперва сама с ним познакомься. А я... Что я? Вроде бы всю сознательную жизнь в Мериламиин провёл. Что твой вековой дуб, укоренился. Но бывает, снится мне диковинный сон: часы на огромной башне отбивают полдень, улицы кишмя кишат блестящими повозками, течет, сверкая, в оправе серых берегов, судоходная река... Поди разберись, где мое истинное отечество, а где — мираж.

— А откуда ж ты французский так хорошо знаешь? Где выучил? Признаться, здорово ты меня с толку сбил при первой нашей встрече. Заговорил на родном языке — я и решила, что ты врунишка.

Арчи закинул ногу за ногу и небрежно достал из кармана сигару.

— Ах, вот оно что! Ну, тут я и сам ума не приложу. Это, судя по всему, врожденное. Словно рычаг у меня какой внутри: дернуло — начал изъясняться на одном наречии, снова дернуло — переключился на другое. Я много таких языков знаю, каких у нас в Мериламиин и не существует. Помнится, в юношеские годы вздумал как-то поупражняться на лекции у профессора лингвистики. Так он меня из аудитории выставил, сказал, что я тот еще шут гороховый. Ох, как надо мной однокурники потешались! С тех пор держу свой дар (если, конечно, сии сомнительные познания можно назвать даром) в секрете. А в твоём случае... м-м-м... интуиция у меня сработала, что ли? Какое-то шестое чувство. Порой мне представляется, что языков у меня в голове роится бесчисленное множество — только знай, выживай, в каком нужда. Точно как из коробки с инструментами.

Он выпустил струйку дыма и приумолк, проводив взглядом проплывшую мимо даму в платье с непомерно пышным кринолином.

— М-да, загадки, сплошь загадки! Я ведь и Эсфирь точно так же в люди вывел. Явилась ко мне на порог, исцарапанная, в лохмотьях, а сама — ни «бе» ни «ме». Мы побывали на месте крушения ее самолета (это у них так летающие машины зовутся). Ох, как она слезамито обливалась, как руки заламывала! Горько глядеть! Муж ее, с коим они неразлучны были, катастрофы не пережил — оставил бедняжку голодать да скитаться по долам и горам. Целый месяц продержалась Эсфирь без лимна в кармане, а потом одни добросердечные люди направили ее ко мне...

— Ты говорил, она из Израиля? — робко перебила я. — Израиль и Франция — страны моего мира. В Мериламиин, выходит, о них не слыхали?

Арчи помотал головой.

— Следовательно, мы с Пуаро очутились в иномирье, — заключила я, потупившись.

— Ну-ну, к чему такая похоронная мина? Если домой задумали вернуться, так и вернетесь — никуда не денетесь. А я вам помогу! Сомневаешься? Думаешь, плохой из меня помощник? — лукаво улыбнулся Арчи.

— Нет, не думаю и не сомневаюсь. Но всё-таки, как же так: о других ты осведомлен, а о себе что же?

— Точно снеговые сугробы в памяти, — признался тот. — Белым бело.

— Плохи дела, — проронила я, и оба мы вздохнули.

После минутного молчания Арчи приободрился:

— А знаешь, что я тебе скажу: мне и здесь привольно живется. Дом есть, денежки водятся, даже тетка какая-никакая захаживает. С королем мы на короткой ноге. С чего бы мне тосковать по твоему миру?

— Да вроде бы и незачем, — согласилась я.

Задул по-осеннему промозглый, сильный ветер. Стало накрапывать. Арчи бросил окурок в урну и словно бы нечаянно прильнул ко мне, потянувшись за зонтом. Мое раздражение от него не укрылось, и он тут же поспешил заинтересовать меня новой тайной.

— К твоему сведению, — игриво подмигнул он, — у меня козырь в рукаве припрятан. В случае безденежья твой покорный слуга всё равно останется на плаву.

— Что еще за козырь? — буркнула я, увидав его ухмыляющуюся физиономию.

— В моем секретере лежит специальная книга. Своеобразный справочник, если так выразиться, — заговорщически начал он. — Стоит какому-нибудь незадачливому летчику сверзиться с небес на просторы Мериламии — я беру это на заметку. Подбегу к нему, выпрошу, что да как. Имя, национальность, время... хм-хм... падения на землю обетованную. Чиркну карандашиком в журнале — и дело в шляпе. Они, то есть гости наши небесные, что-то уж быстро всё забывают — кто они, откуда явились. Вот и почитай, что от прежней их жизни только имена и остаются. Я это всё к чему веду: если позовет, поманит их сладкий сон старого житья-бытья, (а ведь непременно поманит), тут как тут Арчи Стайл — память освежит, красок добавит, к цели, так сказать, направит. Не бесплатно, конечно. За определенную мзду.

— Ну и подлец же ты! — возмутилась я. — Грешно наживаться на чувствах людей!

— Может, и грешно, может, и постыдно, — отпарировал он. — Но никто ведь не утверждал, что я кристально честный. Каждый изобретает свой способ. Один так, другой эдак исхитряется. Главное по миру не пойти.

— На родине у меня всё совсем по-другому, — поостыв, заметила я. Хотя так уж ли по-другому?.. Мы шлепали по лужам мостовой, ливень усердствовал и прекращаться, похоже, не собирался, ноги мои промокли насквозь. И куда важнее для меня было очутиться сейчас возле камина, отогреться да выпить горячего чаю. Прочие мысли отодвинулись на задний план.

Глава 3. За чаем у Эсфири

В стылый предутренний час меня разбудил громкий скрип рессор, вслед за чем послышалась грубая перебранка извозчиков и женские крики. Я перевернулась на другой бок, и тут вдруг как током ударило: постель не моя, комната — тоже! Пуаро сладко посапывал на коврике рядом с кроватью, что несколько меня обнадежило. Однако на правду глаза не закроешь: мы не дома, домой нам путь заказан. У меня в голове, суетясь и опережая друг дружку в какой-то хаотической гонке, забурлили воспоминания. Крушение, безысходность и долгие блуждания, повозка, лошадиный храп, приторно-учтивый субъект в черном цилиндре... Арчи Стайл, кажется. Потом — столпотворение, незнакомые улицы, неровная брусчатка под ногами. И Эсфирь. Облик ее крепко, точно выгравированный, запечатлелся в моем мозгу. А сама-то я кто? Резко сев в кровати, я стала судорожно соображать. Нависавший надо мною темно-зеленый балдахин, изысканные шторы, тюль, коричневый и местами поцарапанный столик с резными ножками. Духота да неизменный запах бергамота... Кто же я такая? Виски сдавила невыносимая боль, и мне вдруг захотелось бежать отсюда за тридевять земель, вырваться на простор, разбить незримые оковы, которые, я чувствовала, делаются с каждой минутой всё прочнее и прочнее. Верните меня назад!

— Что с тобой? — хриплым шепотом спросил Пуаро. — Мигрень замучила? У меня тоже после вчерашнего дождя за ухом побаливает.

В тот момент я, кажется, разразилась слезами, потому что пес разом вскочил на все свои четыре мохнатые лапы и резво просеменил к полуприкрытой двери. Мгновение спустя передо мной со стетоскопом и аптечкой стоял Арчи.

— Чего истерику закатили? — бесцеремонно поинтересовался он. — В такую-то рань!

— Кто я? Как меня зовут? Начисто из памяти стерлось! — выкрикнула я ему в лицо. — Твоих рук дело, да?!

— А-а-а, — с ухмылкой протянул он. — Я же предупреждал, говорил же, вы, пришельцы, в Мериламии единым духом заболеваете амнезией. Так что готовься к худшему. И нечего, чуть что, нюни распускать. Зовут тебя Жюли Лакруа, родина твоя — Франция, город Париж, улицу и дом, извини, не скажу.

— Улица Перголеди, дом двадцать восемь «А», — скороговоркой выпалил Пуаро.

— Пес умница, ничего не забыл, — похвалил Арчи. — Полагайся на него. Что запомнишь — сразу спрашивай. А пока полежи, отдохни — глядишь, в уме и прояснится.

Поставив на тумбочку пузырек с какими-то невразумительными письменами на этикетке (наверное, успокоительное), он бесшумно улетучился из комнаты.

Я в изнеможении опустила на подушки. Сна ни в одном глазу, спор на улице поутих. Где-то прокукарекал петух; шумно хлопая крыльями, вспорхнули с крыши голуби.

«Меня зовут Жюли Лакруа, остальное неважно», — подумала я, устало прикрыв веки. И снова перед моим мысленным взором замаячил образ Эсфири. Если она из Израиля, то почему носит индийское сари? Красное сари с желтыми лентами... Почему не укладывает волосы в прическу?.. Постепенно конечности мои налились тяжестью, и мною завладел терпкий, беспокойный сон.

Следующие несколько недель я усердно изучала язык страны Западных ветров,

знакомилась с традициями и, не без помощи моего покровителя, штудировала пропахший пылью «Свод законов». Мы с Арчи и Пуаро исколесили город вдоль и поперек, побывали в опере и вдоволь насладились местными блюдами, которые щедро и за весьма умеренную плату предоставлял ресторан «Шеннар». Во время продолжительных экскурсий я успела убедиться, что Вечнозеленым город назван неспроста. Сосны и ели тут встречались буквально на каждом шагу; что ни дом — то рослый ряд туй или кипарисов. Что ни переулок — то непременно высоченная пихта или могучий кедр. Но не только садоводы — архитекторы тоже показали, что не лыком шиты. Отстроили город на славу: приземистые жилые домики впечатляли обилием барельефов и колонн, высокие дворцы — сложностью конструкций и гармоничностью линий. Извилистые улочки, таинственные подвесные фонари — городок словно сошел с холста эпохи Ренессанса. Я была очарована, что, конечно, не укрылось от Арчи и подвигло его на новые «свершения». Он сделался даже красноречивее, чем прежде, и обходительности ему было не занимать. Отсутствие электричества он умело восполнил пылающим камином да уютно подрагивающими огоньками канделябров, а проблему с водой решил, посоветовавшись с братьями-близнецами, вхожими в салон Эсфири и завоевавшими сердца великосветских дам не столько своими манерами, сколько полезными в хозяйстве изобретениями. По вечерам мы с Арчи устраивались на диванчике у камина, закутывали ноги в плед — и наступало время сказок, потому что рассказы «мистера Стайла», как я называла его в моменты особого расположения духа, были для меня сродни волшебным преданиям.

«Праздников в стране Западных ветров, — умиротворенно повествовал он, — ровно столько, сколько месяцев в году. Первое число каждого месяца — непременно какое-нибудь торжество. Возьмем, к примеру, чароний (по-вашему, ноябрь). Первого чарония король Юлий вместе со своей свитой чинно выезжает из дворца, чтобы лично внести лепту в развитие местной науки. Он посещает институты — их в городе всего три. Не обходит стороной и биохимическую лабораторию, что за городской чертой. А вечером во дворце не смолкает музыка, кружатся в вальсе директора институтов, пьют за здоровье и процветание заведующие кафедр. На пиршество Юлий обычно созывает всех, кто хоть сколько-нибудь связан с наукой или только готовится ступить на сей тернистый путь. Так отмечаем мы день Светлого ума. Или вот возьмем, например, вернилий (на твоём языке значит май). Первый день вернилия — праздник Ветра. Не знаю, как у вас во Франции, а у нас ветер — не безликое явление. Воздух, конечно, перетекает туда-сюда, этого никто не отменял. Но, хочешь — верь, хочешь — не верь, летают в вышине да таятся под покровом лесных крон дивные, незримые создания. Тучи пригоняют они, зонты из рук вырывают тоже они. А пару раз мне даже привелось слышать их неистовый хохот. В день Ветра горожане вместе с королем и его подданными дружно выходят в поля и запускают воздушных змеев. А потом, как издавна повелось, прямо на поле, под огромным шатром, дается бал. И тут уж все, кому не лень, — и простолюдины, и высшее сословье — пускаются в пляс».

Голос Арчи становился мягким, делался словно бы глуше. Глаза мои заволакивало пеленой, и на пороге уютно окутывающего сна я чувствовала нежное прикосновение пальцев к моей щеке.

На следующий день ему вздумалось навестить Эсфирь, и мне ничего не оставалось, как, прихватив Пуаро, следовать за ним к оперному театру. В шаге от театра, облицованный мрамором и «охраняемый» целым ансамблем гипсовых изваяний, высился ее особняк. Пуаро

был решительно против столь раннего визита, и из его сумбурной болтовни я вынесла, что дома его ждет неотложное дело.

— Это какое-такое дело? — прищурился Арчи, услышав ворчание моего питомца. — Наловчился писать пером — и сразу дела у него появились. Вишь, какие мы резвые!

Тот бросил на Арчи недружелюбный взгляд, насупился и замолчал.

— Ты, приятель, погоди дуться. Вот мы сейчас у Эсфири позавтракаем, новостями обменяемся — а там, глядишь, и братья-изобретатели подтянутся. Мне их о вашем воздушном агрегате порасспросить нужно.

— А я, — буркнул Пуаро, — может, вовсе и не желаю во Францию возвращаться! Что я там такое? Безмозглый пес, которому только спать да из миски лакать. Никакого разнообразия. А здесь я равноправный член общества. Что на бал, что в библиотеку — добро пожаловать.

— Да, тут я тебя понимаю, — ухмыльнулся Арчи. — Но что-то мне подсказывает, наша Жюли другого мнения. Согласись она обосноваться в городке — и я без малейшего зазрения совести отбросил бы заботы о летательном аппарате.

Он выжидающе поглядел на меня.

— Ну, уж нет, так не пойдет, — ультимативно заявила я. — Раз уж взялся помогать, так помогай до конца. Я хочу домой и свои планы менять не собираюсь.

Как бы ни пленяла уютom и зеленью страна Западных ветров, Франция (Париж, улица Перголеди, дом двадцать восемь «А» — повторяла я про себя в надежде, что, когда у меня окончательно отшибет память, эта информация останется хотя бы на ее задворках)... Так вот, Франция была для меня в тысячу раз милее и дороже.

Благодаря стараниям Арчи, который поставил своей задачей развлекать меня денно и ночью, ностальгия по вожделенному отечеству до поры до времени таилась и лишь изредка ненавязчиво давала о себе знать. Так, кольнет вдруг в лунную пору необъяснимое чувство грусти или возникнет при взгляде на румяный месяц странное томление в сердце. Я старалась не придавать этому значения. Скоро мой шар возродится гордым фениксом и мы с Пуаро навсегда покинем Мериламию. Навсегда... Очнувшись от раздумий, я обнаружила, что стою перед тяжелой деревянной дверью, а мой спутник, точно заведенный, дергает за шнур колокольчика.

— У меня уже в ушах звенит, — пожаловался Пуаро, потершись мордочкой о мою ногу. — Куда запропастилась хозяйка?

— Да-а, дружище, я тоже теряюсь в догадках, — озабоченно проговорил Арчи. — Назначено ведь было на сегодняшнее утро.

— Что назначено? — машинально спросила я.

— Утренний чай! — внезапно разбушевавшись, рявкнул тот. — Да где же ее леший носит?! Раз было договорено, так будь добра, отвори! Ух, задам я ей — так обращаться со своим благодетелем!

Казалось, он вот-вот задымится от ярости. Точно подменили его — вишь какой взрывоопасный стал! Таких благодетелей лучше сторониться и без веской причины не тормозить.

— Знаете, сударь Стайл, отправлюсь-ка я, пожалуй, домой, — сказала я нарочито размеренным тоном. — Не хочу попасть под горячую руку. Да и ошпариться ненароком можно — у вас вон пар сейчас из ушей повалит.

Истолковав мою реплику буквально, он схватился за свои уши, сбив с головы цилиндр, и

тот покатился прямехонько к усеянной маргаритками клумбе. Беда с этими иностранцами — даже не поострословишь с ними.

Арчи спрыгнул с крыльца, точно от пчелиного роя спасаясь, и уже нагнулся за цилиндром, когда Пуаро чихнул и наострил ушки. Лязгнул внутри замок, отворилась с тягучим скрипом дубовая дверь — перед нами, стройная и величавая, появилась Эсфирь.

— На ком это ты злость срываешь, сударь мой Арчи? — сказала она на языке Мериламиин. Мне впервые довелось оценить красоту и благозвучие ее речи.

— Я того... сгоряча, вспыхнул малость... С кем не бывает? — в мгновение ока присмирел он. Ну и видок у него был! Одно слово — умора. Мы с Эсфирью переглянулись.

Возможно, виной всему мое богатое воображение, однако в тот момент мне показалось, что властным взором зеленых глаз она способна укротить даже тигра.

— Стоило мне задержаться в коридоре, так ты чуть ли не весь город на уши поднял. Терпение, дорогой друг. Терпение — основа успеха.

— Я терпелив, — отвечивал «дорогой друг». — Я терпеливо обивал порог твоего дома целых двадцать минут! И что это за коридор такой бесконечный, в котором тебя задержали?

— Отнюдь не бесконечный, — возразила Эсфирь, жестом пригласив нас с Пуаро внутрь. — Просто Рифат проводил очередной эксперимент.

— Рифат... Да не будет он помянут! — проскрежетал зубами Арчи, и, с трудом сдерживая гнев, переступил порог. Во время утреннего чаепития тема коридора больше не затрагивалась, и, судя по непринужденному поведению моего покровителя, недавнее его раздражение улеглось.

Поначалу мы чаевничали вчетвером. Пуаро начисто забыл о приличиях, когда ему на блюдечке поднесли обжаренное в чесночном соусе куриное крылышко. Устроился под письменным столом — и давай чавкать! Вгонять меня в краску было его излюбленным занятием. Вторым по счету после повреждения личного имущества.

Обстановка в гнездышке у Эсфири располагала к откровениям. Не пробило и десяти, как я выложила ей всё подчистую: откуда родом, чем на хлеб зарабатывала. Выболтала даже, что люблю белые розы, а носить предпочитаю шляпы с широкими полями и — стыдно сказать — кружевные чулки. Арчи слушал и мотал на ус. То-то, я смекнула, он был так неразговорчив.

Когда выпили по третьей чашке, снаружи назойливо зазвенел колокольчик, после чего раздалось три последовательных удара. Эсфирь спорхнула с дивана, точно пугливая горлица, и вскоре перед нами, улыбаясь до ушей и тараторя писклявым голоском нечто маловразумительное, раскланивалась дамочка, над которой явно потрудились визажисты и которой навскидку можно было дать лет эдак тридцать с хвостиком.

— Знакомьтесь, Дора, — представила ее Эсфирь. — Правая рука владелицы лаборатории. А это... м-м-м... — Она смуглилась, запамятавав мое имя.

К чему утруждать добродушную хозяйку? Я вскочила и с идиотской улыбочкой отрекомендовалась:

— Жюли Лакруа! Рада встрече!

Пуаро под столом, кажется, подавился косточкой, потому что звук, который он издал, очень уж походил на предсмертный хрип. Только потом до меня дошло, что зубастый вредитель всего лишь пытался изобразить издевательский смех.

Дора сняла с шеи разноцветный полосатый шарф и повесила на спинку стула.

— Приятно познакомиться, — сказала она, обратившись затем к Арчи. — Ваша новая подопечная, мистер Стайл, весьма и весьма хороша. Не взять ли вам ее на один из приемов короля Юлия?

— Всему свое время, — важно отозвался тот, принимая небрежную позу. — Ей еще многому следует научиться.

— В любом случае, наша лаборатория, — сказала Дора, устраиваясь рядом со мной, — всегда к вашим услугам. Если понадобится что проанализировать или сведений каких пожелаете — милости просим. Находимся мы сразу за парком Моне, где-то в парланге[1] на север от Вековечного Клена.

— Вековечного Клена? — переспросила я.

— Обязательно там побывай. Клен — наша главная гордость и тайна, — сказала Эсфирь. — Дора с сестрой над этой загадкой природы уже который год бьются, никак в толк не возьмут, отчего он на зиму не осыпается. Верно я говорю?

— Верно, — подтвердила Дора. — Что ни день, или я, или Сара непременно бываем на Звездной поляне, берем пробы, измеряем толщину ствола... Правда, проку от наших усилий мало. А, да что греха таить! Никакого проку, на самом деле. Стоит дерево, как стояло. Лет двести, не меньше уже стоит. Прабабушки наши его во-от таким клеником видывали. А как разросся теперь — что ввысь, что вширь — настоящий богатырь! Сдается мне, у него и характер свой появился. Норовист Вековечный Клен, лишь бы кого под крону свою не пускает. Но что я говорю! Сами съездите, убедитесь.

— А сестрица где твоя? Где Сара? — любопытствовал Арчи, точно норовя ускользнуть от темы. — Небошь, поспешает к нам со всех ног...

— Не поспешает, увы. В последнее время стала слаба здоровьем. Просила передать, чтобы ее не ждали. Даже опыты отложить пришлось. Никакая микстура не помогает. Я потому к тебе, Эсфирь, и напросилась на утренний час, чтобы за советом обратиться. Знаю, что незваных гостей ты спроваживаешь, а лекарство мне очень и очень нужно. Коль сестренка зачахнет, как я жить буду? — шмыгнула носом Дора.

— Да ты, кудесница-чудодейка, у нас прямо нарасхват. Даром что во дворце на тебя зуб имеют, — прищурившись, заметил Арчи, когда Эсфирь поднялась, чтобы сбегать за целебной настойкой. Удивительно, что в таком большом доме не было ни одной горничной, ни даже самого захудалого лакея, тогда как у мистера «пакостная ухмылка» и тебе повар, и личный секретарь, и мажордом — целая дивизия слуг!

Словно бы угадав мои мысли, Арчи улыбнулся краешком рта и подмигнул.

— Наша Эсфирь фрукт особый. С самого начала взбунтовалась против общественных устоев. Дора не даст соврать, правда, Дора?

Та, которой адресовалась последняя его фраза, притворилась глухонемой и, пожившись, вновь обмоталась своим шарфом.

— Да ты и сама посуди, — после паузы продолжил Арчи, обратившись ко мне со слащавой ухмылочкой. Пришлось призвать на помощь всю силу воли, чтобы не вмазать ему по физиономии. — Что у моих современниц вызывает восторженные возгласы, то Эсфирь на дух не переносит. Она бросила вызов великосветской моде, из-за чего в «павлиньей» среде аристократов ее, мягко говоря, не переваривают. Как-то при мне платье фаворитки короля Лауры она обозвала чехлом для люстры, а прическу встретившейся нам малютки Эжени, — он рассмеялся в нос, — дохлым осьминогом. Кроме того, у нас принято, чтобы каждый, кто при умеренном достатке не хочет прослыть скрягой, обязательно держал прислугу. А что

Эсфирь? На бедность не жалуется, концы с концами не сводит, но следовать «сему варварскому обычаю», видите ли, ниже ее достоинства. Уж и так, и эдак увещевали ее, уговаривали — всё коту под хвост.

Краем глаза я глянула на Дору: бедняжка вжалась в диванную спинку и боялась пошевелиться. То ли сплетни Арчи ее доконали, то ли от сестры болезнь подхватить умудрилась — неизвестно. Только вот когда Эсфирь внезапно выступила на середину комнаты и обвела нас суровым, осуждающим взглядом, сердце у меня ушло в пятки. А мой сосед сделал несколько судорожных плотательных движений и, похоже, счел за благо прикусить язык, ввиду скорого оглашения приговора.

— Итак, что же мы видим? — ледяным тоном проговорила Эсфирь. — Шепчутся за моей спиной, косточки переминают — и кто? Не старухи с рыночной площади, не пигалицы с королевского двора, а собственные друзья!

— Я... я тут не при чем! — точно ужаленная, воскликнула Дора.

— Знаю, что не при чем. Держи свое лекарство, — примирительно отозвалась та. — На роль разносчика сплетен у нас имеется другой кандидат. Что, Арчи Стайл, много нового узнала твоя протезе?

Эсфирь уперла руки в бока и гневно сверкнула на нас из-под черных бровей.

— Эй, эй! Ты не то подумала! У меня вовсе не было намерения выносить сор из избы. Наоборот, старался представить тебя в самом выгодном свете, — со скоростью тележурналиста оттараторил Арчи.

— Старайся — не старайся, да только у тебя с языка всякий раз одна грязь слетает. Ты уж не сочти за труд, поработай над собой. А теперь — вон, выметайся вместе со своей подопечной. Видеть вас больше нету мочи.

Арчи передернулся, схватил плащ и заторопился к выходу.

— Жюли, не зевай! Если нас попросили, медлить негоже! — крикнул он мне. Под тяжелым, недружелюбным взглядом Эсфири долго не продержишься; когда она не в духе, от нее холодом так и веет. Я встрепенулась и, пробормотав на прощанье несколько сбивчивых фраз, выбежала на крыльцо, где, притопывая ногой, меня поджидал недотепа-сплетник.

— Ты не думай, она не злопамятна. Обиды таить не умеет, — обронил он, когда мы вышли за калитку. — Покипит-покипит — и остынет... Что смотришь? Точно тебе говорю!

— А ведь срам-то какой, да? Небось, со стыда готов был сквозь землю провалиться, — хихикнула я.

— Насмехаться изволишь? Мне проваливаться сквозь землю не положено. Да. Я должен производить хорошее впечатление. Я вообще всех с ума сводить должен! Если мимо проходит великий и ужасный Арчи — дамы штабелями ложатся, понятно?! Таков закон природы.

— Чего уж тут непонятного, — решила сострить я. — Только ты пока еще не великий и ужасный.

...Он гонялся за мною по мостовой добрую четверть часа, размахивая зонтом и грозя расквитаться за нанесенное ему «оскорбление», пока, наконец, не выбился из сил и не признал, что энергии у меня хоть отбавляй.

— Мы, путешественники, народ выносливый, — сообщила я в перерыве между приступами хохота. — Кому угодно фору дадим!

Он попытался было обнять меня, но тут стал накрапывать дождик, и я не придумала ничего лучше, чем укрыться в первом попавшемся кафе.

— А цилиндр, цилиндр-то я у Эсфири забыл! Эх, дырявая башка! — стукнул Арчи кулаком по столу, когда нам принесли меню.

— Невелика потеря, — отозвалась я. — Ты в этом цилиндре точно чучело гороховое. А плащ, видно, у призрака оперы стащил.

— Что еще за призрак оперы? — явно не польщенный сравнением, буркнул тот.

— Да так, воспоминания из прошлого. Персонаж романа Леру. Но тебе это мало о чем говорит.

Взяв в руки лоснящееся меню, он перелистнул страницу-другую и, остановив свой выбор на каком-то десерте, подозвал официантку. Я предпочла кофе без сахара.

— Ваш призрак... Он был личностью харизматичной? — словно бы невзначай поинтересовался мой опекун. Я кивнула. — В таком случае, буду носить этот плащ, пока не отправлюсь к праотцам, — сказал он, засияв, как медный таз. Шутник! Поди разбери, когда он всерьез, а когда нет. Я прыснула со смеху, и Арчи не замедлил ко мне присоединиться.

[1] 1 парланг = 6 км

Глава 4. Воля Теневого сенешаля

Наши заказы еще не подоспели, а охранники уже выталкивали нас взащей и вытолкнули-таки на улицу, прямо под проливной дождь. За нарушение порядка, как объяснил потом Арчи. Мы, видите ли, слишком уж шумно смеялись.

«Публика у нас здесь тонкая, рафинированная. Малейшее неудобство — и начинает шипеть, что твоя кошка, — любил говаривать он. — Знаешь, что бывает с теми, кто досаждают соседям трое суток кряду? Его сажают за решетку ровно на трое суток!»

«А как же тогда извозчики? Они ведь прямо под окнами склоки устраивают», — недоумевала я.

«У извозчиков и прочих „слуг народа“ — особая привилегия. Орут и гремят, где хотят и когда хотят. Не правда ли, парадокс?»

Пока я сражалась с тугим механизмом зонта, пока Арчи, перебирая ключи, колдовал с замком под аркой своего особняка, меня пронзила внезапная мысль: почему никто не пугается у меня под ногами? Куда подевался вечно недовольный и вечно сердитый Пуаро?

— Пос-слушай, — проговорила я, стуча зубами от холода. — А как долго обычно остывает Эсфирь?

— Всё зависит от силы накаливания, моя милая, — уверенный в своей неотразимости, отозвался тот. — Интуиция подсказывает мне, что сегодня к ней лучше не соваться. А почему ты спросила?

— Понимаешь, я тоже кое-что у нее забыла. Вернее, кое-кого...

— А-а-а! — заулыбался Арчи, справившись с замком и подняв на меня глаза. — Так мы с тобой два сапога пара! Признаться, — сказал он, отворяя дверь, — мне даже на руку, что этот маленький проказник остался у нее. Авось чего разузнает, разнюхает. Не дает мне покоя предчувствие, что Эсфирь и ее дружок наворотят глупостей.

— Дружок — это Рифат, значит? — отважилась спросить я.

— Не упоминай при мне его имени! — вздрогнул он. — И думать о нем забудь! Существует поверье, что если просто устремить к нему мысли, то можно распрощаться с собою прежним. Боюсь, Эсфирь уже подпала под его чары...

Больше в тот день мы о ней не заговаривали, и я всячески старалась не думать о Рифате, убивая время за вышиванием, примеркой платьев из гардероба тетушки Арчи и бесцельными блужданиями по комнатам его просторного дома. В одной из комнат, предназначенной для хранения бумаг и прочих письменных принадлежностей, я обнаружила раскрытую книгу — под столом, что сразу же позволило сделать мне верные выводы. Эта книга представляла собой не что иное, как дневник Пуаро. Любопытно почитать, что нацарапал в ней лохматый паразит. Наверняка что-нибудь крамольное... Первые две страницы были сплошь усеяны закорючками — решил попрактиковаться в чистописании, а заодно отбить интерес у случайного читателя. Со мной его хитрость не пройдет. На третьей странице начинался связный текст. Впечатления от похода в оперу, двадцать первого симендрия (по-нашему, октября):

«Певичка орала как оглашенная. Будь у меня помидор или кочан гнилой капусты — непременно запустил бы им в эту бездарщину! — Клякса. — Ужин при свечах был просто великолепен. — Клякса. — Месье Стайл засматривался на мою

хозяйку. Чувствую, прилипнет он к ней, как банный лист».

Дальше я читать не стала. До того мучительно! Отвернула страницы, как они лежали изначально, — не хватало еще, чтобы хвостатый оборот что-нибудь заподозрил. А он заподозрит, ох, заподозрит! Нюх у него отменный, да и мнительности не занимать. Впрочем, от последствий подобного рода есть одно надежное средство под названием парфюм. Пошарив на полках, я нашла, что искала: стойкие цветочные ароматы способны охладить пыл любого сыщика, а уж флакончик «теткиных зловоний», как Арчи часто именовал духи своей родственницы, в таком деле просто незаменим. И хоть я ни разу не встречалась с его теткой, охотно отправила бы ей с посыльным пару коробок конфет.

Благо, никто не застал меня за сим предосудительным занятием, и, когда я покончила с распылением духов, радостный настрой у меня прямо-таки зашкаливал. Наверное, точно так же чувствует себя преступник, которому удалось замести следы.

До ужина я проболталась в оранжерее, где личный садовник Арчи выращивал редкие виды растений. Диковинные даже для наших краев деревца поражали гладкостью стволов и необычайной формой листьев, а огромные розовые и голубые бутоны, таившие в себе нежность южных ночей, вот-вот должны были явить миру свою девственную красоту. Я пообещала себе, что ни в коем случае не пропущу время их раскрытия. Но тут, как назло, в оранжерею собственной персоной явился Арчи и, невзирая на отчаянные сопротивления с моей стороны, вывел меня на лестничную площадку.

— Что-то срочное? — спросила я, пылая праведным гневом.

— Блюда готовы, — сквозь зубы процедил тот.

— Блюда могут и потерпеть, — подражая ему, ответила я.

— А еще у нас непрошенный посетитель, — добавил Арчи, как будто посетитель, по сравнению с остывающими яствами, нечто второстепенное и несущественное.

В трапезной зале, за уставленным канделябрами столом без конца и края, восседал субъект во всех отношениях примечательный: одетый в черное с ног до головы, он не шелохнулся при нашем появлении и даже не глянул в нашу сторону. Арчи властно усадил меня в глубокое кресло, и не исключено, что эпохой ранее это кресло принадлежало какому-нибудь непобедимому рыцарю. Располагалось оно во главе стола, и его резная спинка была прямо-таки испещрена всевозможными узорами. Передо мной словно воскресли былые времена: вот доблестный паладин в латах и шлеме вынимает из ножен свой меч, осматривает его и — р-раз! — меч со свистом рассекает воздух. Товарищи пьют вино и смеются. Они вернулись после кровопролитной сечи, их ждет благодарность государя и торжественные песни бардов... Но что-то я замечталась. Арчи с черным господином совещались, то и дело поглядывая на меня, первый — по-лисьи, а второй... Когда он обратил ко мне свой бесцветный лик, меня обдало замогильным холодом. Нежить! Так вот каких гостей привечает «его вспыхивающая светлость»! И о чем они говорят? Неужто обо мне? Попытки вникнуть в их беседу ни к чему не привели: она велась на языке, мне неизвестном. Голоса звучали глухо, а иногда пропадали вовсе. И неотрывно следили за мною черные глазницы то ли призрака, то ли демона.

Арчи, к чьей жестикуляции я уже привыкла, вел себя на редкость смирно и держал речь, как подобает истинному дипломату, о чем свидетельствовали его интонация и строгое выражение лица.

— Поймите же, она не готова! — услышала я, подивившись, отчего это он перешел на язык Мериламии. — Дайте нам отсрочку хотя бы до середины чарония[2].

— Время на исходе, — прошелестел безротый призрак. — Если слушаетесь, на вас обрушатся беды, одна горше другой. Жюли Лакруа должна съехать отсюда завтра же. Иначе вам несдобровать.

Я не преувеличу, если скажу, что страшно разозлилась. Похоже, слово призрака — закон, а еще похоже, что он всемогущ, раз предрекает несчастья. А то, может статься, он просто колдун или пройдоха какой. Арчи предостерегал меня против них, когда я только-только поселилась в его хоромах.

— Вы мне не указ! — со своего места выкрикнула я и, придя в ужас от собственной дерзости, зажала рот рукой.

Призрак по натуре был довольно вспыльчив и заводился, можно сказать, с полуоборота. Не думаю, чтобы его собратья пребывали от этого в восторге. Он вскочил, точно его ужалила призрачная оса, и его длинное черное одеяние заколыхалось в полумраке залы. Засуетились, затрепетали на свечах языки пламени; где-то хлопнула форточка. Да, в тот миг он был воистину грозен, но меня сковало каменное бесчувствие. Мы, французы, народ привычный; нас спецэффектами не проймешь. Растерявшись поначалу, я быстро взяла себя в руки: раз нездешняя, чего мне опасаться?

— Не позавидую тому, кто вздумает прекословить мне, Теневому сенешалю, — сурово проговорил он, сверкнув на меня чернотой из-под капюшона, и, взмыв к потолку в своем развевающемся балахоне, вихрем вылетел в окно.

Арчи устало опустил на стул.

— Ну и влипли мы с тобой, — обреченно сказал он. — Знаешь, кто такой Теновой сенешаль?

— И кто же?

— Тень некогда всесильного чародея, управлявшего делами страны. Теперь он в виде бестелесого фантома является тем, кто дает приют странникам, и требования его зачастую исполнить нелегко. Однако в одном он прав: рано или поздно тебе придется искать отдельное жилье и мало-помалу вливаться в наше общество.

— Да что я в вашем обществе забыла?! — возмутилась я, наблюдая, как снуют вокруг стола спохватившиеся официанты. — Мне домой надо, в Па... Во Фри... Фран... В общем ты понял.

— Само собой. Я свое обещание сдержу и помогу тебе починить воздухолет. Однако до того момента, как ты покинешь наши края, советую тебе приноровиться к здешним порядкам, потому как, боюсь, ты здесь застряла надолго.

У меня был выбор: продолжать возмущаться и скрежетать зубами, покуда не измельчу зубы в порошок, либо отведать остывшее кушанье. Повар был на высоте — такого я не едала даже в первоклассных ресторанах Паро... Рижа... Да как его там! Надеюсь, Арчи не станет брать с меня платы за то, чтобы я разок подсмотрела в его справочнике название родной столицы.

После ужина мы вновь поднялись под крышу, навестить оранжерейных питомцев искусника-садовода. Но, поравнявшись с цветочными кадками, оба, как по команде, застыли изваяниями. Бутоны, на которые возлагалось столько надежд, побурели и поникли, а вместо освежающего сладковатого аромата я уловила запах гниющей падали. Как такое возможно?!

— Теновой сенешаль не солгал, — чуть слышно проговорил Арчи. — Предупреждение

номер один.

— Только вот не надо хвост поджимать. Вдруг просто-напросто твой садовод оплошал? Или у заморских цветочков на меня аллергия? Не всё ж приписывать пророчеству умершего колдуна! Ты ведь не выгонишь меня, правда?

— Я похож на подлеца? — изогнул бровь Арчи.

— Самую малость, — не удержалась от сарказма я.

На следующее утро (вернее, утро-то еще не наступило — был темный предрассветный час), все — от мала до велика, включая меня, — проснулись от отчаянного дребезжания колокольчика у парадного входа. Недовольные возгласы хозяина, топот ног... К нам пожаловал очередной визитер. С горем пополам расчесав вьющиеся волосы и напялив поношенный теткин халат, я выбежала в коридор. Справа от меня оглушительно хлопнули дверь — сонный и всклокоченный, из своей опочивальни выскочил Арчи.

— И кого в такую рань принесло?! — проворчал он. — Не по твою ли, часом, душу?

Я поспешила его разуверить, и тот, кликнув дворецкого, вновь исчез в спальне. Так, впервые за всё время, мне привелось увидеть его в ином облике — беззащитного, лишенного маски светского щеголя, лишенного лоска и фальши. Когда мы, одновременно закончив утренние приготовления, спустились в гостиную, нас уже ожидала Дора.

— Извините за бестактное вторжение, — пролепетала она, сделав книксен. — После ночного бдения у сестриной постели как-то не спится... Я принесла ваш цилиндр.

— Ну, спасибо на добром слове, — насупился Арчи, вырвав шляпу у нее из рук. — Из-за тебя у нас скоро всё кувыркком пойдет.

— Как-то неучтиво на гостью с порога набрасываться, — заметила я, отстраняя его плечом. — Раз заглянули, то уж располагайтесь, выпьем кофе.

— Ха! — вскинулся хозяин. — Совсем ты, Жюли, распоясалась! Никакого «кофе» не будет!

— А я говорю, будет! Подать сюда три эспрессо! — стала в позу я.

С такой наглостью Арчи, видно, еще ни разу в своей жизни не сталкивался. Ну, уж позеленеть от злости — он позеленел. И даже взгляд устрашающим сделал. Но меня взглядом не испепелить, я стойкая. Огнем он пока не дышал, да и до хамелеона ему было далеко. В общем, я пребывала в уверенности, что настою на своем. И настояла бы, если б Дора не спутала мне карты.

— Премного благодарна, но задержаться никак не могу, — проблеяла она, пятясь к дверям. — Сара лежит в лихорадке, просила надолго не отлучаться. Туда и обратно. А песик ваш, Пуаро, изъявил желание остаться у Эсфири... — Тут она запнулась, с опасением глянув на Арчи.

Судя по выражению его лица, он был готов сожрать меня живьем. И сожрал бы, не поперхнулся. Только меня голыми руками не возьмешь.

— Знаешь, как в старину наказывали за самоуправство? — зловеще прошептал он, приближаясь ко мне. — Их привязывали к столбу на городской площади и нещадно лупили плетками.

Хочешь — не хочешь, а отступить надо. Соседство с разъяренными субъектами никогда не доставляло мне особого удовольствия.

— Что такого в том, чтобы предложить посетителю кофе? — попыталась защититься я. — Ведь не лиходея же принимаем!

— А какое ты имеешь право распоряжаться моими слугами и моим кофе?! — с нарастающей в голосе угрозой проговорил Арчи.

Еще пара шагов — и придется признать поражение. Меня оттесняли к стене.

— Жадина! Скупердяй! Вот ты кто! — второпях бросила я и пулей вылетела из гостиной.

Дора вскрикнула и, уступив дорогу моему преследователю, чуть не потеряла сознание. Откуда у него только силы берутся — не позавтракав, носиться за мной по всему дому! Не очень-то это по-джентльменски.

Как и в прошлый раз, я оказалась расторопней. С трудом верилось, что Арчи рассердился по-настоящему. Но перестраховаться не помешает. Несмотря на то, что после пробуждения во рту у меня не было и маковой росинки, улепетывала я на редкость проворно. И во мне мало-помалу росло убеждение, что «модник-ловелас» повредился рассудком. Ох, не следовало строить ему рожи с верхних лестничных площадок, да и моя натянутая улыбка во время спора здорово подлила масла в огонь. Нет, о том, чтобы капитулировать теперь, не может идти и речи. Он же три шкуры с меня спустит. Насадит на вертел — и поджарит на медленном огне. Зачем я только решила показать характер?!

Слуги попрятались по закуткам. Дора же, вероятно, покинула помещение, что с ее стороны было бы вполне благоразумно, учитывая нынешнее состояние домовладельца. Он был вне себя от бешенства. А меня подстегивал неконтролируемый страх, хотя не так давно я полагала, что наши дебаты выльются в мирное русло.

Арчи загнал меня на самый чердак, где я успешно забаррикадировалась и стала выжидать. Он немного побушевал за дверью, осыпал меня всеми мыслимыми и немислимыми проклятиями, после чего удалился, объявив, что заморит меня голодом. Поднимать белый флаг из нас двоих не собирался никто.

Где же мой верный друг Пуаро, когда он так нужен?! Он бы, как пить дать, отделал этого невменяемого фата, покрошил бы его на салат... Но нет, маленький негодник предпочел отсидеться у Эсфири. Впрочем, узнай он, какой шквал обрушился на его хозяйку, мигом бы примчался. Но здесь ведь ни мобильной связи, ни сигнализации не придумали. Да и от пожарного колокола толку мало. Надо самой выкручиваться.

Почти месяц прошел с тех пор, как Арчи дал мне кров. И как ему только удавалось целый месяц скрывать от меня свою истинную сущность? Ведь был паинька паинькой, и мухи, казалось, не обидит. Откуда вдруг эти приступы гнева? Эх, что ни говори, Теневой сенешаль явился весьма кстати — мне действительно пора съезжать. С таким неуравновешенным типом, как Арчи, шутки плохи.

На чердаке стояла темень, в незастекленное слуховое окно, подвивая, задувал ветер. Раздобыть бы хоть огрызок свечи и какие-никакие спички... Спичек не нашлось, зато в углу, на железной подставке, я обнаружила трут. Запалить свечу — дело, вроде бы, житейское, да только я с ним промаялась не меньше четверти часа. Не по плечу Жюли Лакруа житейские дела. Моя тетушка частенько жаловалась соседкам, что руки у ее племянницы не из того места растут. К плите она не подпускала меня и на пушечный выстрел, стряпала сама. Но у меня ее стряпня вставала поперек горла, поэтому трапезничала я преимущественно у подруг или подкреплялась в дешевых забегаловках.

Но вернемся к реальности. Добыв, наконец, огонь, я возликовала, как первобытный представитель рода человеческого, хотя на моем счету имелись куда более весомые достижения. И ликовать особенно было не от чего: на чердаке у Арчи скопилась

немыслимая груда хлама. Не чердак, а лавка старьевщика! Здесь было всё, что только душа пожелает: и пропахшая нафталином залежалая одежда, и стопки прошлогодних газет, и побитые молью гардины, и еще куча всякой всячины. Впору устраивать аукцион.

Вдруг у самой ноги злобно пискнула и прошмыгнула в тень какая-то тварь. Крыса! стыдно признаться, но крыс я боюсь с рождения. Так что визг мой, наверное, был слышен на всю округу — здесь я постаралась на славу. Заодно вспугнула летучих мышей, которые обитали под потолком, и они шелестящей массой пронеслись у меня над головой. Такое и менее впечатлительного выбило бы из седла. Споткнувшись о торчащий в полу гвоздь, я выпустила свечу из рук, и та, описав изящную дугу, приземлилась прямехонько на ворох тряпья. Я же очутилась на дощатом полу, успев посадить пару внушительных синяков и обзавестись несколькими ссадинами. Просто отличное начало дня!

Прислушалась: тишина, точно вымерли все. Ни мои крики, ни шум не произвели никакого эффекта. Видно, Арчи под страхом смерти запретил своим слугам мне помогать. А сам-то он где? Не удивлюсь, если уплетает омлет за обе щеки да запивает горячим молоком, — собственное удобство ведь превыше всего. У меня заурчало в животе, и я уже собралась пожалеть себя любимую, как вдруг явственно ощутила запах гари. Глядь — а у противоположной стены чердака всю резвится пламя: прыг — и оно отплясывает на обивке старой софы, скок — и оно с треском пожирает «Печатное слово Мериламии». Я могла бы и еще поглазеть, постоять, как замороженная, но тогда бы у самой, чего доброго, косточки обуглились.

Разобрав баррикаду трясущимися руками, вырвалась на волю и давай верещать: «Пожар! Горим!». Сработало почище любой сигнализации. Тут уж все встрепенулись, схватились за голову, и не было им дела до указов сквалыги Стайла. Дружно ринулись за водой.

Арчи нагнал меня на втором лестничном марше.

— Что ж ты творишь, окаянная?! Чего добиваешься? В могилу меня свести хочешь?! — прогремел он. На лице его было написано отчаянье.

— Вовсе не хочу! — с чувством уязвленного достоинства отчеканила я на бегу. — Мне не пристало мстить за мелочные обиды, ясно тебе?!

— Но пожар ведь ты устроила!

— Давно пора было избавиться от всех этих бесполезных вещей, — заявила я, хотя совесть меня всё ж покалывала. — Да и не ты ли вынудил меня запереться наверху?!

На сей раз у Арчи оправданий не нашлось, и он хмуро вручил мне ведро.

— За работу! Если сгорит хоть что-нибудь, помимо чердака, сегодня же выставлю тебя на улицу.

К счастью, пламя удалось потушить прежде, чем оно перекинулось на нижние апартаменты. Правда, лестница и стены порядком закоптились, но с дюжиной лакеев — были бы тряпки да мыльный раствор — что угодно до блеска вычистишь. Управились к вечеру — а там и тучи убрались восвояси. Целый день затмевали они солнце, и если бы не пожар на чердаке, померли б мы, наверное, со скуки. Дневная серость сменилась тьмой. Небо расчистилось, и, хотя закат я проглядела, смогла вдоволь налюбоваться полной луной с балкончика, куда чуть позже вышел Арчи.

— Ужинала? — мрачно спросил он.

— Не заслужила, — столь же мрачно отозвалась я. — Слишком уж много от меня хлопот.

— Да и я тоже хорош. И что на меня нашло?! — вздохнул тот, поставив локти на перила. — Такая злобища во мне кипела, просто жгла изнутри! Порчу, что ли, на меня навели?

— А может, начало исполняться древнее проклятие, и теперь не видать тебе удачи целых семь лет? — выдвинула гипотезу я. У Арчи прямо дух занялся и даже глаза на лоб полезли. Смешно было наблюдать за его реакцией. Ну, не понимают эти иностранцы юмора. Честное слово, дикие люди! Пришлось мне шутки отставить.

— Да брось ты на зеркало пенять, коль у самого рожа кривая! У него характер скверный, а он, поди ж ты, ищет себе оправдания да думает, на кого бы свои недостатки свалить. Так у тебя каждый встречный-поперечный виноват будет, зато сам ты обелишься. Или скажешь, не так?

— Да так оно, так, — нехотя признал мой собеседник. — Ты меня как будто насквозь видишь... Прости, изрядно я сегодня погорячился, — с внезапным раскаянием произнес он. — Оставайся, а? Хоть навек оставайся. Не прогоню.

— Что, будешь меня холить-лелеять? — съехидничала я.

— А вот буду!

— Наперекор Теневому сенешалю?

— Да пес с ним, с этим сенешалем! Пусть только попробует снова ко мне сунуться!

Тут он притормозил, пораскинул мозгами и решил на всякий случай разговор замять. Больно уж разошелся. А как и вправду Теновой нагрянет?

В общем, остановились мы на том, чтобы пойти погулять в ближайшем парке. Арчи выделил мне шарф потеплее, длинное кашемировое пальто да элегантную пару сапожек и, привычным движением набросив плащ себе на плечи, шагнул за порог. Ночка выдалась безветренная, а звезды сияли, точно кто-то их специально наполировал. Мы ходили, задрав головы, и Арчи показывал мне созвездия.

— Вон Аорин, — говорил он. — Состоит из семи главных звезд. А самая яркая из них зовется Пигмариллом. Я спорила, что не Аорин это, а Малая Медведица, и что в «хвосте» у нее находится Полярная звезда, а вовсе никакой не Пигмарилл.

Он смеялся и просил рассказать о чем-нибудь еще из моего мира. Но помнила я мало, с каждым днем всё меньше и меньше...

[2] Чароний — ноябрь

Глава 5. Теткино нашествие

Наш урок астрономии закончился, когда я пожаловалась, что у меня затекла шея.

— Замучил я тебя совсем, — сказал Арчи. — Но мне в сей предмет углубляться-то особо и не стоит. Сам запутаюсь и тебя запутаю. Если что, по части астрономии знатоком считается мой давний приятель Лео, или Лёва. Заинтересуешься космическими телами — прямо к нему и беги. Просветит лучше всякой энциклопедии.

— Сколько ему лет? Он, наверное, стар и мудр, как сказочный маг.

— Почему ты решила? Нет, до старой плесени ему далеко! Чтобы увлекаться науками, совсем необязательно быть убеленным сединою. Эх, видела бы ты, как он хорош! Придворные дамы млеют от одного его жеста или ласкового слова. Впрочем, скоро ты сама убедишься. Через три дня, в день Светлого ума, состоится королевский бал, и тебе надо непременно показаться Юлию. Без его покровительства новичкам здесь приходится туго. Пока он не подпишет соответствующий указ, никто тебе даже руку помощи не протянет, лишним куском не поделится. Везде ты будешь изгоем.

— Это вроде как регистрация?

— Можно и так сказать. Но у нас всё проходит в торжественной обстановке...

— Под звуки фанфар, — мечтательно подхватила я.

— Не совсем. Но музыкальное сопровождение имеется.

— Ох, жду не дождусь!

Арчи пообещал, что не поскупится и подберет для меня платье из самой дорогой ткани. Да и Пуаро от обновки не отвертится. Ему тоже следует предстать перед королем.

— А если Эсфирь его не отпустит? — с тревогой спросила я. — Вдруг она продержит его под замком до скончания века? В качестве расплаты за твои прегрешения?

— Тем хуже для нее. Тебе, видно, невдомек, на что способен этот малыш в порыве отчаяния. Он не из тех, кто променяет свободу на собачий сухарик, уж поверь мне. При надобности и дыру в стене прогрызет. Но вот если Эсфирь приглянулась ему более, нежели прежняя хозяйка, на его возвращение можешь не рассчитывать.

Ничего себе новости! Выходит, мелкий шkodник теперь волен выбирать хозяев?! Я сжала кулаки: не бывать тому! Если уж он намерен пакостить всю свою оставшуюся жизнь, пусть пакостит мне, а не какой-то там Эсфири!

— Вижу, боевой дух у тебя в крови, — усмехнулся Арчи. — Но не волнуйся, мы отвоюем твоего дружка при любом раскладе. В моем арсенале полно сосисок и копченой колбасы.

Его заявление прозвучало столь ободряюще, что спустя некоторое время опасения за Пуаро начисто выветрились у меня из головы. Прилегши на диване после сытного завтрака, я погрузилась в сладкую дрему, и мысли мои невольно обратились к Рифату. Отчего о нем запрещено думать? Неужто он и чародей, живущий за твердыней Арнора, одно и то же лицо?

Проснувшись я оттого, что Арчи тряс меня за плечо.

— Поднимайся, соня. Поедем за твоим воздухом. Я обо всем договорился с извозчиком, даже телегу раздобыл!

— Куда? Зачем? — не поняла я.

— Перевезем летательный аппарат ко мне во двор. Не дело, чтобы он где попало стоял.

Надо же, какой хозяйственный! А я и запаматовала совсем! Столько всего за последние дни приключилось — забот, как говорится, выше крыши, где уж тут о воздушном шаре думать! Молодец всё-таки Арчи.

— Знаешь, — сказала я ему, забравшись на козлы, — никак не могу определиться: джентльмен ты или не джентльмен.

— Вот как? — развеселился тот. — Мне, право, неловко. Ты уж изволь решить поскорее, да желательно в мою пользу. Негоже Арчи Стайлу болтаться между небом и землей. Или небо, или земля — одно из двух.

— Но чаши весов колеблются исключительно по твоей вине. Сегодня ты мил и обходителен, а назавтра оборачиваешься разъяренным громовержцем. Пора бы уже найти золотую середину.

— Давай для начала отыщем твою плетеную гондолу, — сказал он, хитро-пристально взглянув на меня и тронув лошадей. Серый дорожный костюм да круглая фетровая шляпа с прямою тульей и полями были ему очень к лицу. Я же для сего небольшого путешествия выбрала длинную бордовую юбку из несминаемой ткани и сходного покроя жакет, а голову повязала крепдешиновым платком.

Выехать из города оказалось не так-то легко. Лавочники и торгаши, к которым я отнюдь уважения не питала, очевидно, возомнили, что проезжая часть создана специально для того, чтобы им было где развернуться. Нетерпеливо дергая за поводья, Арчи бранился похуже местной челяди. Опрокинул на полном ходу несколько бочек с живой рыбой, чуть не сшиб бакалейщика, который еле успел сгрести в охапку свои товары. Ух, и крику было! Народ расступался, вдогонку нам неслись оскорбления, кто-то даже бросил камень. Обычное дело!

Оставив мост позади, мы двинулись незнакомым мне объездным путем. Сначала дорога вела через старинный парк Сандару с огромными, кряжистыми дубами, скромным орешником, разлапистыми елями и еще какими-то невиданными деревьями толщиной в три, а то и в четыре обхвата, кроны которых терялись в недоступной взору вышине.

— А теперь, внимание: Звездная поляна! — торжественно объявил Арчи. — Вот он Вековечный Клен!

Разница между Кленом и парковыми старожилками была видна невооруженным глазом. В то время как рядовые представители растительного царства растеряли практически всё свое золотое убранство, Клен стоял целехонек, стоял — и шелестел листвою-бахромой, словно бы в насмешку. Казалось, что сквозь крону его просвечивает солнце, а трава вокруг могучего бороздчатого ствола по-весеннему зелена и полносочна. Не иначе обман зрения!

— Ступай, рассмотри его хорошенько, — предложил Арчи. — Бьюсь об заклад, листья у него без единого изъяна. Им, как утверждает Дора, присуща идеальная симметрия.

Я мотнула головой. Некогда мне сейчас под Кленами расхаживать.

Арчи хлестнул вожжами, и кони ускорили бег. Парк исчез за поворотом — теперь мы ехали по голой равнине с попадающимися тут и там холмиками дикой растительности. Покачивались на ветру бурые стебли каких-то трав с высохшими соцветиями, скрипела-скрежетала под колесами дорожная насыпь. Мне стало зябко и неудобно. Тщетно высматривала я вдали твердыню Арнора — тракт Озгельд, которым мы прибыли в город после моей вынужденной посадки, лежал за полосой густого леса.

— Сколько еще до пункта назначения? — спросила я, поплотнее замотав шарф.

— Парланга два, — безучастно откликнулся Арчи. Редко нападала на него хандра, но уж если нападет — суши весла. Из него в таком состоянии ни словечка не вытянешь, будет

сидеть, хмурить брови да размышлять о чем-то непостижимом. Вот и сейчас, похоже, взяла свое осенняя тоска.

— Что гнетет вас, сударь? — Я легонько толкнула его в бок, даже не думая прятать улыбку. — Поделитесь, а?

— В такие угрюмые, серые дни, — вздохнул мой спутник, — я волей-неволей задаюсь вопросом о смысле бытия. Какую жизнь мы ведем? Что руководит нами? Лень, жажда примитивных впечатлений. Порой мне кажется, что я давно утратил внутренний стержень. Кто-то терпит лишения, каждый лимн бережет, а некоторые, как мы с тобой, бросают деньги на ветер, проводят часы в праздности и мелочных заботах, тратят время на пустые забавы, от которых на сердце оседает горечь. Приелось, всё приелось. Хочется смены декораций, но и здесь уже заранее знаешь — ничего не изменится, если не изменишься ты. Я хотел бы посвятить жизнь чему-то возвышенному, недостижимому; тянуться к тому, кто лучше и совершеннее меня. Но знаешь, кого я себе напоминаю? Путника, который угодил в болото, завяз в нем по самую шею, но все еще ищет, за что бы ухватиться, безнадежный в своей надежде. Молю тебя, Жюли, не погрязай, как я, в бесплодной рутине. Избегай привязанности к вещам, да и к людям, пожалуй, тоже. Мало сыщется среди нас достойных. Гораздо больше тех, кто, уподобляясь неразумным тварям, роется в мусоре дорогих украшений, роскошных нарядов и вкусной пищи. Тех, кто в погоне за прибылью, мнимыми удовольствиями и зыбким, сомнительным счастьем утрачивает истинного себя. О, как бы хотел я сделаться отшельником! Но о чем я говорю! Эта трясина всё глубже и глубже затягивает меня с каждым прожитым днем.

Его прочувствованный, пламенный монолог отрезвил меня. Не помню, чтобы когда-нибудь прежде проникалась к собеседнику столь искренним сочувствием.

— Обычно ты легкомыслен, а теперь на себя не похож, — сказала я. — Даже не пойму, какой из двоих Арчи Стайлов привлекательней. Арчи-Философ или Арчи-Повеса...

Он удивленно взглянул на меня.

— Ты впадаешь в крайности, — продолжала я. — Небо над Философом уж слишком затянуто тучами, а Повесе не хватает рассудительности, и его постоянно изводит знойный самум светской суеты. Пускай Философ чуть воспрянет духом, а Повеса укроется в прохладной пещере и наберется ума-разума. Пусть оба избавятся от губительной сосредоточенности на себе и оглянутся вокруг. Мы не в силах исправить существующие порядки, зато нам вполне по силам преобразиться самим.

— В этом гнетущем мороке ты как ясное солнышко, — сказал Арчи, погладив меня по плечу. — А вот мы и на месте! Приехали!

Натянув вожжи, он спрыгнул на землю и побежал вперед, привязывать лошадей. Я осторожно слезла с козел. По левую руку от меня высился облинялый, поблекший лесок, а прямо по курсу вилась тропинка, по которой в наш первый, злосчастный день в Мериламии мы с Пуаро вышли на тракт. Я двинулась вперед — шаг, другой... Даже если вернусь на поляну, где мы приземлились, родина моя не расстелится передо мной, не ляжет просторами лугов да горными грядами. Она будет по-прежнему далека и недоступна. Эта поляна — всего лишь точка отсчета, веха, за которой растворились грани прошлого мира...

— Ишь, сколько прыти! Куда без меня намылилась? Заблудиться не боишься? — догнав меня, с одышкой спросил Арчи.

— Здесь мне памятны каждый кустик и каждая кочка — попробуй, заблудись! — безрадостно отвечала я.

Зябко было в пальто, налетал холодный, порывистый ветер, сыпалась долу листва. Думала, заоченею.

— Кажется, и я начинаю припоминать, — сказал мой спутник. — Вон из-за той ширмы (теперь за ней уж и не спрячешься) я за вами наблюдал. А потом давай раскланиваться. Ну, сущий клоун!

— А вон за теми деревьями должна стоять гондола. Да, именно там. Мы ее сухими ветками замаскировали.

— Не больно-то качественная маскировка, — поцокал языком Арчи. — Любой бродяга счел бы твою «колыбельку» подарком небес и утащил бы ее к своей старой берлоге.

Он обежал купу означенных деревьев, явился, запыхавшись, и соорудил скорбную гримасу.

— Да, так и есть. Не видать вам воздухолета, как собственных ушей. Сгинуть-то он не сгинул, но вот на благо кому-то послужил, и свидетельством тому обширный участок примятой травы.

— Придется заново плести, — расстроилась я.

— Никуда не денешься, — согласился Арчи. — Лозы для тебя достанем, с этим никаких проблем. Но вот что касается ткани, из которой шьется летающий пузырь, или как там его...

— Купол.

— Ага, купол. В общем, сложновато будет ее раздобыть. Единственно, подсказку могут дать братья Маден, то бишь Риваль и Ранэль, с которыми мне так и не удалось встретиться. Ох уж эта Эсфирь со своей мнительностью! — Он топнул ногой. — Но мы что-нибудь придумаем. По крайней мере, на праздничном балу они будут непременно.

На обратном пути мы немного задержались в парке, где Арчи увидел Доходягу-птичника. Сим незамысловатым прозвищем любитель пернатой живности был обязан своей кривой клюке, трясущимся из-за старческой немочи рукам да, по мнению некоторых, потешной шепелявостью ввиду недостатка практически всех зубов. Ничего забавного я в этом изъяне не находила.

— Добрый день, добрый день, — снял шляпу Арчи. — Как поживает ваша сладкоголосая компания?

— Весьма недур-рно поживаем, — ответил за Доходягу внушительных размеров попугай, восседавший у него на плече. У ног старика, в выцветшей траве, прыгали и порхали разномастные пташки.

— Рад видеть вас в благостном настроении, — прошамкал птичник. — Давненько вы в хижину мою не заходили. Гляжу, у вас наконец появилась подруга? — Он расплылся в щербатой улыбке и то ли подмигнул мне, то ли просто глаз у него задергался. — Вечно вы один да один. Не пристало молодым людям коротать досуг в одиночестве.

— Не подруга, а гостья. Временная гостья, — смущенно поправил Арчи. — Но давайте лучше о вас. Не попадались ли вам еще говорящие птицы? Кроме попугая да смышленной канарейки?

Я раскрыла было рот, чтобы спросить, о чем вообще речь, что за птицы такие диковинные, но Доходяга меня опередил.

— Мельчают, мельчают братья наши меньшие, — протянул он, с кряхтением опершись на клюку. — Считанные теперь в разговор вступают, да и то, в основном, дикие. А городские, хотя и с людьми живут, отчего-то говорить разучились. Не по нутру им, видно,

пустозвонство нынешней беспечной молодежи. Вот они и умолкают. А наскучит кому-нибудь щебетание пташки — и он приносит ее ко мне, несчастную, в клетке. Я ее выпускаю. Полетает она на воле, порадуетя свежему ветерку, а потом стучится клювиком в окно — мол, впускай, старик. Так они все под моей крышей и живут, а бывает, что и птенчиков заводят. Они у меня грамоте учатся наново, и речь у них день ото дня всё лучше, однако редкий пернатый решится заговорить с человеком. Ко мне-то они привыкли, и дивные мы порой ведем беседы, а на других смотрят с подозрением. Только Цедрус мой, попугай, везде встрять норовит.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

— Арр-арр, пр-равду молвит стар-рик, — подал голос тот.

— А звери? — не удержалась от любопытства я. — Они что, такие же разборчивые?

— И звери, да-да, звери тоже, — закивал птичник, и на его морщинистом, точно спелый плод айвы, безбородом лице застыло выражение задумчивости. Сдвинулись к переносице седые кустистые брови, сложился в тонкую линию подрагивающий рот. — Но у этих сложная иерархия. У волков, например, почему зря языком не чешут. Говорит лишь вожак стаи, да и то по делу. А рыси — недавно забегала на огонек одна пятнистая — слушают старших своих собратьев, маменек и кумушек. Малышня воды не льет.

— Рыси? — переспросила я, похолодев, точно мне в затылок уже вперился неподвижный взгляд хищных, с белой каймой глаз; точно прошелся кто-то по земле большими, мягкими лапами и затаился в зарослях, за мою спиной.

Старик гнусно захихикал.

— А барышня ваша бела, как мел, хотя, сдастся мне, рысей она никогда доселе не видывала.

Тоже мне, выискался ясновидец! Я исподволь дернула Арчи за рукав.

— Что, не понравился тебе Доходяга? — со снисходительной улыбкой обратился он ко мне, когда мы снова покатали по дорожке в нашем скрипучем «экипаже».

— Еще как не понравился, — буркнула я. — С такими знакомство заведешь — бед не оберешься.

Чудаков я всегда предпочитала обходить за версту.

Пообедали мы в кафе на окраине города. Угощал, разумеется, Арчи, а когда такой, как он, раскошелливается, то можно и не экономить. Первое блюдо обошлось ему недешево. [3] Потом подошла очередь расплачиваться за второе, и надо было видеть, с какой неохотой он вынимал из бумажника кровные (а может, и не кровные) деньги. Когда же я, издевательски хлопнув его по спине, заказала напоследок гору десертов, его чуть кондрашка не хватил. Официанты могли бы подтвердить — пот с него шел градом, костяшки пальцев побелели, а из глаз, еще чуть-чуть, и посыпались бы искры.

Однако прежде, чем улетучился его дружелюбный настрой, он успел под сурдинку поведать мне о людях неблагонадежных да местах, куда желательно не попадать.

«Далее второй излучины реки Сильмарин в город лучше не заходи. Там рынок, — объяснил он. — А рядом с рынком ошиваются субъекты, мягко говоря, небезопасные. Оберут как липку. Так что глядеть надо в оба и ворон не считать. Особливо берегись гадалки Фейги и ее приятельницы Авии. У них профессия людей облапошивать».

Иначе он заговорил, когда, по моей милости, опустел его кошелек. Вернее, не заговорил. Надулся, как мышь на крупу, руки на груди скрестил — и буровит меня взглядом.

Я ему сказала, что он похож на сердитого хомяка. А он сказал, что такую, как я, ни один плутократ не прокормит, на что в довольно резкой форме последовал ответ, за который мне в дальнейшем ни разу не пришлось краснеть.

— Сдались мне холеные буржуи! Сама себя прокормлю!

Встала из-за столика — и была такова. Преодолев расстояние в парланг пешим ходом, проникла в дом по пожарной лестнице. Хваленый взвод слуг даже бровью не повел. Им бы охранять все входы-выходы, а они сидят, в карты режутся да пиво хлещут. Образцовые, ни убавить ни прибавить.

Больше Арчи за меня и цента ни уплатит, уж я о том позабочусь. Надо предстать перед королем — предстану. Хоть в обносках, хоть в нижнем белье! (С нижним бельем я, правда, немного погорячилась). Если другого способа регистрации нет, будем следовать предписанию. И работу себе найду, не маленькая. И крышу над головой какую-никакую сооружу.

Не мудрствуя лукаво, я принялась собираться. У Арчи после обеда была назначена какая-то неотложная встреча в центре города, поэтому из кафе он сразу же поскакал туда. Так что часок-другой меня никто не побеспокоит. Никто не будет стучаться в запертую дверь с просьбами передумать, увещеваниями да умасливаниями. Эх, хорошо!

За период пребывания в гостях у меня скопилось немного личных вещей: теплое прогулочное платье, пара туфель и модная шляпка с лентой. «Погрузив» весь вышеназванный скарб в потертый кожаный чемоданчик и условившись со своей совестью, что чемоданчик будет возвращен хозяину в целостности и сохранности, я уже собралась шагнуть навстречу суровой судьбе, как вдруг эта судьба собственноручно ворвалась в мою комнату.

Сей непредвиденный эпизод явился для меня приблизительно тем же, чем для велосипедиста — прокол шины перед финишной чертой. И притормозить меня заставил не кто иной, как тетка Арчи. Та самая тетка, чей портрет стоял в рамочке на каминной полке и чьи платья я носила. Ведь именно ей я когда-то подумывала отослать коробку конфет. Однако после оскорбления, сорвавшегося с ее уст, у меня с уст тоже кое-что сорвалось. И возможность сойтись с ней на короткую ногу отсечена была раз и навсегда. Вот как это произошло.

Раскрасневшаяся и взъерошенная, она возникла передо мной мечущей молнии фурией и с места в карьер спросила:

— Так вот, каких потаскух приводит в дом мой племянничек?! Ты ведь одна из них, не так ли?

— Ничего подобного, — обиделась я. — И вообще, я уже ухожу.

— А ну стоять! — прикрикнула на меня дамочка и схватила за руку. Схватила точно железной клешней — не отпускает. — Сначала проведем инспекцию. Какие из моих вещей надевала, что ела, что пила. Сперва подсчитаем урон, выпишем штраф, а там и топай на все четыре стороны.

«Штраф», «урон» — откуда она только слова такие знает?! Сущий жандарм в юбке! Я попыталась вырваться, но куда там! Несмотря на внешнее со мной сходство, она была гораздо сильнее меня.

— Нет, милочка, коль попалась, так не дергайся, — процедила она. — Вот дождемся твоего дружка, а там и порешим, какой доли состояния его лишить.

Мне, понятное дело, такая перспектива совсем не улыбалась.

— Больно уж вы ревнивы для тетки, — брякнула я. — Вы ведь его тетка?

Та злобно зыркнула на меня и еще крепче сдавила запястье.

— Не тебе, стерве, с культурными людьми разговаривать! — рявкнула она.

Тогда я, что было мочи, ударила ее свободной рукой и, добыв себе свободу таким вот нехитрым способом, отскочила к окну, от греха подальше.

— Это надо еще поглядеть, кто из нас двоих культурный, а кто стерва! — крикнула я, запустив в нее диванным валиком. Она тоже в меня чем-то запустила. Если быть точнее, чемоданчиком с вещами, позабытым у дверей.

— Мерси, премного благодарна! — С такими словами я подобрала юбки и, швырнув чемоданчик в окно, перекинула ногу через подоконник. — Оревуар! Всего хорошего!

У тетки челюсть отвисла, глаза по пятаку. Но мы не брезгуем никакими путями отступления, даже такими экзотическими, как ржавая водосточная труба.

Спускаться по водостоку в платье — тот еще экстрим. Я изодрала ладони в кровь, здорово испачкалась и порвала юбку в двух местах. Нолизывать раны было некогда.

[3] Счет в кафе и ресторанах Мерилами предьявлялся обыкновенно после каждого отдельного блюда.

Глава 6. Тайны Вековечного Клена

Я опрометью припустила через сад. Его лютейшее холод подстегивал нещадно и пробирал до костей, хотя заморозки еще не наступили.

По дороге прытко сновали омнибусы, стучали-гремели колеса экипажей. Мимо меня, по-деловому размахивая тростью, проскочил какой-то очень занятой джентльмен во фраке и цилиндре. За ним с воинственным видом семенила дамочка, крича что-то про отцовский долг. На меня, замарашку, они даже не обратили внимания.

Очередной порыв северного ветра заставил меня серьезно задуматься о дальнейшей моей участи. Куда податься? Где голову приклонить? Этот насущный вопрос встал передо мною со всей своей неотвратимостью. Через два или три часа стемнеет, жители разойдутся по домам, усядутся у теплых очагов... Может, попроситься к кому-нибудь на ночлег? Ага, как же, примут меня с распростертыми объятиями!

Я подумала о Пуаро. Ему-то, небось, у Эсфири ни холодно, ни голодно. По косточке каждый день, уж как пить дать, перепадает. Вот к тебе-то я, дружок, и наведаюсь.

Перейти дорогу в неполюженном месте — это по-нашему. Натянулись поводья, беспокойно заржали кони, разразились руганью извозчики, и меня еще долго честили, после того как две груженные овощами телеги чудом избежали столкновения.

Я твердо намерилась провести грядущую ночь у Эсфири — хоть в прихожей, хоть на чердаке. Если спросит про Арчи, скажу, что с ним всё кончено. Если не поможет она, обращусь к Доре. Но это на крайний случай. А пока я довольно бодрым шагом направлялась к оперному театру, и какой-то голосок внутри нашептывал, что все невзгоды теперь позади. Вновь та самая дверь, знакомое бречание колокольчика. Я поежилась, угрюмо глянув на небо. Мутно-серые, без просветов, тучи, голые ветки — и больше ничего. Странно, что не идут открывать. Я позвонила снова. И снова. Глухо как в танке. Вдруг послышался неясный шум — как будто кто-то скребется совсем рядом. Чтобы понять, откуда исходит звук, понадобилось всего лишь перегнуться через перила крыльца. В надземной части фундамента, где у моих соотечественников обыкновенно проложены канализационные трубы, ходила ходуном плохо приколоченная деревянная затворка. Таких затворок было по всему периметру штук, наверное, восемь. Ими закрывали ходы, ведущие в подвал.

«Наверняка большущая крыса, — с отвращением подумала я. — Никакого спасу от них нет». Связываться с крысами охоты у меня не было, но, поскольку дверь отпирать не торопились, я спустилась с крыльца и присела на корточки возле затворки.

— Мраки-мраки-мраки, — услышала я. — Кругом сплошные мраки, пауки, пылюка. И всюду двери с высокими ручками.

Прямо какая-то крыса-аристократка. Почему только у этой крысы такой знакомый голос? И тут на меня снизошло озарение: Пуаро!

— Пуаро! — позвала я.

— Ты вовремя, — глухо ответили из подвала. — Она посадила меня под домашний арест. За шпионаж.

Я изо всех сил рванула доску-дюймовку на себя. Та поддалась, гвозди отскочили, а я повалилась на жухлую траву.

— Фу-уф, наконец-то! Свобода! — прохрипел пес, выпрыгнув из темной дыры. Грязный, лохматый, как будто им, точно какой-нибудь тряпкой, несколько недель без

перерыва драили полы. Он старательно отряхнулся, чихнул и живёхонько забрался ко мне на руки. Мы с ним были под стать друг дружке: оба изрядно потрепанные и уставшие. В общем, родственные души.

— А ты чего? — спросил он. — Почему в таком виде?

— Я ушла от Арчи.

— Как так ушла?

— Насовсем ушла. С концами. Сначала явился Теневой сенешаль и потребовал моего выселения. Потом явилась его тетка, дать мне пинка.

— Тетка сенешаля?

— Да нет же, тетка Арчи! — стуча зубами от холода, проговорила я. — Они у меня уже в печенках сидят, что один, что вторая. Но если ты думаешь, что я буду тут с тобой лясы до посинения точить, то глубоко заблуждаешься. Почему дверь-то на запоре? Битый час жду.

— Эсфири нет дома, — сообщил Пуаро. — Она еще утром пропала. Хочешь обогреться — можно пойти в ближайший трактир. У меня в нагрудничке есть пара монет.

— Да и хозяйка твоя не без гроша, — обрадовалась я. Надев поверх рваного платья запасное и причесав шерстку Пуаро обнаруженным в чемодане гребнем с пообломанными зубьями, я поняла, что не всё еще потеряно. Однажды жизнь наладится, войдет в широкую колею — и будем мы как два сыра в масле. Полоса неудач обязательно сменится полосой процветания и достатка.

Третьесортной забегаловки, на какую рассчитывал Пуаро, поблизости не оказалось. В вылизанном квартале для сановитых особ и заведения будут соответственными. Поэтому мы очень правильно сделали, что привели себя в порядок, прежде чем заявиться в кафе «Монокль». Кафе это больше походило на пятизвездочный ресторан, и сбережений нам хватило всего-то на салат из морковки со специями да тощую куриную косточку, которую Пуаро долго выискивал в меню. За столиком по соседству расположилась необычная компания: женщина в шляпе, поля которой почти совершенно скрывали лицо, и откормленный кролик бандитской наружности, при том что одет он был по последней моде. Между средним и указательным пальцами дама держала наполовину выкуренную сигару и тихо переговаривалась со своим жуликоватым приятелем. Еще один столик занимали бобры, и я вполне отчетливо слышала их разговор. Они совещались о том, где на реке Сильмарин построить запруду. Наверное, старейшины. Мелкота ведь, по словам Доходяги, должна помалкивать.

— А теперь что делать будем? — спросил Пуаро, управившись с костью. — Если не к Арчи и не к Эсфири, то куда?

— К Доре, в лабораторию, — уверенно сказала я. — У нее добрая душа, и в ночлеге она не откажет.

На извозчика денег наскрести не удалось. Я на всякий случай приподняла и потрясла Пуаро. Тот с негодованием заметил, что он, вообще-то, не свинья-копилка и что, по здешним законам, меня следует судить за неуважительное отношение к согражданам.

— Ты пока что не гражданин, — сухо сказала я, опуская его на тротуар. — А у нас, между прочим, серьезная проблема. Как за экипаж платить будем?

— Давай сперва сядем, сделаем вид, что отсчитываем денежки, а когда прибудем на место, попросим в долг у Доры.

— Хорошая идея! — обрадовалась я. — Голова ты, Пуаро. Го-ло-ва!

На город надвигались сумерки. Солнце вынырнуло из-за плотной пелены облаков только на закате и пламенело теперь, зажатое между фронтоном оперного театра и сизым монолитом туч. Кружили над крышами черные, похожие на ворон птицы. Бесприютное, тягучее, как мазут, чувство одиночества пиявкой сосало внутри. В моей памяти, точно тающие льдины, возникли смутные картины прошлого: воткнутые в небесную синь шпили какого-то собора, изнемогающие от летнего зноя туристы с фотоаппаратами, залитые фонарным светом безмятежные улочки... Какие бы тяготы ни сопутствовали мне в прежних моих странствиях, я всегда ощущала чью-то незримую поддержку. Целый земной шар представлялся мне домом, где тебя согреют, приласкают и не дадут в обиду. Здесь же всё почему-то казалось чужим, обманным, бутфорским.

— Не раскисай, — сказал мне Пуаро, когда мы забрались в фаэтон. — Скоро кончатся наши скитания. Мой нюх сыщика говорит мне, что самое большее через час мы будем в тепле и уюте.

Извозчик лениво погонял лошадей да что-то напевал себе под нос, время от времени покрикивая в сторону громким басом и грозя кулаком кому-то невидимому. Пьяный в стельку.

— Да, час от часу не легче, — вздохнула я. — Посмотри, с кем мы связались! Это же сущий пропойца.

— Он свое дело знает, — убежденно отозвался Пуаро. — Ты вспомни наших французов-лихачей. Ведь половина же по трассе в нетрезвом виде гоняет. Особенно в праздники.

— Но до праздника еще... — я помедлила, — два дня. Всего-то два дня! Эх, не видать мне нового платья, как своих ушей.

— Не о платьях сейчас нужно думать, а о том, как бы так исхитриться, чтобы нас на полпути не высадили, — прошипел Пуаро.

Скоро извозчик перестал мурлыкать свои песенки. Он то и дело оборачивался и зловеще шевелил усами в свете фонарей. То есть, если бы не фонари, нам от этих усов не было бы ни жарко ни холодно. А так даже Пуаро заволновался.

— Вишь, какие усищи отрастил, — говорит. — Такими только людей пугать.

Мы изо всех сил старались изображать из себя богачей-оригиналов, но, должно быть, выходило у нас не очень убедительно. Свернув на проселочную дорогу, возница зажег керосиновую лампу и осветил наши физиономии: что у одной, что у второго — доверия не внушающие. Пуаро мне потом так и сказал: «Никто с тобой сотрудничать не станет. У тебя на лбу написано, что ты личность сомнительная».

— Платить будем? — заплетающимся языком пробасил усатый. — Я вас бесплатно катать, что ли, нанимался?

— У нас тут мелочь, мелочи много. Нарочно вам на выпивку собираем, — нашелся Пуаро. — Кто станет в кабаке с невиями соваться! Для вас лимны в самый раз.

Извозчик покивал-покивал, пропыхтел одобрительно — и давай стегать лошадей. Однако, выехав из парка Сандару, вновь заартачился. Или раскошеливайтесь, или катитесь колбаской.

— Мне таких, как вы, возить не впервой, — прогудел он, приблизив качающийся светильник к самому моему носу. — Если пассажир не чешется, значит, гол как сокол. Зачем зря лошадок гонять? Лошадкам тоже отдохнуть надо. Им в стойло пора. А вы давайте, кыш отсюда! — гаркнул он, дыша на меня перегаром. Пуаро зарычал.

Некоторые, когда выпьют, становятся мирными, как овечки. А иным дай только

побуянить. Наш извозчик был из числа последних. Поэтому я решила судьбу не испытывать и сойти на пустынной дороге. На пустынной, мрачной, унылой дороге...

Видать, суждено нам бродить неприкаянными. Коляска благополучно скрылась с глаз долой, затихли вдали удары конских копыт. Гнетущее безмолвие окружило нас темным, непроницаемым коконом.

— Хнычешь? — удивленно спросил Пуаро. — Нервишки сдали? Если еще не сдали, то посмотри во-он туда. По-моему, за холмом кто-то включил неоновую подсветку.

— У них же нет электричества, — прохлюпала носом я.

— Ну, вот и я говорю, странное дело. Такая загадка только великому сыщику по зубам!

У меня не было желания иронизировать, тем более что «великий сыщик» уже давно привык к моим язвительным насмешкам по поводу его выдающихся дедуктивных способностей.

Мы решили, раз уж нам ничего не светит, пойти да глянуть, что там за невидаль. Когда спустились в ложбинку между лугом и обочиной, нас окутало облако густых травяных запахов. Я промочила ноги в какой-то застоявшейся лужице, послав сгоряча и лужицу, и луг по известному адресу.

— Напрасно ты это, напрасно, — сказал Пуаро, одолев крутой подъем. — Если б ты видела то, что вижу я, живо взяла бы свои слова назад.

А видел он не что иное, как светящееся дерево. На меня эта иллюминация произвела столь ошеломляющее действие, что я попросту онемела. По стволу раскидистого гиганта, переливаясь, точно волны тончайшего шелка, текло мягкое голубое сияние. Мне даже показалось, будто звезды спустились с небес, и спустились нарочно затем, чтобы одеть ветвистого великана в блестящую мантию.

Пуаро прыгал от нетерпения таким баскетбольным мячиком — его к дереву так и притягивало. А во мне весьма кстати заговорил здравый смысл: «Держись-ка ты, Жюли, от подобных растений подальше». В нашем подлунном мире живые существа светятся неспроста — это я твердо усвоила еще со школьной скамьи. Они, если применить научный термин, люминесцируют — и всегда с определенной целью.

Но у Пуаро здравый смысл, похоже, свернулся калачиком где-то на дне черепной коробки и крепко спал. Как только я ослабила бдительность, пес со всех лап помчался к огромному «ночнику», заливаясь задорным лаем. Вот неугомонный!

— Стой! Назад! — крикнула я. — Это дерево тебя целиком проглотит! Слопает и переварит!

Но он меня как будто не слышал. Скотч-терьеры по своей природе вообще ужасно непослушные и своевольные собаки. Делают, что им на ум взбредет, а мнение хозяина побоку.

Я еще что-то кричала, грозила отменить полдник, а с ним и всю вкуснятину, на которую был падок Пуаро. Докричалась до того, что охрипла. За этими тревожными я и не заметила, как подкралась коварная простуда. Насморк, кашель, озноб... Она обещала надолго свалить меня в постель. Только вот ни о какой постели речи идти не могло. Я горько посетовала на свою участь и вновь предалась бы отчаянию, если бы не мысль о том, что Пуаро рискует шкурой, причем рискует серьезно. Наверное, я выглядела смешно, когда бежала по лугу, спотыкаясь о каждую кочку.

В соответствии с моей «теорией прожорливого дерева», меня должны были заглотать, как только я попаду в зону голубого сияния или, в крайнем случае, дотронусь до ствола. Но

бесстрашная Жюли Лакруа мало того что горазда на выдумки, так еще и с головой не дружит. Когда, будучи на последнем издыхании и еле переставляя ноги, я добралась до финиша, то первым делом прислонилась к этому самому стволу. Меня трясла лихорадка.

— Дерево-хищник, дерево-людоед. Что только не изобретет воспаленное воображение! — бормотал Пуаро, поправляя зубками компресс у меня на лбу. Он, оказывается, успел сбегать к какой-то канаве, принести оттуда воды в раздобытой жестяной миске да целебных, по его словам, трав. В ноздри проникал разреженный, точно со снеговых вершин, бодрящий воздух. Кротким, медовым светом мерцала крона. В углублении между толстыми гладкими корнями лежать было на удивление комфортно — даже без подушки и одеяла.

— Вы с дон-кихотом, — кашлянув, сказал Пуаро, — одного поля ягоды. Суетитесь и хватаетесь за оружие на пустом месте. У вас и самый безобидный зверек превратится в кровожадного злодея.

Его сдержанные нравоучения очень скоро усыпили меня. Сверху по спирали струился аквамаринный свет с серебряными блестками, заполняя собой каждую клеточку моего изможденного тела...

Пробудившись от глубокого, возрождающего сна, я ощутила небывалый прилив сил и была, что называется, в полной боевой готовности. Ствол уже не светился, и лишь сквозь золотую, безукоризненно симметричную крону просачивались солнечные лучи. Солнечные? Я выползла из своей «постельки» прямехонько на ярко-зеленый ковер с густым, как платяная щетка, и мягким, точно бархат, ворсом. Взглянула на затянутое мглой небо. Ни единого намека на солнце. И потом, никакого ковра тоже не было. Всё это время я спала на обычной траве. Вернее, не совсем обычной, поскольку на дворе стояла поздняя осень, и заурядная трава-«провинциалка» в эту скучную пору уходит со сцены, выражаясь в дешевую, выцветшую одежонку. По-иному дело обстояло с нашей чудо-травой. Примятая, она вновь выпрямлялась. Росла, как на заказ, не выше щиколотки и строго придерживалась границ. За пределы, означенные древесной кроной, носу не казала. Я говорю «наша трава», потому как, оценив все преимущества житья под Вековечным Кленом (а выяснилось, что нас приютил именно он), мы с Пуаро решили там и остаться, на веки вечные.

Наш Клен — дерево волшебное. Он и летом стоит — не вянет, и осенью стоит — багрово-золотым великаном с пышной шевелюрой. Листья у него на зиму не опадают, лютые ветра под его сень залетать боятся, а мы сидим-посиживаем у могучего ствола — и холода нам нипочем.

Однажды Дора вскользь заметила, что Клен своенравен и пристанищем абы кому не послужит. Выходит, мы не абы кто, потому как нас опекали и пригревали, точно мы сами были маленькими клёниками. Так, у корней нежданно-негаданно выросли лисички и сыроежки, выпрыгивали из-под земли кустики с уже поспевшей земляникой, а с нижних ветвей регулярно стекала чистейшая дождевая вода. Мы подозревали, что вода эта обогащается ионами серебра и обеззараживается непривычным для нас способом, ибо на вкус она была сладкая, как нектар, и жажду утоляла мгновенно. Воистину сказочное дерево!

Довольно долгое время мы успешно обходились без стен. Да и в крыше нужды не было. Густая листва не пропускала ни одной лишней капельки и лучилась нежным сиянием какого-то невиданного солнца, поскольку настоящее солнце уже который день пряталось за

необъятным войлоком туч.

Симендрий близился к концу. Всего каких-то сорок восемь часов — и наступит чароний, а с ним — день Светлого ума. И, хотя с пищей и питьем проблем у нас не возникало, мы всерьез задумывались о том, что надеть на предстоящий бал. Вернее, задумывалась я, а Пуаро исследовал округу. Сразу же после моего чудесного выздоровления он рассказал, чем занимался у Эсфири. Прежде, чем его заметили и обезвредили, он разнюхал столько всего крамольного, что иной менее дружелюбный хозяин давно порубил бы его на куски.

— Помнишь, к примеру, разговор о коридоре, где перед нашим первым визитом задержалась Эсфирь? — загадочно спрашивал пес. — Так вот, непростой это коридор, а временной. Я подслушал: ее дружок Рифат, который незаконно проживает в замке за твердыней Арнора, — непризнанный гений. Он обнаружил, что в определенный час в стране Западных ветров время замедляется. Как уходящий со станции поезд, в который можно заскочить на ходу.

— Хочешь сказать, точно так же можно заскочить во временное окно?!

— Так утверждает Рифат. Я собственными ушами слышал. Если попасть во временной коридор, твой день растянется на целых двое суток!

— Звучит заманчиво. Дополнительные двое суток мне бы не помешали. Как раз бы управилась с подготовкой к празднику, — смеялась я.

Вообще, с тех пор как разрешился жилищный вопрос, настроение мое значительно улучшилось, исчезли драматизм и напряженность. Жизнь вновь засверкала передо мной, как витражное стекло в лучах заката, и я стала внимательней смотреть вокруг. Под вечер, когда Пуаро ускакал на первую свою полноценную разведку (хотя дождь лил как из ведра), ко мне пожаловали сестры из лаборатории. Они были несказанно удивлены, застав меня под Кленом. Я угощала их земляникой и сушеными грибами. Дора добродушно посмеивалась, слушая мой рассказ о побеге из дома Арчи, а ее сестра методично постукивала молоточком по толстеному корню, возясь со слуховой трубкой и делая какие-то пометки в своем блокноте. Так я впервые познакомилась с Сарой. У нее был один простой жизненный принцип: действуй честно — и избежишь немалых бед. Ее постоянно томило смутное предчувствие несчастья, хотя разорение сестрам не грозило, да и здоровьем обе отличались завидным (если не считать ту злосчастную простуду Сары). Позднее, когда мы втроем (а иногда к нам присоединялся и Пуаро) собирались у сияющего ствола, угощаясь древесным «напитком богов», Сара не раз говорила, что своим добрым именем и научными успехами обязана исключительно честности, которую она впитала с молоком матери. Их мать была прямолинейным и совестливым человеком, за что, как я поняла из намеков Доры, жестоко поплатилась. Сестры неохотно делились воспоминаниями детства. Больше же частью разговаривали о нас с Пуаро и о том, как благоустроить наше новое жилище.

— Вы смельчаки, — глубокомысленно замечала Сара, в глазах у которой стояла неизбывная грусть. — Вы действительно смельчаки, если отважились поселиться под Кленом. До вас многие пытались его «приручить», да только уходили они несолоно хлебавши. А у вас, я гляжу, всё вышло само собой.

— Потому что приручать мы его и не собирались, — вставлял Пуаро. — Нас на Звездную поляну забросило совершенно случайно.

До праздничного бала оставался день, когда к нам чуть ли не на коленях приполз Арчи.

— Возвращайся, Жюли! — с мольбою воскликнул он. — Ничего для тебя не пожалею, что захочешь, исполню. Только вернись!

— А как же твоя тетка? Она ведь снова меня выставит!

— Мы с ней рассорились, и она первым же поездом укатила в город Портовый. Теперь ее сюда и калачом не заманишь.

Я придиричиво осмотрела его костюмчик, потом перевела взгляд на свежую травку под ногами, потом запрокинула голову, чтобы еще раз оценить блистание нерукотворной крыши. Тщательно взвесив все «за» и «против», я отказалась наотрез.

— Ты обрекаешь меня на бесцветное существование! — страдальчески изрек Арчи. — Мне без тебя жизнь не мила!

Ничего себе заявленьице! Самооценка моя резко подскочила, впрочем, я подскочила тоже. Но как ни старалась, презрения скрыть не могла.

— Это ты сейчас мне в любви признался, что ли?

— Ну, признался. Какая разница! С той поры, как ты переступила порог моего дома, я понял, что пропал. Ты погубила меня.

— Весьма спорное обвинение, — сказала я с холодком. — Ты предупреждал меня о разных проходимцах, которые липнут к честным гражданам на каждом шагу, а сам ведь ничуть этих проходимцев не лучше! Давай отставим эти «ты — мне, я — тебе» и разойдемся, как воспитанные люди.

Арчи насупился, всем своим видом показывая, что на такие радикальные меры не пойдет.

— Спасибо тебе за кров, за пищу, — продолжала тем временем я. — В долгу не останусь. С первого же заработка начну отдавать. Ты уж прояви милосердие, потерпи малость.

— Мне вовсе не деньги нужны, — глухо проговорил тот. — Ты без меня пропадешь.

— А вот это еще проверить надо, — отрезала я.

Не преувеличу, если скажу, что в тот момент Вековечный Клен представлялся мне несокрушимой крепостью, которая защитит понадежнее любых каменных стен. Этаким щитом, за которым ни буря, ни стынь не страшны. Конечно, мне льстило упорство, с каким Арчи пытался меня вернуть. Но всему есть предел. Когда он злорадно поинтересовался, помню ли я свой прежний адрес, и когда преданный Пуаро повторно выпалил координаты вплоть до номера дома на улице Перголеды, мне стало ясно, что Арчи за фрукт.

— Сдавайся, — посоветовал пес-адвокат. — Она не уступит.

Я забралась на нижнюю ветку Клена и, болтая ногой, долго ждала, пока уберется надоеда-Стайл. Если тетке его впору травить моль, как она травит гостей, то сам Арчи, со своей феноменальной способностью действовать на нервы, мог бы отлично справиться с работой, где надо брать измором. При травле лисицы, например. Но о лисах — в следующей главе.

Глава 7. Не совсем обычный бал

В первое же утро чарония, которое выдалось на редкость морозным, нас почтил визитом один тощий, однако не лишенный достоинства лис. Обнаружив его между корнями, Пуаро задал ему хорошую взбучку, выдрав из рыжего хвоста знатный клочок шерсти и обзвав «хапугой». А лис был далеко не из тех, кто таскает у фермеров кур. Воровство претило ему, впрочем, как и другие вредные привычки его сородичей. До того момента, как на него набросился Пуаро, он простодушно полагал, что Клен дерево общее и что на Звездной поляне места хватит всем. Но пес столь ретиво защищал свою территорию, что лис был вынужден сдать позиции и с позором отступить на заиндевелую траву.

Иней таинственно поблескивал в рассветных лучах, под ясным, омытым дождями небом. Словно кто-то взял и высыпал на луг несметные сокровища из своего сундука. Лис в этом сияющем обрамлении выглядел убого и как-то жалко. Во мне заговорило сострадание:

— И зачем ты, спрашивается, на него напустился? Чем он тебе не угодил?

— Так ведь дерево-то теперь наше, — пристыженно пояснил Пуаро, — а он чужой.

— Если всех чужими считать, друзей у тебя никогда не будет, — сказала я. — Иди, проси прощения. И зови сюда, греться. Дора говорила, нынче предвещают стужу.

Под янтарной кроной пахло летом. Стоял тонкий аромат свежескошенной травы, чабреца и мяты. Дорогу отсюда было не видеть, городской шум и городской смрад остались за мостом, по ту сторону бурливой реки Сильмарин. Мы с лисом угощались созревшими по случаю праздника ягодами клубники, которые можно было прямо так срывать с раскидистого клубничного куста на краю нашего зеленого пристанища. Пуаро сидел в сторонке и, уткнувшись носом в землю, обиженно молчал. После того, как я заставила его извиняться, он точно воды в пасть набрал. Чванится, что холоп на воеводском стуле.

Лис поглядывал на него, поглядывал да не стерпел. Поднес ягодку в зубах. Пуаро брезгливо отворотил нос.

— Бери, пока дают, — сказала я. — А то скоро всю съедим. Тебе не оставим.

— Ну, и на здоровье, — кое-как выдавил из себя пес. — Обойдусь.

— Лисята наши, если им что запретить, точно так же важность на себя напускают, — заметил лис, обернув пушистый хвост вокруг лап.

Оказалось, что наш рыжий гость — представитель голубых кровей. В лесу Снов, окаймляющем пригорок с Вековечным Кленом, нор у него нарыто — не перечесть. И в каждой норе что-нибудь да припрятано.

— Однажды, — сказал лис, — мои малютки даже стащили какой-то сверток из пошивочной мастерской.

— Глаза завидушие, лапы загребушие, — проворчал Пуаро из своего уголка. — Хватают, что ни попадя.

— Я их, конечно, отчитал, — виновато добавил лис. — Но, сами понимаете, нести сверток обратно значит поставить семейство под удар. Ведь если с тебя шкуру спустят, кто малышню кормить будет?

— Невелика беда, сами прокормятся, — снова буркнул Пуаро. Что поделаешь, не компанейский он товарищ.

Сверток меня очень заинтересовал. Если его действительно украли из ателье, то почему

бы в нем не лежать какому-нибудь платью? Например, бальному...

— Принести? — осведомился лис. — Это я мигом. Одна лапа здесь — другая там.

Он возвратился из глушняка с каким-то коричневым листком на макушке, тряхнул головой и бережно опустил к моим ногам помятый сырой пакет из грубой, шершавой бумаги. Стали разворачивать. Бумага приятно шуршала, но запах от нее исходил прелый и кисловатый. Как от поздних, забытых на сырой земле яблок. Что же там внутри?

Чуть только на горизонте замаячит новая, пусть и крошечная тайна, Пуаро не удержится — непременно сунет в эту тайну свой сыщицкий нос. Вот и сейчас он тихо подобрался к нам, и, ничуть не смущаясь, устался на бумажный пакет. Наверное, рассчитывал, что обновка достанется ему. Но вместо собачьей одежды внутри оказалось темно-зеленое бархатное платье. Оно было на удивление сухим и сидело на мне как влитое. Я очень жалела, что у нас нет зеркала, такого большого зеркала в тяжелой позолоченной раме... Но и без него было ясно, что в платье этом хоть сегодня можно выезжать. Теткины наряды не шли с ним ни в какое сравнение. Вот уж не знаешь, где найдешь, где потеряешь!

Я от всей души поблагодарила лиса.

— Рад был услужить, — отозвался тот. — Если понадобится, ищите меня во-он в том буковнике. А теперь мне пора. С днем Светлого ума!

Стоило лису скрыться в чаще, как Пуаро завел старую песню:

— Чужак он, чужа-а-ак. А ты с чужаками нянчишься, точно им по гроб жизни обязана. Пойду-ка я развеюсь.

— Иди, развейся, — сказала я. — Погуляй по лесу. А встретишь волчью стаю — на помощь не зови. Вокруг ведь одни чужаки!

Пес фыркнул и засеменял прочь.

На волков он, по счастью, не набрел, однако вернулся еще более угрюмым, чем раньше.

— Улыбочку, мистер детектив, — сказала я, заканчивая последние приготовления к балу. — Сегодня мы будем в центре внимания.

Однако здесь я промахнулась, ибо в центре внимания очутился один только пес. Хотя он приплелся во дворец точно таким же сердитым и мрачным, обожатели к нему так и липли. Придворные дамы с цветастыми веерами и вельможи в шитых золотом камзолах то и дело склонялись к маленькому ворчуну, рассматривая его изношенную клетчатую накидку. А некоторые храбрецы даже отваживались его погладить.

«Клац! Клац!» — защищался Пуаро, норовя откусить храбрецам пальцы.

Многие тоже привели с собой питомцев: пепельных кошек с голубыми глазами — они грациозно ступали по вымощенному плиткой скользкому полу; неугомонных сорок-трещоток; застенчивых шиншилл в потешных шапочках. А у одного господина на плече восседал сонный, недовольный филин. Филин хмурил свои вихреватые брови и, хлопая глазами, трагично ухал.

Где-то виртуозно играли джаз. Мы медленно продвигались вслед за остальными, к центральной зале, где выдающимся ученым должны были вручать призы. Я чувствовала себя неловко среди шумного собрания интеллектуалов и богачей. Потом я заметила Сару. Она кивнула мне с натянутой улыбкой, после чего вновь обратилась к своим слушателям, которые окружили ее со всех сторон. Она читала им какую-то лекцию. Проходя по анфиладам комнат, украшенных лепниной и гобеленами, я невольно вспомнила Версальский дворец, его пестрящие фресками галереи и капеллу с множеством колонн.

В одной из комнат, по которым плыла толпа, шло соревнование по бильярду. Здесь

стоял характерный запах табака, пыли и древесины. Кто-то в съехавшей набекрень короне примерялся к очередному шару, перегнувшись через стол. Кто-то? Не кто-то, а сам король Юлий! Он до самозабвения увлекался спортивными играми и был не прочь посостязаться, между тем как подданные его без усталости занимались государственными делами и отправлялись на покой далеко за полночь. Юлий был еще очень молод, народ любил его за оригинальность и открытый нрав, а еще за то, что он часто переезжал с места на место и всякий раз устраивал пышные приемы. Я подошла к обтянутому зеленым сукном столу и поклонилась, а Пуаро, паршивец, просеменил мимо озадаченных мужчин, даже не удостоив короля взглядом. Его интересовало блюдо с бутербродами, которое поставили на низенький буфет специально для таких малявок, как он.

— Позвольте представиться, — сказала я, косясь на Пуаро. — Жюли Лакруа, упала с неба в прошлом месяце.

— Куда именно упала? — любопытствовал Юлий, поправляя корону. Его дружелюбие мгновенно рассеяло все мои страхи, и отвечала я уже раскованней:

— На луг, неподалеку от Вековечного Клена.

— Слышал, вы этот Клен облюбовали? Что ж, если нравится, живите там. Но в случае чего вы всегда можете обратиться в альянс Домовладельцев, которые за небольшую плату предоставят вам приличное жилье. Мы приветствуем чужеземцев.

Широко улыбнувшись, он натер мелом кончик кия и сосредоточился на игре.

— Кто сейчас бьет? — осведомился он.

— Лео. Его очередь.

Я нерешительно тронула короля за плечо.

— П-простите...

— С вашим песиком я уже знаком, — отмахнулся тот. — Однажды, во время прогулки, моя гнедая чуть его не раздавила.

Я бросила в сторону Пуаро такой свирепый взгляд, что на его месте кто угодно уже свалился бы замертво. Предатель! Значит, он тайком бегал к дворцовым аллеям, а мне ни слова?! И мало того что бегал, так еще и создавал аварийные ситуации!

Пес проворно сжевал последний бутерброд и, огласив комнату смачным чавканьем, рванул из бильярдной с такой прытью, что ему позавидовала бы любая гончая. Откланявшись, я устремилась за ним вдогонку, но дорогу мне неожиданно преградил — кто бы вы думали? — набивший оскомину Арчи Стайл.

— Знакомьтесь, — сказал он своему спутнику. — Жюли Лакруа. Она здесь сравнительно недавно, а потому дичится всех и вся.

— Чушь, — отрезала я. — Никого я не дичусь. А в данный момент, извините, мне надо срочно всыпать одному негоднику.

— Помнишь, я как-то упоминал о знатоке галактик и созвездий, — не отставал Арчи. — Так вот, это он, Лео Вердански. Прошу, как говорится, любить и жаловать.

Джентльмен в песочного цвета костюме снял свой соломенно-желтый цилиндр и галантно поклонился. Его аккуратные рыжеватые усики привели бы меня в умиление, если бы не спешка. Да и вообще, весь его облик представлял собой красноречивую срисовку с персонажей Достоевского. Не с отрицательных, конечно. В университетские годы я зачитывалась романом «Идиот», и князь Мышкин в моем воображении почему-то был очень похож на Лео. Добрые, смеющиеся глаза выдавали в нем человека кроткого и незлобивого. У такого, как он, наверняка было где-нибудь преданное сердце. По такому, как он, наверняка

кто-то вздыхал в ночи...

Любого, кто глядел на Лео более пяти минут, неотвратимо тянуло на лирику. Я настроиться на лирический лад не успела, хотя эта неожиданная встреча всё же несколько остудила мой пыл.

Пока я добралась до центральной залы, из головы у меня совершенно выветрилось, куда и зачем я торопилась. Джаз играли здесь. Здесь раздавали напитки и кружились в танце пары. Только где это видано — танцевать джаз-модерн в чуть ли не средневековом обществе?!

— Ты видишь то же, что и я? — хрипло спросил Пуаро, на которого я едва не наступила. — Никак не пойму, в какую эпоху мы с тобой свалились. Мешанина какая-то.

Я зашипела на него подколодной змеюкой.

— В какой бы эпохе мы ни были, трепку я тебе задам эпохальную, уж поверь мне.

Он припустил от меня, как от чумы — только «цок-цок-цок» когтями по полу.

Нет, не для того я пришла на бал, чтобы по всем залам гоняться за непослушным псом. Надо наблюдать, завязывать новые знакомства, веселиться, в конце концов. Но веселиться что-то не получалось.

Многие в тот вечер были не расположены к развлечениям. Какая-то тощая, чахоточная особа с гранатовым колье сварливо вещала:

— Мир, мой дорогой Анри, есть не что иное, как сплав нелепостей. Меня эти нелепости нервируют ужасно! Вот, например, вчера: служанка заварила крепкий кофе и не добавила туда сахару. Нарочно, чтобы мне досадить.

— Отчего бы это, мадам Миления? — изумлялся Анри, поглаживая свои черные закрученные усики. Тут, куда ни кинь, все носили усы. Исключение составляли разве что Арчи и Юлий.

— Потому что я обозвала ее дурехой. Запомни, слуг надо держать в ежовых рукавицах. И несколько раз на дню обязательно пенять им на их глупость. Иначе отобьются от рук.

— Напишу об этом верлибр, — вдохновившись, отвечал Анри.

У столиков с угощениями толпилась тьма народу. Как в хлебной лавке. Но этих хлебом не корми — дай посудачить.

— А вы слышали новость? Агату-то, художницу, третьего дня ранили из пистолета. Поэтому она на балу и не появилась, — говорила одна грузная дама с ярко накрашенными губами.

— Как ранили? Почему ранили? — наперебой спрашивали остальные.

— В таких делах всегда замешана ревность, — многозначительно упирала та.

Я миновала сплетниц, с трудом сдерживая отвращение. Никогда не переваривала тех, кто перемывает другим косточки. Став так, чтобы не мешать танцующим, я поймала себя на мысли, что балы Мериламии мало чем отличаются от наших дискотек. Тот же шум, та же еда, та же праздная болтовня. Сказав, что пары кружились в танце, я выразилась неточно. Они не кружились — они тряслись под быструю музыку, как куклы со встроенным механизмом. А когда оркестр уставал и смычки затягивали блюз, зал приходил в какое-то оцепенение. Было слышно, как стучат по паркету каблуки, как шуршат шугою платья. А в нос бил неистребимый запах одеколona.

Мне стало тоскливо, так тоскливо, что хоть вой. Желание наказать Пуаро пропало — хотелось лишь снова увидеть его глазки-пуговики да смешной маленький хвостик. В зале не

было никого, кто бы хоть капельку меня понимал. В основном, гости сами нуждались в понимании. Особенно один докучливый тип. Он назвался Ануаром и сказал, что в наш век люди совсем потеряли вкус к жизни.

— Прозябают, просиживают впустую дни, недели, чтобы потом притащить ноги на какой-нибудь праздник. Там они напьются, как верблюды, набьют брюхо — и думают после этого, что жизнь прожита не зря. Иное дело — игра. Я играю с младых ногтей. Да, случаются неудачи, и я могу проиграться в пух и прах. Но чего стоит сам процесс! Знаете, я ужасно азартен. Из-за этого меня бросила жена. Состоятельные друзья презирают меня, но поверьте... — Он отпил из бокала. — Поверьте, ничто так не бодрит, как здоровый азарт, скажем, на скачках. Если когда-нибудь надумаете делать ставки, имейте в виду: вороной текинец Саорим — выигрышная партия. Скачет лихо и почти всегда обходит соперников. Эх, если подзаработаю денег, непременно поставлю на него.

Он еще долго нес околесицу и расписывал достоинства лошадиных мастей, так что, когда я, наконец, от него избавилась, то почувствовала себя даже немного счастливой. Его бесконечная болтовня вынудила меня «свернуть знамена» и ретироваться в какой-то длинный неосвещаемый коридор. Там было прохладно и тихо. И пахло старой бумагой.

— Пуаро! — на всякий случай позвала я. — Пуаро, вылезай! Трепка отменяется, слышишь?

Никто не отзывался. Тогда я наугад двинулась в темноту. И кто знает, сколько бы я так брела, если бы впереди вскоре не забрезжил свет.

Первым, что бросилось мне в глаза, была засушенная гвоздика рядом с портретом, перетянутым траурной лентой. Из камина, на котором стоял портрет, тянулась тонкая струйка дыма. У окна — кресло-качалка со смятым пледом. Из приоткрытого стрельчатого окна в комнату вливался далекий колокольный звон. Я аккуратно взяла гвоздику и повертела ее в пальцах. Аромат от нее исходил нежный, едва уловимый и совсем не цветочный. Она пахла кокосовым маслом.

«Резиденция короля Юлия полна тайн, — подумалось мне. — Если уж откуда и начинать следствие, так это с его дворца». Меня неодолимо клонило в сон, поэтому, ничтоже сумняшеся, я опустилась в кресло, укрыла ноги клетчатый пледом... и провалилась в мир грез. Произошло это столь внезапно, что я и теперь не могу с уверенностью утверждать, действительно ли описанные ниже события приключились со мной во сне. Когда я обнаружила таинственную комнату, был поздний час, весьма поздний для такой «правильной леди», как Жюли Лакруа. И вполне возможно, что я несколько переборщила с напитками, которые подавали в джазовом зале.

В «мире грез» было довольно-таки туманно. Я летела, вернее, меня несло сквозь белесую пелену со скоростью хорошего гоночного болида. Мимо прощмыгивали пушистые клубки фонарных огней, молниями вспыхивали то тут, то там какие-то диакритические знаки, возникали и распадались на тысячи осколков математические формулы. Нарастал и убывал неясный гул.

Я обгоняла века, тысячелетия. На моих глазах превращались друг в друга вещества, возводились стены, рождались и умирали целые поколения. Я промчалась мимо племени Дакота, и один индеец чуть не попал в меня томагавком. Мне довелось мельком увидеть сухопарого Лао Цзы, Александра Македонского (он с серьезным видом слушал какого-то советника), и я чуть было не пожала руку самому Виктору Гюго. Потом началась совершеннейшая галиматья. Картины океанских глубин с необыкновенной быстротой

сменялись дэбрями тропических джунглей и арктическими ледниками. Мне второпях показали космос — нарядные планеты беспечно играли в салки на виду у миллиардов звезд. А потом я с размаху приземлилась на голый, безжизненный взгорок. У его подножия трещала и искрилась какая-то адская машина, а рядом — в резиновых перчатках и защитной стеклянной маске — стоял Рифат. Я почему-то была абсолютно уверена в том, что это Рифат, хотя никогда раньше его не видела. Вокруг клочьями стелился туман, и я не смогла разглядеть, чем именно он был занят, зато явственно услышала низкий голос, пробирающий до мурашек: «Ты проникла в коридор, и теперь ты принадлежишь нам».

— «Нам» — это кому? — расхрабрилась я.

— Повелителям материи.

— У вас что, кружок кройки и шитья?

Мой сарказм наглым образом проигнорировали. Ну, а раз так, можно смело терять совесть. Во всяких там «временных коридорах» совесть — штука заведомо бесполезная.

— Эй, ты, Рифат! Не ты ли, часом, прячешься в твердыне Арнора?

— Мне прятаться незачем. А тебе лучше свое любопытство поумерить.

Я напыжилась.

— Сперва сам же меня сюда затащил, а теперь предлагаешь расшаркаться и будь здоров? Не на ту напал. Ты мне выложишь всё до последней капли.

Похоже, я немного переусердствовала в своем «интервью», потому как машина Рифата вдруг издала странное шипение и выплонула на редкость прыткую шаровую молнию. Молния ощерилась на меня дикой кошкой и подлетела на угрожающе близкое расстояние. Уж не припомню, какого она была цвета. Помню только, что досталось мне изрядно, хотя я была шустрая, как электровеник. Эта полоумная молния преследовала меня, наверное, по всему «миру грез», после чего я почувствовала сильное жжение в области спины и моментально проснулась.

Надо мной, хлопая глазами, стоял какой-то оробелый светловолосый юноша. С перепугу он даже начал заикаться.

— Вы... об-обуглились, — с запинкой проговорил он.

— А вам какое дело? — нагрубил я в ответ. — Хочу — обугливаюсь, хочу — пеплом обращаюсь.

Оглядев себя в зеркале, которое мы первым делом купили после бала, я убедилась, что он был прав. Волосы мои наэлектризовались и малость почернели, на лбу, у виска, красовалось пятно сажи, а руки и ноги были сплошь в кровоподтеках. В следующий раз, решила я, если снова попаду к Рифату, тоже припасу что-нибудь эдакое, чтоб ему жизнь малиной не казалась.

— Вам бы к лекарю, — пробубнил белокурый. Вот заноза!

— Хорошо, хорошо. Сама разберусь!

Юношу звали Флорин. При дворе о нем ничего не знали, и происхождение его было столь же темным, сколь и связи. С приближенными короля он дружбы не водил, элитного общества чуждался. Поговаривали, будто бы он в одиночку бродил по пригородным полям и прямо-таки лип к твердыне Арнора. Может, Рифат и его завербовал?

Но, завербованный или нет, Флорин мне здорово досаждал. Он мог проторчать у Вековечного Клена до сумерек — без всякого умысла. Просто торчал и таранился на нас. Он следовал за мной по пятам, когда я направлялась в город. По вечерам, когда лютел морозец, он поджидал меня у одного и того же фонаря, неизменно закутанный в коричневую, с

прорехами шинель. Изображал из себя попрошайку. И потом, крадучись (он полагал, что неслышно), конвоировал меня до самого дома.

Когда окончился бал и я сделалась полноправным членом общества, на меня тотчас посыпались всевозможные предложения. Оказывается, в стране Западных ветров стояла острая проблема нехватки кадров. Я согласилась на должность журналиста в местной газетенке. Журналисты вечно попадают в передряги и раскапывают невероятное. Вот и я решила раскапывать, за компанию с Пуаро. Уж мы эти их тайны на составные части разложим, по кирпичикам разберем. Да, мало-помалу я заразилась энтузиазмом непоседливого пса. И, хотя задатков у меня было куда меньше, чем у мисс Марпл, слагать оружие я не собиралась.

... В тот день мы начали возводить стены вокруг нашего волшебного жилища. Лис прибежал раньше всех и уселся поодаль, на снегу. А чуть позже пожаловал Флорин. Он тоже робко стоял в сторонке и часто-часто моргал, как будто глаза ему запорошило песком. Дора и Сара, обе крепкие, помогали мне перетаскивать доски. А Пуаро только мешался под ногами и тормозил процесс.

Целый день, с утра до полуночи, стучали молотками. Даже Арчи подключился. Где-то раздобыл и принес с виноватым видом пилу. Потом какой-то матерый плотник научил нас, как надо делать арки.

Стена вышла неказистая, но Сара сказала, что если обсадить ее по периметру жимолостью или клематисом, к следующему лету изъянов будет не видно. Утешила.

— Зачем вообще нужна эта перегородка? — недоумевал лис. — Через нее всё равно кто угодно перелезет. От воров такая стена не спасет.

— Дерево грабителей отпугивает, они сюда и близко не подступят, — сказала Дора. — Жюли об уюте заботится.

— Забочусь, — подхватила я. — А для тебя, лис, мы сделаем специальную врезную дверцу. Заходи, когда пожелаешь.

Тот проронил вежливое «благодарствую» и резво ускакал в чашу. Когда помощники и зеваки разошлись по домам, ко мне приблизился Арчи.

— Я поговорил с братьями Маден, — сухо сообщил он. — Чертежей воздухолета, подобного твоему, у них нет. Есть какие-то старые, сомнительные проекты. Лео говорит, надо обращаться в столичное географическое общество.

Воздухолет? Чертежи? Совсем память прохудилась. Я тут порядок вокруг Клена навожу, ни бед, ни забот не знаю, а на деле выходит, что проблема на проблеме сидит и проблемой погоняет. Эх, и выпало же на мою долю!

Я уже и забыла, каково это — грустить по родине.

Глава 8. Переход на сторону тьмы

Над Вековечным Кленом сгушались сумерки. Одна за другой загорались в глубоком небе звезды. Пуаро задул масляный светильник и сосредоточенно уставился на древесный ствол, у которого, сидя в кресле-качалке, я листала альбом Доры со старыми, выцветшими фотоснимками. Каждый фотоснимок сестры снабдили краткими комментариями, что значительно упрощало мою задачу. Мне поручили написать статью об их лаборатории. Первую в жизни статью.

— Сейчас начнется, — прошептал Пуаро и, точно по его команде, кора засеребрилась мягким сиянием. А потом от макушки до корней разлилось голубое, с мерцающими искрами пламя. Я немножко отодвинулась вместе с креслом — не потому, что пламя жгло. Нет, оно лишь согревало и освещало всё вокруг. Разноцветные лампочки, которые мы развесили на нижних ветвях ко дню Звезд, зажглись сами собой.

— Красотища! — выдохнул Пуаро. — Сколько ни сияет наше дерево, никак не могу привыкнуть!

Прошел всего месяц с тех пор, как мы обосновались под Клёном. Установив вокруг ствола прочные стены и соорудив внутри несколько перегородок с изящными арками, мы решили не постилать пола — и не прогадали. Короткая зеленая травка росла у нас даже зимой, земля была теплой, а крыша (вернее, могучая крона великана) — радовала солнечно-желтой листвой, тогда как у других деревьев на поляне листья скрючивались, становились коричневыми и неприглядными. По траве я ходила босиком, умывалась чистой водицей, которая по утрам накапливалась в плошке между корнями, и простуды обходили нас с Пуаро за версту.

После праздничного бала Юлий укатил на юг, к морю Истры, и разрешил пользоваться некоторыми из его вещей. Например, креслом-качалкой. Новогодние огоньки — тоже его «подаяние». За работу в издательстве платили сущие гроши, поэтому я была благодарна друзьям за помощь с меблировкой.

Декабрь (мериламовцы зовут декабрь тимаксанием) со свирепой стужей и метелями нагрязнул так внезапно, что я даже не успела обзавестись теплой одеждой. Прознав о моем затруднении, лис приволок из леса нечто отдаленно напоминающее кожух. В нем я выглядела как огородное пугало. Но и на том спасибо.

Флорин больше не показывался. Наверное, побоялся холодов. А ведь целый чароний мозолил глаза, шагу ступить не давал. Хороши всё-таки трескучие морозы!

Кроме Флорина, я свела знакомство с несколькими холеными дамочками и парой-тройкой баловней судьбы. Одним из таких баловней был филантроп Лоренс. Легкомысленный на первый взгляд, он всерьез увлекался театром и до невозможности завидовал гастролерам. Его на гастроли не пускали, хотя был он далеко не новичок. А всё из-за болезни, которую он тщательно скрывал, но которая, однако, сделала его объектом насмешек со стороны простонародья. Люди интеллигентные старались войти в его положение и не подавали виду, будто знают о недуге. Бедняга страдал лунатизмом. Какие только средства он ни перепробовал, к каким только целителям ни обращался — прогрессировала болезнь, и хоть бы что ей. В ветреные ночи, при полной луне, он бродил по скошенным крышам домов, рискуя сломать себе шею. А однажды, будучи в таком вот сомнамбулическом состоянии, набросился на блюстителя закона, сочтя его за оборотня.

Лоренсу часто снились оборотни и прочая нечисть. И он признавался, что ужасно мучается из-за всего этого.

«Плохая наследственность, — говаривал он за партией в бильярд. — Мой папаша тоже любил по крышам гулять. Догулялся».

О том, что же случилось с его папашей, он умалчивал. За исключением нескольких неприятных казусов с полицейскими, Лоренс, в общем-то, был парень безобидный. В здравом уме даже комаров щадил, хотя нынешней осенью я от этих кровососов натерпелась.

Подруга Лео, Лира, утверждала, что более бестолкового и наивного чудака ей встречать не доводилось. Ей только-только исполнилось восемнадцать. А в таком возрасте люди часто судят о других превратно. Мне Лоренс бестолковым не казался. Тонко чувствующая натура — да, добрая душа — бесспорно. Но не чудак и не тупица — тут уж увольте. Разве что он не всегда попадал по бильярдным шарам.

Ума не приложу, чем Лира пленяла своих поклонников (а поклонников у нее было пруд пруди). Малость близорукая, белокурая девица, коих на своем недолгом веку я повидала с воз и маленькую тележку. Вечно носится с арфой и аккомпанирует певцам на выступлениях. Если вы вдруг заскучаете на какой-нибудь вечеринке, она тотчас примется вас развлекать, бряцая на своем «решете». И никуда вы от нее не денетесь, пока она не исполнит весь репертуар до конца.

Еще более меня удивляло, почему ею увлекся такой рассудительный и начитанный человек, как Лео. Впрочем, я взялась не за свое дело. Судить да рядить — это по части «базарных баб», над которыми, судя по всему, главенствовали Авия и Фейга. На любом народном гулянии, любом праздничном шествии они были, что называется, в первых рядах. Мне хорошо запомнился пестрый платок завистливой Авии и согбенная поза гадалки Фейги, которая, сидя за низеньким столиком, нашептывала незадачливому горожанину его судьбу. Гадким, тоненьким голоском.

Нет, меня определенно заносит не в ту степь. Надо сосредоточиться на статье. Пуаро откуда-то приволок гирлянду — и давай шуршать! Он у меня и за сигнализацию, и за телохранителя, и за домовую мышь.

— День Жвезд шкоро, — сказала «домовая мышь». Оправдывается.

— Ну, и куда ты ее вешать будешь?

Обмотал вокруг ствола. Умник.

Я подозревала, что заправлять пиром в день Звезд (а по-нашему, в Новый год) будет Лео. Всё-таки он, как-никак, специалист по звездам. Поездку в географическое общество решила отложить на потом. Желание разобраться с Рифатом и его «штучками» не оставляло меня в покое.

Когда я уже занесла карандаш, чтобы сотворить если не шедевр, то хотя бы сносную статейку, Пуаро заскребся по ножке кресла. Эту отвратительную привычку я обнаружила у него совсем недавно.

— Чего тебе?

— Тогда, на балу...

Удивительно, как этот маленький проныра еще помнит, что случилось месяц назад!

— Вёл ты себя отвратительно, — заметила я. — Одно слово — свинтус.

— Свинтус не разведал бы то, что разведал я, — фыркнул пес.

— Погреб с сосисками?

— Тайный лаз!

И он целый месяц молчал?! Дважды свинтус.

— Будешь по всяким лазам шастать — зашибут когда-нибудь, — предупредила я.

Пуаро принял многозначительный вид.

— Между прочим, я мастер конспирации. Меня зашибить не так-то просто.

Ему не терпелось снова обследовать этот лаз, но вся загвоздка состояла в том, что во дворец теперь пускали не каждого. Подозреваю, что Пуаро так и не рассказал бы мне о своем открытии, если бы ему не понадобилось содействие.

Замок Юлия в отсутствие самого Юлия служил чем-то наподобие торгового дома. Сюда пускали тех, кто располагал толстыми кошельками, и втихомолку устраивали распродажи. Король на эту «самодеятельность» смотрел сквозь пальцы. Он никого не репрессировал и ничего назад не требовал. Юлий терпеть не мог, когда в его комнатах накапливался хлам, и старался всячески от него избавиться. А довольные богачи и мшелоимцы уезжали в до отказа нагруженных экипажах, чтобы загроздить свои гостиные ненужными статуэтками и коллекционными сервизами.

Для того чтобы попасть во дворец, достаточно было показать стражнику туго набитый кошелек. И набитый неважно чем. В свой я, не раздумывая, напихала бумаги.

— Сработало! — повиливая хвостом, сказал Пуаро, когда мы проскочили охрану. Он шевелил своими ушами, точно вместо ушей у него были локаторы. Туда-сюда.

— За мной, — внезапно скомандовал он. Я чуть было не налетела на молчаливого рыцаря. Вернее, на его блестящие доспехи. Этот полый рыцарь был намертво прикреплен к стене, но от одиночества он точно не страдал. Его сопровождала когорта бравых и таких же пустоголовых парней, как он. И их тоже хорошенько приклеили к кирпичам.

— За мной! — нетерпеливо шепнул пес. Он открыл носок огромного сабатона и протиснулся внутрь. А мне что прикажете? Упаковаться до размера ботинка?

— Эй, я же тебе не дюймовочка! Я в такую щель не пролезу.

— У него на животе доспех тоже открывается. Попробуй! — приглушенно донеслось из рыцаря.

Я попробовала — и очутилась в полной темноте. Судя по всему, здесь был тоннель. Сырой, зловонный, со скользкими стенами и полом. Из глубины тоннеля доносилось странное хлюпанье и завывание — как будто расчувствовалось какое-нибудь впечатлительное привидение. После того, как я нечаянно отдала Пуаро лапу, он умчался вперед, шлепая по лужицам канализационной воды. Ему хорошо — у него нюх, а мне пришлось идти вслепую.

Уж не знаю, сколько продолжалось это безобразие, но вскоре я ощутила присутствие кого-то, кто был гораздо крупнее Пуаро. Попыталась вспомнить боевые приёмы, которым меня когда-то учили на курсах джиу-джитсу. Сейчас наверняка бы пригодились... Но незнакомец оказался таким неуклюжим, что мне даже не пришлось ему помогать. Он сам виртуозно свалился в лужу.

— Эй, ты кто такой?! — крикнула я. «Такой-такой-такой!» — передразнило эхо. А вот невидимый незнакомец, судя по всему, проглотил язык. Он вскочил на ноги и бросился наутёк. Я решила не отставать — с криком «Стой! Не уйдешь!» ринулась за ним вдогонку. Еще некоторое время меня окружало хлюпанье, шлёпанье и прочие неприятные звуки, после чего пещерная сырость и вонь внезапно сменились относительной сухостью и чистотой.

Тьма наконец-то уступила место свету.

— Так-так-так, — услышала я. — Ну, что, Флорин, добровольцев привел?

Флорин?! От неожиданности у меня едва не подкосились ноги. Каков злодей! А ведь хвостом за мной таскался, шагу ступить не давал! Теперь понятно, что это за порода. ДТП — Двуличный Трусливый Перебежчик.

Когда глаза привыкли к свету, я увидела Пуаро. Он тщательно обнюхивал маленькую беленькую собачонку с такими же, как у него, торчащими ушами и дружелюбной мордочкой. Замечать грозного, упитанного субъекта, нависшего прямо над ним, Пуаро, похоже, даже не собирався. И ничего, что субъекта звали Фаридом и что он считался в городе самым главным злодеем. На глаз ему можно было дать лет шестьдесят. И если бы у меня имелся измеритель коварства, то сейчас его стрелка уж точно бы зашкаливала, потому что от главного злодея коварством, как и табаком, несло за километр. Закончив нависать над Пуаро, Фарид навис надо мной. Физиономия у него была устрашающая — вся в пятнах и крупных порках. А над верхней губой важно топорщились рыжие усищи. Создавалось впечатление, что на это лицо они заползли совершенно случайно.

— Хилые какие-то добровольцы, — хрипло произнесло лицо. — Флорин, ты что, не мог найти кого-нибудь покрепче? А впрочем, они тоже сгодятся. У меня как раз есть для них подходящее задание.

Кажется, Фарид решил, будто мы бесплатное пополнение в его банде. Я попыталась было возразить, но помешал Пуаро. Процокав ко мне по холодному полу, он со всей дури впился зубами мне в голень. Судя по сдавленному смеху главного злодея (а с ним за компанию и Трусливого Перебежчика), меня здорово перекосило от боли.

— Он у вас всегда такой... шальной? — поинтересовался Фарид.

— Только во время магнитных бурь, — с кривой улыбочкой соврала я.

В общем, выкрутиться не получилось, и нам дали испытательный срок. Прежде чем посвящать нас в свои планы, Фарид пообещал устроить небольшую проверку.

— Сперва, — сказал он, — достанете денежки Арчи Стайла и Лео Вернадски. Сдерёте с каждого по сотне невидев — будет достаточно.

А мы что? Никуда от главного злодея не денешься. Арчи как-то рассказывал, что у Фариды все новички на особом счету, никому спуску не даёт. (Интересно, откуда Арчи сам-то узнал? Неужели его тоже пытались переманить на сторону зла?!)

На Пуаро я еще долго дулась. Тыкала его носом в рану, что осталась после укуса. А он всякий раз оправдывался. Говорил, что если бы я отказалась от участия в грязных делишках Фариды, Фарид с лёгким сердцем пустил бы меня на фрикадельки.

* * *

— Ну, что? Как статья? — спросил на следующее утро Пуаро. — Продвигается?

— Ничего у меня не продвигается, — буркнула я. — Разве только головная боль. Всю ночь под Клёном проворочалась!

— Да уж, — пробормотал тот. — С такой иллюминацией попробуй усни.

— Не в иллюминации дело, — возразила я. — Это всё проклятуший Фарид виноват. Не

приснилось же мне, что мы с тобой пролезли через рыцарские доспехи и обнаружили логово негодяя?! Не хочу опускаться до воровства. Но, если выбирать между воровством и фрикадельками, я, пожалуй, остановлюсь на первом.

— Фрикадельки? Где фрикадельки? — поинтересовался лис, просунув в дверцу свой рыжий нос. За носом показалась остальная морда, после чего лис появился целиком. Уселся у входа и таращится на нас голодными глазами.

— Спокойствие. Фрикадельки — это метафора, — сказал Пуаро. — Для тебя грибы. Бери, пока дают.

Он до сих пор не мог примириться с мыслью, что лис под Клёном гость частый.

— А что за белый пёс крутился у ног Фариды? — любопытствовала я. Лис тем временем уминал грибы за милую душу и изредка поглядывал на гирлянды.

— Макинтош, — нехотя бросил Пуаро. — Ничего примечательного. Даже больше тебе скажу: у злодея и собака злодейская.

— А я с Макинтошем знаком, — встрял лис. — Он пару раз навещался в лес Снов. И он вовсе не злодейский.

Пуаро рассерженно чихнул и осуждающе уставился на лиса.

— Так и знал. Нас окружают злодеи. И одни злодеи прикрывают других. Все они заодно. Их сеть расширяется. Не удивлюсь, если она уже оплела целый город!

В чем-то Пуаро был прав, но, по-моему, его фантазия несколько разыгралась. Не мог Фарид, заручившись поддержкой неумехи Флорина и простой собачонки, держать под контролем город Вечнозеленый. Но что, если сообщников было больше?

— Надо кому-нибудь рассказать, — решила я.

— Ты что?! Не вздумай! — испугался Пуаро. — Да и кому тут расскажешь? Арчи Стайлу? Никто не поручится, что он не состоит в банде Фариды. Доре и Саре? Они слишком беспомощны. Лео Вернадски, как я слышал, озабочен лишь искусством да своей внешностью. Ему не будет дела до каких-то там бандитов. А король с охраной в отъезде. Не вызывать же его специально затем, чтобы он помог распутать плевое дельце.

«Плевое дельце». Я узнала этот тон. Пуаро хотел раскрыть все тайны самостоятельно. В случае удачи лавры достанутся ему, а потерпит провал — сошлется на ржавые законы или ленивую полицию. Вполне в его духе.

Что касается меня, то идея отсидеться под Вековечным Кленом до тех пор, пока главный злодей о нас не забудет, вначале представлялась мне весьма заманчивой. Клен Фариды не пропустит. У него, как выражалась Дора, против негодяев стойкий иммунитет. Однако работу тоже никто не отменял. Кто будет писать в газету статьи? А получать жалованье? Клён, конечно, обеспечивал нас пищей. Но сгенерировать перья, чернила, тетради и прочие предметы обихода ему определено было не под силу.

— Что ж, — сказала я, очнувшись от раздумий. — Притворимся, что выполняем поручения Фариды...

— А сами разнюхаем обстановку и вычислим его сообщников, — закончил за меня Пуаро. Глазенки у него при этом так и блестели.

Что Фарид говорил насчет Арчи и Лео? Украсть у них по сотне невидок? Можно и попробовать. Заодно проверим, у кого из них рыльце в пушку.

План дома Арчи Стайла я могла хоть сейчас воспроизвести на бумаге. Поэтому начать решили с него. Будем считать сто невидок компенсацией за моральный ущерб. До сих пор

мурашки по коже, когда вспоминаю его тётушку.

Пуаро порывлся в небольшом чуланчике, который мы наскоро соорудили у восточной стены, и приволок пару потрепанных масок с перьями и блёстками. Эти маски мы приобрели на распродаже специально для карнавала в честь дня Звезд.

— Конспирация, — пояснил он.

— Одних масок маловато. Мне бы стильный шпионский костюмчик и парочку шпионских штучек, — замечталась я. Что нужно шпионам для таких случаев? Я вспомнила одну компьютерную игру, которой некогда увлекалась в Париже. Так вот, всякому уважающему себя секретному агенту следует обзавестись часами невидимости, липучками для лазанья по стенам, жучками, золотой сковородой и иголкой вуду. Впрочем, без сковороды и иголки можно легко обойтись.

— Эй-эй! погоди! Пока мы всего лишь воры, — отрезвил меня Пуаро. Воры. Какое скверное прикрытие! — Надо предоставить Фариду доказательства нашей преданности!

Согласна, доказательства понадобятся. Иначе как попасть в его банду, чтобы разоблачить сообщников?

— Я украду, но только один раз... Ладно, два раза, — поправила я. — Но потом всё верну. Иначе совесть сгрызет меня раньше, чем схватит полиция.

Вечером, когда на зимнее небо высыпали первые звёзды, мы с Пуаро, в карнавальных масках, мягко подкрались к водосточной трубе особняка Арчи. Морозец пощипывал нос — была, как-никак, середина тимаксания. Я ёжилась и страшно жалела, что, вместо теплого кожуха а-ля огородное пугало, надела тонкое, продуваемое всеми ветрами пальто. Неважно, вор ты или секретный агент, ты должен выглядеть прилично — считала я. Теперь это моё убеждение постепенно растворялось в морозном воздухе.

Нахохлившись и спрятав руки в карманы, горожане возвращались домой. Под ногами пел скрипучие песни снег. Внутри масляных фонарей металось пламя. Сейчас я была бы не против проглотить один такой фонарь, чтобы он согревал меня изнутри.

— Рановато пришли, — прокряхтел Пуаро. — Вон, свет в окне. Арчи еще не спит.

— Или делает вид, что не спит, — сказала я.

— В любом случае, надо подождать, — упирали Пуаро. Прямо-таки напрашивался на едкость.

— Ага, подождем, пока я не превращусь в сосульку, а у тебя не отмерзнет хвост.

Наконец свет погас. Я коснулась помятой водосточной трубы. Старая добрая труба! Интересно, скольких еще барышень, кроме меня, она спасла от гнева Арчиной тётки?

— А не проще ли через дверь? — спросил Пуаро. — Я, например, по водостокам карабкаться не умею.

— Полезай в заплечник, — шепнула я. — И чтоб сидел тихо.

Прогрохотала по мостовой и скрылась за поворотом коляска. Послышалась отдаленная брань извозчика и крики недовольного пассажира. Потом всё стихло. Оглянулась — вокруг ни души. Значит, самое время действовать. В пальто, скользких перчатках и сапогах на каблуке лезть наверх было сущей мукой. Да и водосток мог в любую минуту подвести. Он раздраженно скрипел при каждом неосторожном движении. Казалось, только и мечтал, чтобы выдать нас с потрохами. Поэтому я почти не удивилась, когда, очутившись в комнате,

нос к носу встретила с Арчи. Он зажег свечу, сдернул с меня маску и с отрепетированной улыбочкой осведомился:

— Какие гости! Почему в столь поздний час?

Первой моей мыслью было прыгнуть обратно в окно. Но в темноте я рисковала бы переломать себе всё, что только можно. Это в мои планы не входило. Поэтому пришлось хитрить.

— Мы... Ну, мы-ы-ы... — промямлила я. — Дневник Пуаро! Мы забыли дневник! Он должен валяться в одной из комнат.

— Что-о-о? — зашипел из заплечника Пуаро. — Неужели ты читала мой дневник?!

Я хорошенько встряхнула рюкзак. Не хватало, чтобы зубастый дармоед испортил мне легенду.

Арчи недоверчиво вздернул бровь.

— И для этого залезать в окно? Могла бы постучаться.

— Я ей битый час то же самое втолковывал! — подал голос Пуаро. — Но Жюли у нас с приветом.

— Что сказать, творческая личность! — вновь улыбнулся Арчи. — Жюли, ты ведь, кажется, статьи для газеты пишешь?

— Пишу, — с глупым видом подтвердила я.

— Еле концы с концами сводим. Бедны, как церковные крысы, — стал жаловаться Пуаро. — Что уж говорить о постройке воздушного шара! Вот если бы вы одолжили нам, скажем, невиев сто...

История про церковных крыс прозвучала убедительно. На месте Арчи я бы уже давно сжалилась и отпустила нас с миром. А заодно и с вышеназванной суммой. Но Арчи проявлять милосердие не спешил.

— Ну, у вас и аппетиты! — воскликнул он, после чего обошел меня кругом. — А выглядите вы, и правда, не очень. Я же говорил, без меня, Жюли, пропадёшь. Переезжай обратно. Тогда и денег ссужу, и Флорина, негодника, проучу. Будет знать, как волочиться за моими друзьями.

Сообразив, что сболтнул лишнего, Арчи умолк. Но было уже поздно. Неужели и он тоже?! Флорин следит за мной, Арчи следит за Флорином, и все мы находимся под неусыпным надзором главного злодея. А я пытаюсь уследить за Флорином, Арчи и разобраться в махинациях Фарида. Какой-то замкнутый круг получается.

Рассказать или не рассказать? Ладно, карты на стол. Ненавижу скрывать.

— А ты в курсе, — спрашиваю, — что Флорин человек Фарида? Если ты его проучишь, Фарид проучит тебя. И еще неизвестно, останешься ли ты после этого в живых.

Арчи ошарашен. Стоит, моргает. Тоже мне, избавитель. Пуаро у меня за спиной приглушенно рычит. Он явно не ожидал такого поворота событий.

— Постой, а сама ты откуда о Фариде узнала? Неужели?...

— Именно, — хладнокровно заявляю я. — Мы с Пуаро его новые сообщники. И мы на испытании. Сотня невиев нужна нам вовсе не для шара. Это доказательство для Фарида. Увидев деньги, он поймет, что у нас нет ни совести, ни чести, и примет нас в банду с распростертыми объятиями.

— Ах, Жюли! Но как же так?! — Театральный возглас, театральные жесты. — Ведь всё так хорошо начиналось! Ты достойна светлого будущего.

— А мне по душе мрак, — отвечаю я. И начинаю нести околесицу: — Мы, — говорю, —

прожженные лгуны и лиходеи. Кто виноват, что ты не смог этого разглядеть? Тешил себя пустыми надеждами, строил облачные замки. Время взглянуть правде в лицо.

От потрясения Арчи падает на стул.

— Врёшь! В твоих словах правды нет! — слабо протестует он.

Прохожу мимо него, рывком распахиваю дверь. Тот, кто притаился за дверью, падает на пол.

— Вот, — говорю, — Флорин может подтвердить.

Мерзкий шпион! Определенно, Фарид послал его караулить у дверей, чтобы выяснить, насколько мы благонадежны. А я? Что я наделала?! Разболтала Арчи о Фариде и выдала Флорина. Теперь мне точно не жить. Главный Злодей не станет откладывать расправу, когда услышит о моем идиотском поступке. Машинально схватив со стола кошелек (где должна была лежать, как минимум, сотня невиев), я выбежала из комнаты. Дальше было как в тумане. Помню только мелькающие под ногами ступени лестницы, манящий аромат кофе из кухни и пронизывающий холод по пути к Вековечному Клёну.

Глава 9. Тайна крепости Арнора

— Следующий наш шаг — проникнуть к Лео, — сказала я, пересчитывая купюры. В украденном кошельке их явно не хватало.

— Только на этот раз без меня, — проворчал Пуаро. — Больше не хочу трястись у тебя за плечами. Настоящий сыщик должен действовать, а не бездарно сидеть в рюкзаке. И кстати, я завёл новый дневник, — с вызовом сообщил он. — Если возникнет желание почитать, он зарыт под юго-западным корнем Клёна.

— Мы влезем к нему аккурат под бой курантов, — сказала я, проигнорировав его ехидное замечание. — И в качестве новогоднего подарка попросим сто невиев. Ну, как, идёт?

— К кому влезем? — не понял Пуаро.

— К Лео Вернадски!

Я раздраженно швырнула кошелек к стене и откинулась на спинку кресла-качалки. Что у этого Арчи, совсем с финансами туго?! Каких-то пять истрёпанных бумажек! Меня не покидало тревожное чувство. Вот-вот должен был заявиться Главный Злодей, чтобы меня прикончить. Хотя разве ж Клён его пропустит?

— Попроси лучше двести, — сказал пёс. — Тогда мы и Фариду угодим, и на постройку шара поднакопим. Чует моё собачье сердце, пора делать ноги.

— А Клён мы возьмем с собой в корзину, — пошутила я. Действительно, почему бы и нет? Ведь до сих пор нас оберегал и кормил лишь он один. Что ни говори, но всё-таки лучшие друзья человека — деревья.

Только я стала прикидывать, в какую корзину влез бы Вековечный Клён и сколько грунта понадобилось бы для его транспортировки, как снаружи отчаянно заскреблись.

— Странно, — пробормотал Пуаро. — Неужели врезную дверцу заело? Да и кто бы это мог быть? Лис приходит по утрам, а сейчас глубокая ночь...

Наконец дверца подалась, и, к нашему удивлению, на зеленую травку выкатился тот самый пушистый щенок, которого Пуаро обозвал злодейским. Макинтош! В голубоватом сиянии Клёна он выглядел испуганным, измученным, и его круглые глазки-бусинки (точь-в-точь как у Пуаро) тревожно блестели на белой мордочке.

— Ага, Фарид засылает к нам своих верных ищек, — съязвила я. — Задание еще не выполнено, ты рано.

Макинтош отряхнулся от снега (который, надо сказать, валил за окном огромными хлопьями) и выразительно посмотрел на меня.

— Он не знает, что я здесь. Я пришел, чтобы вас предостеречь.

Голос у Макинтоша был такой, словно его напоили ледяным молоком, угостили фруктовым льдом и напоследок окунули в прорубь. И лишь сейчас я заметила, как сильно пёс дрожит.

— Н-не связывайтесь с Фаридом, — просипел Макинтош. — Он держит в страхе полгорода, я знаю о его планах. Фарид хочет убить короля Юлия и занять его трон.

Договорив, Макинтош кое-как добрался до сияющего ствола и рухнул на выпуклый корень.

— Бедняга, — сочувственно произнес Пуаро. — Интересно, что ему пришлось пережить? Ведь, насколько я понимаю, от Фариды он бежал, не разбирая дороги.

— Фарид нарочно довел его до такого состояния, — вполголоса сказала я. — Чтоб правдоподобнее было. Но на эту уловку я не куплюсь.

— Вековечный Клен лишь бы кого под свою крону не пускает, — веско напомнил Пуаро и с плоской в зубах отправился за целительным кленовым сиропом для Макинтоша.

Позднее, под утро, когда «прислужник» главного злодея более или менее оправился, нам пришлось выслушать его сбивчивую историю о том, как он, то есть Макинтош, преодолевал препятствия на пути к Вековечному Клёну. Сперва он рассказал о крысах, которые преследовали его в сыром зловонном коридоре без единого факела. Затем — не без содрогания — о том, как угодил в глубокую яму с водой и как эта яма внезапно оказалась частью канализации с довольно-таки быстрым течением. Сточные воды увлекли его вниз и бесцеремонно швырнули в какой-то наполовину заледеневший пруд. На морозе Макинтош, разумеется, промерз до костей. Несколько раз он чуть не отведал лошадиных копыт и остро прочувствовал на своей шкуре, каково это, когда тебе отдавливают лапы колесами экипажа.

— Столько терпеть лишь затем, чтобы нас предупредить?! — поразился Пуаро. Я же только хмыкнула. Знаем мы, как местные умеют привирать. Мешать правду с ложью их, наверное, учат с самого рождения.

— Н-не верите? — разочарованно спросил Макинтош. — Я д-докажу. Назову имена сообщников.

Что? Сообщники? Я немедленно схватилась за блокнот.

— Выкладывай.

— Вардан, — просипел Макинтош. — Мансур. Авия и Фейга.

Ну, с Авией и Фейгой всё ясно. Они мастерицы разносить сплетни. А вот Вардана и Мансура я ни разу не встречала. Хотя, может, оно и к лучшему.

— Еще Ранэль Мадэн.

— Как?! Один из братьев Мадэн! Один из гениев-изобретателей?! — воскликнула я.

— Скоро ты с-сама с ним познакомишься, — с видом зловещего прорицателя произнес Макинтош. После чего растянулся на травке и блаженно засопел.

Утром, вместо лиса, к нам ни с того ни с сего нагрянул Арчи.

— Ого! — удивился он. — У тебя уже две собаки! Смотрю, даром времени не теряешь!

Потом спохватился и натянул на себя серьезность.

— Всё, что ты наговорила мне вчера вечером, неправда, — сказал он. — Это было нарочно, чтобы стены не услышали того, что им не положено слышать.

— Какие стены? Ты о чем, вообще? — не поняла я.

— О том, кто прятался за дверь. Но не беспокойся, я пристроил его в надежное место, и он ничего Фариду не расскажет. По крайней мере, сегодня.

Я вздохнула с нескрываемым облегчением. Дамочкам, вроде меня, противопоказано быть детективами. У меня не хватило мозгов даже на то, чтобы избавиться от назойливого шпиона, прежде чем выложить Арчи правду (то есть, полуправду, конечно). А сейчас другой шпион по прозвищу «мохнатые вражеские уши», спал под Клёном. Я несколько раз со значением ткнула пальцем в сторону Макинтоша.

— Что? И его обезвреживать придется?

— Если понадобится, — сказал Арчи и понизил голос: — Я договорился с экспертами. Поезжай в столицу, в географическое общество. Там есть все необходимые чертежи и

материалы для постройки воздушолета. Вам с Пуаро грозит опасность. Поэтому улетайте из страны как можно скорее.

— И не подумаю, — сказала я. — У нас как раз наклёвывается интересное дело. Пока в городе процветает зло, мы отсюда не уедем.

Арчи нахмурился и почесал подбородок.

— Что ж, тогда мне ничего не остается, кроме как помочь вам в расследовании. Можешь рассчитывать на меня.

Замечательно! Он так легко бросается обещаниями! Значит, можно со спокойным сердцем потребовать от него сотню невидев.

— На расходы, — пояснила я. — И чтобы нас не списали в расход. Таково условие Фариды. Только так я смогу на законном основании посещать его берлогу.

— Скорее, на незаконном, — усмехнулся Арчи. Сняв шляпу, он расстегнул на дне какой-то кармашек и невозмутимо вручил мне деньги.

— Да. И есть еще кое-что, — Я приняла вид кроткой овечки. — Лео Вернадски...

...Мы с Арчи вломились к Лео в самый разгар праздника. Тот как раз настраивал телескоп, чтобы показать звезды своим, как он выразился, прелестным гостям.

— И почему бы не назвать какую-нибудь звезду в честь одной из них? — легкомысленно добавил Лео.

Лира непременно хотела, чтобы в ее честь назвали целое созвездие. Двум другим дамочкам-трещоткам было не до звезд. Они пили из бокалов какую-то шипучую искрящуюся жидкость, неудержимо хихикали и строили друг другу рожи. Художница с перебинтованной рукой чинно восседала за мольбертом. Хорошее прикрытие для того, кто не желает участвовать в общем веселье. Гипнотизировать пустой холст на мольберте у художницы получалось просто непревзойденно. Взлохмаченные кисти вместе с палитрой беспризорно валялись на полу.

— Не хотите ли отведать менреля? — добродушно поинтересовался Лео. — У нас отменный менрель.

— Не стоит, — сказал Арчи. — Мы пришли за выкупом.

— Выкуп? — переспросил Лео. — А-а-а! Выкуп! Вспомнили старую традицию? Хорошо бы ее возобновить, не правда ли? — рассмеялся он. — Раньше, в день Звезд, Мериламовцы бросали на улицу монеты как благодарность звездам за то, что они светят. Считалось, что чем больше монет будет лежать на снегу наутро, тем больше звезд родится на небе и тем ярче они будут сиять. Сейчас, погодите, где-то у меня был мешочек с мелочью.

Арчи наклонился к Лео и внушительно произнес:

— Дружище, оставь мелочь при себе. Нам нужна кругленькая сумма. Сто невидев.

— Ого! Да кому ж вы так задолжать успели?! — воскликнул тот.

— Это всё Жюли, — расслышала я. — Неопытная, вечно попадает в неприятности. Ты уж выручи ее, а убыток я тебе со временем возьму.

Лео неодобрительно взглянул на меня. Дамочки перестали хихикать и тоже с подозрением посмотрели в мою сторону. Захотелось немедленно провалиться этажом ниже.

— Обязательно было выставлять меня на посмешище? — въедливо поинтересовалась я, когда Лео отпустил нас с миром и вышеозначенными невиями. — Благодетель, понимаешь...

— Но ведь ты эту кашу и заварила. Что уж тут скрывать? — пожал плечами Арчи. Мы шагали по свежевывавшему снегу, и в свете ночных фонарей лицо моего спутника казалось чересчур бледным и худым. Прямо как у графа Дракулы.

— Мог бы приставить ему к виску пистолет или погрозить Теневым сенешалем, — буркнула я. — Да полно всяких способов! Когда ты упомянул про неприятности, я чуть со стыда не сгорела!

— Ничего, тебе полезно. В следующий раз, перед тем как влипнуть в историю, будешь думать. А о Теневом сенешале лучше забудь. Не я им командую. И даже не король. Сенешаль сам себе голова. Он влиятелен и очень опасен.

— Когда-то я уже об этом слышала. А почему, собственно, он так опасен?

— Теневой сенешаль питается пустотой людей. Они потому и забывают, откуда пришли. Их затягивает суета, заботы, жажда наживы и власти. И сенешаль пользуется их слабостями. Напитываясь пустотой, он становится всё могущественней и начинает руководить людьми, как тряпичными марионетками. Помнишь же, как он пытался тебя выселить?

Я кивнула. Получалось, что сенешаль сильнее, чем король. Король управляет лишь внешними событиями, а Его Призрачная Мрачность изменяет саму природу вещей. Внутри всё как-то похолодело.

— Выглядишь устало, — заметил Арчи.

— Да и ты на мертвеца смахиваешь, — сказала я.

— А не зайти ли нам в трактир? Сегодня заведения работают круглосуточно.

Я согласилась. Во-первых, потому, что очень уж озябла на ветру. А во-вторых, было бы полезно узнать, как празднуют день Звезд местные жители. Будет о чем в Парижскую газету написать. Да и Пуаро обзавидует. Он-то остался дома.

В общем, я изо всех сил убеждала себя, что иду с Арчи вовсе не из-за того, что нуждаюсь в собеседнике и хорошем совете. Однако после третьей чарки шипучего менреля (того самого, что пили барышни в гостиной у Лео) правда всплыла на поверхность.

— И что мне дальше делать? — спрашивала я, цепляясь за рукав Арчи, точно утопающий. (При этом язык у меня, кажется, мастерски заплетался). — Н-не хочу на Фариду работать. Он меня рано или поз-дзно пришьёт.

— Пришьет, — с гаденькой ухмылкой подтвердил Арчи. — Как пить дать пришьет. Но ты всё равно ступай. Отдашь деньги, выведаешь информацию. Иначе зачем было лезть на рожон?

— А никто и не лез, — промямлила я. Стульев, столов, кричащих плакатов и крикливых посетителей в трактире неожиданно стало в два раза больше. Они наседали друг на дружку и покачивались, как лодки у причала. Меня начало мутить. — Никто и не лез, — повторила я. — У нас с Пуаро не было выбора!

— Выбор есть всегда, — отвечивал мой собеседник.

Я вскочила с табурета, и пол в тот же миг закачался. Интересно, в день Звёзд полы всегда качаются? Замечательный обычай! Надо бы и на родине что-нибудь подобное в обиход ввести.

Арчи придержал меня за руку:

— Спокойно! Не падать! Посидим, пока ты не придешь в норму.

— Я в норме! В норме!

— Тсс! — шикнул на меня тот. — Обернись. Только не спеши.

Я послушно глянула через плечо. За дальним столиком, у стены, в табачном дыму и густо-желтом свете канделябров, таинственно совещались двоящийся Теневой сенешаль и какой-то неизвестный, тоже двоящийся субъект. Неизвестный мне, поскольку Арчи зловеще прошептал:

— С ним один из братьев Мадэн. Предатель!

— Братья Мадэн? — удивилась я. — Неужели...

— Да-да, — поспешно сказал Арчи. — Изобретатели Ранэль и Риваль. Они похожи как две капли воды. Различить их невероятно сложно. И один из них, похоже, снюхался с врагами.

— Почему ты так считаешь? — тихо спросила я. — Может, сенешаль выдвигает ему очередные абсурдные требования?

— Не нравится мне всё это. Ох, не нравится, — потряс головой Арчи.

Домой я вернулась под утро. Пуаро дрых у Клёна без задних лап, а рядом валялся его новый дневник. Не дневник — сплошные кляксы. Ну-ка, что там? Почитаем...

В голубом сиянии ствола текст читался легко. Вернее, читался бы легко, если б не отвратительный почерк.

«Жюли, злодейка, бросила меня и отправилась грабить Лео с Арчи Стайлом. Да пропади он пропадом, этот Стайл! Если они считают, что я не гожусь для шпионской кражи*, им же хуже.

*Шпионская кража — разновидность воровства, которое в дальнейшем служит во благо и обществу, и шпиону».

Занятое определение. Я успела отложить дневник прежде, чем Пуаро разлепил глаза.

— Веселилась там без меня? — прокряхтел он. — Да от тебя алкоголем несёт, фи!

Просеменил к стене, уселся на траву и обиженно фыркнул.

— А я, понимаешь, в поте морды строчил шпионские записки. Прочти, если хочешь. Узнаешь о себе много нового.

— Уже узнала, — с хладнокровием вождя Могикан ответила я.

Пуаро еще немного повертелся на месте, выдернул из земли клочок сочной травки и принялся жевать.

— Между прочим, заходил Макинтош, — добавил он с полной пастью. — Фарид ждёт. Заждался уже.

— Ну, что ж. Раз ждет, не стоит испытывать его терпение, — сказала я.

Стражу королевского дворца ничего не стоит обвести вокруг пальца. Предъявив набитый бумагой кошелек, мы, как и в прошлый раз, без проблем проникли внутрь. Чему только учат караульных!

Тот же полый рыцарь, те же звенящие доспехи и смрадный коридор.

— А-а! Жюли! Рад видеть в добром здравии! — оскалился Фарид и растопырил руки как будто вот-вот обнимет. Благо, не обнял. Соседство одутловатого живота и усатой рожи, которая вдобавок просит кирпича, мало меня привлекало.

— Знакомься, Ранэль, твоя новая напарница. Жюли Лакруа. А это ее помощник Пуаро Смышленный пёс, прямо как мой Макинтош!

Довольный сравнением, Фарид затрясся от бесшумного смеха, после чего издал звук, похожий на стон умирающего животного.

— Кхе-кхе-кхе! — закашлялся он. Скорее всего, его мучила астма. — Жюли, знакомься. Ранэль Мадэн, агент катастроф. Вы с ним чудно сработаетесь.

— Весьма польщен, — галантно поклонился тот. У него был низкий, бархатный голос, как если бы он пел в опере всю свою жизнь. На нем, словно на вешалке, висел скрывающий руки серый матовый плащ, а голову венчал серый цилиндр. Я заметила старательно отутюженные стрелки на серых брюках и начищенные воском туфли. В общем, Ранэль был тот еще фат. Идеально подобранный цвет говорил сам за себя. Никаких полутонов, ниточка в ниточку. Наверное, в сумерках люди часто принимали его за тень. Или за Теневого сенешаля...

Мне живо вспомнился новогодний трактир. Хотя ночью я порядочно наклюкалась, столик, за которым переговаривались Ранэль и сенешаль, всплыл в моей памяти легко и непринужденно. Стало быть, Арчи не ошибся и Ранэль Мадэн действительно предатель. Благородный преступник по прозвищу... назовём его мистер Тень.

— А почему именно агент катастроф? — поинтересовался Пуаро.

— Меня нанимают, если хотят кому-нибудь испортить жизнь, — лучезарно улыбнулся мистер Тень.

— Так, об этом потом. У вас еще будет время поболтать по душам, — резко вклинился Фарид. — Где деньги? Сперва деньги, потом разговорчики.

Я всунула ему двести невидев в надежде, что пройдохе Флорину не удалось сбежать из «надежного места», куда его «пристроил» Арчи, и выследить, каким именно образом я эту сумму получила. Алчно пересчитав купюры, главный злодей запихнул их себе в карман.

— С заданием справилась, — заключил он. Пуаро снизу рассерженно фыркнул. Как это его сбросили со счетов?! — Ну да, ну да, — поправился Фарид. — Ты тоже молодец. А теперь о планах. В скором времени мы собираемся устроить небольшую катастрофу.

— Небольшую? — расстроено переспросил мистер Тень. — Обычно у меня заказывают масштабные катастрофы со спецэффектами и горами трупов.

— На сей раз обойдемся без гор, — твёрдо постановил Фарид. — Агенту катастроф понадобится расписание ближайших мероприятий в резиденции короля. По последним сведениям, расписание хранится у Арчи Стайла. И ты, Жюли, его добудешь.

Фу ты! Опять кража! Не успела я оправиться от прежней.

— А в чем, собственно, будет состоять катастрофа? — невинно поинтересовалась я.

— Об этом позаботится ваш покорный слуга, — с легкой обидой в голосе отозвался Ранэль. Ему было не так-то легко смириться с пожеланиями своенравного заказчика. — Пойдем, надо обговорить детали, — добавил он и, театрально взмахнув плащом, шагнул в темноту коридора.

— Небольшая катастрофа! Небольшая! — удрученно повторял мистер Тень. Я еле за ним попевала, а Пуаро еле попевал за мной. — Не выношу, когда меня недооценивают! О моих выдающихся способностях знает весь преступный мир, а Фариду подавай крохотное бедствие!

— Настоящий мастер своего дела хорош как в большом, так и в малом, — заметила я. — Только вот в том, чтобы устраивать погромы, нет ничего похвального...

— Не погромы, а катастрофы, — сказал Ранэль, энергично шлепая по затхлым лужам.

— Но вы, ведь, кажется, изобретатель?

— Был изобретателем, — отрезал тот. — Все идеи принадлежали моему брату, и

процессом руководил он. А от меня требовалось лишь послушное исполнение обязанностей помощника. Достать новую деталь — Ранэль, найти клиентов — снова Ранэль. Я устал!

— А-а-а, так вот что толкнуло вас на стезю злодеяний! — подал голос Пуаро. Он произнес это таким тоном, словно совершил открытие века.

— Жизнь — боль, друзья мои, — пафосно изрек мистер Тень, когда мы вылезли из рыцарских доспехов. — Боль и разочарование. Пора бы уже принять это как должное. Итак, Жюли, в котором часу ждать расписания?

— Завтра утром оно будет у меня, — пылко пообещала я. Кажется, уже ничто не сдерживало меня от того, чтобы тоже перебраться на стезю зла. «Ну, что такого в этом зле? — думалось мне. — Пошалим, внесем, так сказать, оживление в размеренные, скучные будни». А Пуаро ворчал, что от меня никакого проку и что я становлюсь предсказуемой и безынициативной. Слово «безынициативная» корбило, потому что сейчас Жюли Лакруа была прямо-таки переполнена инициативой.

На этот раз я полезла к Арчи в окно без всяких предосторожностей, хотя и не среди бела дня. Стояла безмятежная морозная ночь, рассвет обещал распуститься только через шесть часов. Пуаро выразил желание остаться под Клёном. Участвовать в затеях Фариды было ниже его шпионского достоинства. А меня подстегивало лишь желание поскорее вручить расписание Ранэлю. Было в агенте катастроф что-то мистическое и притягательное, и я толком не могла понять, что именно. Возможно, его манера держаться. Возможно, мятежность духа и свойственная гениям прихотливость. А может быть, всё вместе взятое.

Пока я увлеченно рылась в секретере и изучала книжный шкаф на предмет списка с мероприятий, тишина в доме меня ничуть не настораживала. Но стоило отвлечься от поисков и прислушаться, как я ощутила давление вязкой, неестественной тишины. Ничто не двигалось, замерли даже стрелки часов. А надо сказать, в кабинете Арчи часы были на редкость шумные. Каждую секунду они отстукивали, как метроном.

Внезапно освещенная единственной свечой комната закружилась перед глазами в плавном адажио. Утратилось чувство реальности, и, перед тем как исчезнуть, я успела набить на голове весьма болезненную шишку, ударившись о косяк форточки.

— Она в порядке? — сквозь пелену послышалось мне. Проникающий в душу, бархатный женский голос.

— Будем надеяться. Но она вся изъязвлена, — отвечал мужской. — Не представляю, как с таким количеством язв можно спокойно ходить по земле!

— Рифат, просто ты давно не видел других людей... И меня, — с лёгким укором сказала женщина. — О! Кажется, она пришла в себя.

Надо мной с растрепанными волосами стояла бледная Эсфирь, а сама я... Пористый каменный пол, мышинового цвета стены. Куда меня, собственно, занесло?

— Ты во временном коридоре, — предупредила мой вопрос Эсфирь. — Кажется, однажды ты уже виделась с Рифатом.

— Помню. Кружок кройки и шитья, не так ли? — язвительно уточнила я.

Рифат сдержанно поклонился. На этот раз он оделся поприличней. Никаких резиновых перчаток, никакой лабораторной одежды. Тщательно застегнутый черный плащ от подбородка до самого пола. Темные, зачесанные назад длинные волосы. Опасных для жизни приборов (вроде тех, что выпускают шаровые молнии) поблизости не обнаружилось, и я поднялась на ноги.

— Не могу смотреть! Эсфирь, выдай ей плащ из моего гардероба, — страдальчески проговорил Рифат и спешно удалился. Наверное, в свою секретную лабораторию, измышлять новые способы испепеления честных граждан. Ну, или не совсем честных.

Я растерянно уставилась на Эсфирь. Она была одета точно так же, как Рифат. И, надо заметить, черный цвет ей совсем не шёл.

— О каких язвах он говорил? Зачем мне плащ? И объяснит мне кто-нибудь, почему меня втянули в вашу секту?! — так и посыпались вопросы. Однако, вместо путных разъяснений, Эсфирь принялась читать мне нотации.

— Ах, Жюли! Зачем ты связалась с Фаридом?! Неужели не знаешь, что он за человек? Мы следили за тобой, и тебе крупно повезло, что у Арчи ты оказалась именно ночью, когда открываются врата во временной коридор. Ты чуть было не совершила роковую ошибку!

— Брось. Разве список с мероприятиями может на что-нибудь повлиять?

— Да. Если окажется в руках Фариды. В списке перечислены не только планируемые развлечения и торжественные приёмы во дворце. Король Юлий вовсе не трутень и лежебока, как о нем судачат в необразованных низах. Он намерен покончить с преступностью, и для этого не пожалеет ни средств, ни времени. Знаешь ли ты, что изначально временной коридор был придуман именно затем, чтобы ему помочь? Рифат делает всё, чтобы защитить короля от приспешников Фариды. На Юлию уже дважды совершались покушения.

Сказать, что я была потрясена, значит не сказать ничего. Выходит, я собственноручно чуть не поставила жизнь короля под угрозу! А ведь он такой славный малый. Правильно говорил Пуаро: не шпионское это дело вливаться в ряды грабителей.

В порыве благодарности я схватила Эсфирь за руку и с жаром ее потрясла.

— Не представляешь, как я тебе обязана! Вы меня спасли! Ты и Рифат. Мне и самой казалось, что я свернула куда-то не туда. Но, чтобы исправиться, одной мысли бывает недостаточно.

— Рада, что ты поняла, — одними глазами улыбнулась та. — А теперь пойдём. Примеришь язвоскрывающий плащ.

«Язвоскрывающий», как выразилась Эсфирь, плащ скрывал какие-то неведомые мне язвы. Холодная на ощупь, плотная немнущаяся ткань доверия не вызывала.

— Синтетика? — придиричливо спросила я.

— Элартан, — сказала Эсфирь. — Рифат убежден, что элартан благоприятно воздействует на человека.

— А что за язвы? Похоже, их видит один только Рифат.

— Еще ребенком он видел язвы окружающих и свои собственные, — вздохнула Эсфирь. — Гнойные, кровоточащие, гниющие, — передернулась она. — Его считали сумасшедшим, потому что при виде любого человека он начинал плакать.

— Что это? Дар или проклятие?

— Уж скорее проклятие, нежели дар. У нас зрение обычное, мы не видим того, что открывается его взору. Видеть человека без защитной элартановой одежды для него настоящая мука. И пока я единственная, кто поддерживает Рифата.

— Так вот почему он прячется в крепости! — догадалась я.

Эсфирь кивнула и утерла слезу.

— Он вынужден находиться в крепости Арнора еще и потому, что его опыты с электричеством в народе принимают за колдовство. Сама, наверное, уже заметила, как узко

мыслят горожане. Тех, чьи головы забиты суевериями и предрассудками, сложно переубедить. Поставь Рифат экспериментальную вышку в городе, к нему тотчас явятся из управления и обвинят в чернокнижии. А там и до казни недалеко.

— Но они с таким же успехом могут явиться в крепость, — возразила я.

— Жители озабочены лишь собственным покоем. Им неважно, что творится за городской чертой, — печально улыбнулась Эсфирь. — Вот уж не думала, что когда-нибудь такое скажу, но жить становится проще, когда до тебя никому нет дела.

Глава 10. Блуждания во временном коридоре

Язвозащитный плащ оказался мне великоват, хотя, может, так и было задумано. Твердый стоячий воротник упирался в подбородок, полы стелились по земле. Не знаю насчет язв, но, во всяком случае, язвительности во мне поубавилось.

Рифат ждал нас с Эсфирью в гулком бесцветном зале с колоннами. Стены в этом зале — если б они только умели говорить — заявили бы, что понятия не имеют о краске и обоях. А пол с потолком единодушно бы с ними согласились.

Рифат сидел за длинным, бедно сервированным столом и пожирал нас глазами, пока мы усаживались напротив. По крайней мере, взгляд у него был именно такой — дикий и голодный. Потом до меня дошло, что глазами он пожирает одну только Эсфирь. Интересно, что у них за отношения? Наверное, как у красавицы и чудовища. Правда, назвать Рифата чудовищем не поворачивался язык. Он выглядел как вельможа, сошедший с картины эпохи Ренессанса. И внешность его, прямо скажем, завораживала. Один глубокий проникновенный взгляд чего стоил. Строгие черты лица — ни малейшего намека на улыбку. Ну, еще бы! Станешь тут улыбаться, когда против тебя целый город.

— Подкрепись, Жюли, — сказал Рифат самым обычным голосом. — Пища, конечно, не из королевского дворца...

— Да ничего! — глупо заулыбалась я. — Мы народ привычный.

Попробовала первое узнаваемое блюдо — луковый суп. Горчил, что твоя редька. Решила откусить хлеба — чуть не сломала себе зубы. Чечевица под соусом тоже не порадовала. То ли у меня изменился вкус, то ли из Рифата хозяин неважный.

Рифат неподвижно пялился куда-то в пространство, мимо меня и даже мимо Эсфири. Эсфирь ковырялась ложкой в своем луковом супе. Нет, ну кто так обращается с гостями? Где непринужденная светская болтовня? А манеры в каком временном коридоре забыли? Кстати, насчет временных коридоров...

— Ведь коридор открывается ночью в определенный час? — с места в карьер спросила я. Рифат вышел из транса и покачнулся на стуле.

— Да, так и есть.

— Получается, что временных коридоров ровно столько, сколько и ночей? — продолжала выпытывать я.

— И это верно.

— А кому-нибудь приходилось в коридоре застревать?

Тут нелепость моих вопросов, похоже, достигла апогея, и вмешалась Эсфирь:

— Это невозможно, — серьезно сказала она. — Как только истекает сорок восемь часов временного коридора, тебя выносит назад, в твоё время, причем в реальности проходит всего лишь час.

Получалось, что один час нормального, человеческого времени равняется двум суткам пребывания во временном коридоре. Когда-то Пуаро говорил мне почти то же самое.

— А что вы делаете на протяжении двух нелегальных суток? — поинтересовалась я.

— Рифат работает с электричеством, чтобы создать средство исцеления от язв.

Тот мрачно кивнул.

— А-а-а! Так вот, в чем дело! Избавить народ от несуществующих язв. Похвальное стремление... — вырвалось у меня.

— Они существуют! Существуют! — вдруг взорвался Рифат. — То, что ты их не видишь, еще не означает, что их нет!

Я пожала плечами. Что толку спорить с тем, у кого не все дома?

После того как задетый за живое психопат-изобретатель умчался из бесцветного зала, Эсфирь проводила меня к выходу из крепости.

— Больше так не говори. Несмотря на маску бесстрастия, он очень чувствителен, — сказала она. — А теперь иди. Два дня отданы в твое полное распоряжение. Город спит, и у тебя есть шанс сделать всё правильно.

Ворота крепости затворились, а я всё думала над значением последней ее реплики. Что сделать правильно? И что случится, если я совершу ошибку? Может, стоит отправиться в берлогу к Фариду и, пока он спит, шандарахнуть его чем-нибудь по башке? Или написать предупредительную телеграмму Юлию, чтобы тот был начеку? Хотя какой смысл в телеграмме, если ни один почтальон в течение двух суток не поднимется с постели? Жизнь города замерла, поезда не ходят, воздушного шара под рукой нет. Нет даже верного помощника Пуаро. Что я могу без него решить?!

Мысли снова и снова возвращались к Рифату. Почему он выбрал именно меня? Глупо думать, будто бы во временной коридор он пускает всех и каждого. Почему тогда я? Почему не Дора, не Сара? Не Арчи, в конце концов?

Однако, как выяснилось, Арчи всё-таки входил в число избранных. Он ждал меня за поворотом заиндевевшей глинистой дороги, в слабом свете масляного фонаря. Без экипажа. Притопал на своих двоих и обулся для долгой пешей прогулки, как полагается, — в мягкие сапоги, утепленные овечьей шерстью. Вторую пару сапог принес для меня.

— Будить лошадей было бесполезно, — оправдываясь, сказал он.

Я не смогла скрыть удивления:

— Как? И ты тоже? Выходит, во временном коридоре только мы с тобой?

— Поправочка: ты, я, Эсфирь, чокнутый колдун и Теневой сенешаль. Да-да, сенешалья мы не исключаем, — заметив мое недоумение, добавил он. — Поскольку сенешаль призрак, на всякие там коридоры ему наплевать. Он материализуется, где ему взбредет в голову. Другое дело, что вне нормального времени мало кем можно управлять. Поэтому коридоры его не особо интересуют, и мы с тобой в относительной безопасности.

Налетел колкий, порывистый ветер. Заколыхались в обступившей нас темноте голые ветки деревьев. Арчи с отеческой заботой накинул на мои плечи какую-то старую теткинину шаль. Кстати, о тетке...

— Она больше не появлялась? — спросила я.

Арчи отрицательно помотал головой и усмехнулся.

— Манипулирует мною на расстоянии. С помощью писем. У меня уже две связки собралось.

— А ты уверен, что она действительно твоя тетка? — ни с того ни с сего лягнула я.

— Хм, — задумался тот. — А ведь и правда. Я же ничего не помню о своих родственниках... Но тетушка твердо убеждена в том, что я ее племянник. Попробуй-ка ее переубеди. С другой стороны, меня греет мысль, что в Мериламии у меня живет родственница. Пускай всё остается как есть. Да. Так спокойнее.

Спокойнее? А знает ли он об обратной стороне бездеятельного спокойствия? Сначала мы не хотим проблем, и потому предпочитаем не копаться в своей родословной. Подумаешь,

тетка-узурпаторша! Пусть себе сидит на шее. Только проблемы рано или поздно всё равно возникнут, и тогда придется пожалеть, что вовремя не спохватился. Я была за то, чтобы разоблачать мнимых родственников прежде, чем они оберут тебя до последней нитки.

— Ты домой? — спросил Арчи, когда мы добрались до Вековечного Клёна. — Давай, лучше ко мне.

— Это ты, давай, ко мне, — буркнула я. — Обдумаем план действий.

Под Клёном было как всегда — сухо, тепло и светло. Ни малейшего признака того, что кругом лютует мохнатая, заспанная зима. За окнами нашей тонкой деревянной стены стояла густая, чернильная ночь. На Вековечный Клён со всех сторон наваливалась тягучая, как мёд, тишина. Пуаро беспробудно спал, положив голову на лапы и двигая острыми ушками. Казалось, он стережет дом даже во сне.

— Хорошо здесь у вас, — вздохнул Арчи и снял шубу. Заодно сбросил и сапоги. — Лучше, чем у меня. Вам камин не нужен.

Он уселся на траву, между корнями и вопросительно взглянул на меня.

— Ну, что? Что ты намерена делать дальше?

— Надо вывести Фарида из строя, — сухо сказала я. — Есть у тебя дубинка?

— Какие радикальные меры!

— А ты что предлагаешь? — зыркнула я на него.

— Дубинкой, конечно, стукнуть по голове можно, — протянул Арчи. — Но ведь не факт, что в данную минуту Фарид спит. Если он бодр и свеж, он тебя заметит, как быстро бы ты ни двигалась. В коридоре время сжимается, и, пока ты носишься туда-сюда со скоростью стрижа, остальные ползают, как улитки. Но улитка может заметить стрижа, если будет внимательной.

— Но он все равно не сможет меня остановить, — мрачно усмехнулась я.

— Даже если ты его отключишь на время, это ничего не изменит. Спустя несколько часов он придет в себя и начнет мстить. Кроме того, у него полно сообщников. Они так или иначе исполняют приказ главаря.

— Мстить, — повторила я. — Он в любом случае будет мстить. Я не выполнила задание. А Флорин, как выберется, донесет на меня и будет еще долго отзываться о Жюли Лакруа в самых сочных выражениях.

Арчи поерзал, устраиваясь поудобнее.

— Есть другой вариант, — предложил он. — Ты едешь в Центриус, где находится географическое общество. Так ты избежишь мести Фарида. К тому же, путешествие по стране тебе не повредит.

— Но поезда не ходят, — напомнила я. — А если со мной что-нибудь случится по дороге?

— Снарядим в путь Эсфирь. Пускай тебя сопровождает, — нашелся Арчи. — А с поездах не волнуйся. По истечении двух дней они тронутся в путь, как миленькие. Главное запастись билетами (здесь можешь рассчитывать на меня) и сесть на поезд до того, как вокзал оживёт. Не представляешь, какие там толпы. А по ночам на вокзале собираются отбросы. Днем они прячутся в подвалах, на окраинах. Но стоит тьме над городом сомкнуться, как они, уродливые, искалеченные, выбираются из убежищ и устраивают на привокзальной площади свои оргии.

— Оргии? — поморщилась я. — Почему король им позволяет?

— Это старая история. Поговаривают, что Юлий родился и рос среди нищих калек. О том, как он выбился в люди, особо не распространяются...

Внезапно Арчи подскочил, как ужаленный, и в ужасе уставился на траву у ствола, где только что сидел.

— Там! Т-там что-то шевельнулось! — указал он трясущимся пальцем.

— И вовсе не что-то, — послышался писк из-под корней. — Я Мыш, а к Мышу следует относиться с чуть большим уважением.

На траву действительно выползла мышь. Симпатичная полевка буровато-охристого цвета с черной полоской на спине. На мордочке у мыши красовались крошечные очки в изящной золотой оправе, а на передние лапки были натянуты перчатки из тончайшей белой материи. Выходит, и мыши в Мериламии аристократы?

— Что тут у вас заМЫШляется? — спросила полёвка, смешно чихнув после слова «мыш».

— Совершенно ничего! — развел руками Арчи. Судя по его тону, он чувствовал себя полнейшим идиотом. Оправдываться перед такой-то малявкой!

Я присела на корточки, чтобы лучше разглядеть нашего незваного гостя (или гостью?).

— А почему вы не спите? — поинтересовалась я. — Во временном коридоре все должны спать. Ну, или, по крайней мере, застыть.

Мышь оценивающе посмотрела на меня сквозь линзы.

— Зимой мне не спится. Я бегаю под землей, а там кроМЫШная, — она снова чихнула, — тьма. Поэтому иногда я вылезаю на свет. И неважно, где этот свет — в вашем коридоре или нет.

— Она тоже коридоронезависимая, — шепнул мне Арчи. — Как Теневой сенешаль. Может, это призрачная мышь?

Зверёк важно поправил очки передней лапкой в перчатке.

— Шепчетесь... — с укоризной пропищал он. — При мне всегда шепчутся, уМЫШленно не замечают. А ведь я могу принести много пользы. Любую информацию из-под земли достану. Меня в своё время выМЫШтровали.

— Прошу, не сердись. Если хочешь, оставайся под Клёном. Здесь всего вдоволь, — как можно учтивей сказала я. В конце концов, не каждый день встречаешь говорящую, ученую полёвку.

— А виноград КЫШ-МЫШ у вас есть? — обрадовалась полёвка. — Знаете, зимой его не достать.

— Винограда нет, — призналась я. — Зато регулярно поспекает земляника.

Итак, с этого дня (хотя, лучше сказать, с этой ночи) к моему веселому зверинцу добавилась еще и мышь. Я была уверена, что, как только Пуаро проснется, он немедленно на нее ополчится и введет военное положение.

— А вы как к собакам относитесь? — опасливо спросила я у полёвки.

— К собакам? — переспросила та, и внезапно на ее месте возник пушистый черно-рыжий колли. Он почесался и пару раз звонко гавкнул. — Я совсем не против собак. Они такие дружелюбные! — сказал колли.

— Она... Она что, и в самом деле призрак?! — хриплым фальцетом произнес Арчи и отшатнулся к стене. Там он принялся торопливо натягивать на себя сапоги. Надо же, как бывает! К Теневым сенешальям он привык, а призрачных мышей боится. Нашел, кого бояться.

— Тогда в каких вы отношениях с лисами? — поинтересовалась я. Ситуация начинала меня забавлять.

Колли тотчас обратился ободренным лисом, который, судя по выражению морды, был настроен далеко не миролюбиво. Кажется, его доконали снегопады, блохи и охотники. Он уж точно не шел ни в какое сравнение с нашим носатым приятелем из леса Снов.

— Лисы хитрые, — (ну, тут ничего нового мышь не сообщила), — Лисы коварные. Им бы только шастать по дворам да хватать кур. Хозяйка, у которой я жила раньше, говорила, что из лисьей шкуры получился бы отличный спальный МЫШок.

Я посмотрела на Арчи. Тот стоял, скрестив руки, и напряженно улыбался уголком рта.

— Придется вам дать лису отставку, — сыронизировал он. — Мышь полезнее будет. Раз она может превращаться в кого угодно, тебе нечего бояться Фарида. Попроси ее превратиться в тебя.

— А если он ее убьет?

— Глупая. Призрак невозможно убить.

— Эй! А меня, вообще, кто-нибудь слушает? — пропищала мышь, снова став самой собой.

— Только учти: характер у призраков не сахар, — как ни в чем не бывало, продолжал Арчи. — Тебе придется задабривать мышку всякими подарками, едой. Той же земляникой. Хотя странно. Обычно призраки предпочитают призрачную пищу.

— Эй! Что вы там навоображали?! — нетерпеливо пискнула полёвка. — Я не призрак! Я МЫШ! Если не будете меня замечать, я что-нибудь отгрызу. Например, пуговицу от платья. Или... Или...

Пока она решала, что бы еще такого ценного отгрызть, Арчи утащил меня на улицу, в лунную ночь.

— Сочувствую тебе, — сказал он. — Твоя новая соседка просто мастер по мотанию нервов. У меня от нее разболелась голова.

— Да и я не так представляла себе плодотворные часы во временном коридоре, — призналась я.

— Тогда, может, всё-таки отправимся ко мне? Заодно и на Флорина поглядишь. Интересно, как он там поживает...

Уговаривать меня не пришлось. Когда в доме заводится болтливая и вечно недовольная мышь, ничего хорошего это, как правило, не предвещает.

Я шагала рядом с Арчи, а вокруг расстилалось сверкающее под луной зимнее покрывало. Сугробы были глубокие, тропинок почти не наблюдалось, и я постоянно проваливалась в снег. Арчи услужливо меня вытаскивал. На него нахлынула поэтическая волна, и он то и дело выдавал рифмы в адрес зим, ночей и звезд. На протяжении всего нашего пути от Клена до особняка нам не встретилось ни одной живой души. Мы шагали в колдовской тишине, и казалось, что тишина эта отлита из прозрачного горного хрусталя.

Как Арчи и говорил, Флорин содержался у него под замком. Поднявшись по заледенелым ступенькам и нырнув в застоявшийся мрак особняка, мы первым делом направились к чулану. За дверцей чулана что-то медленно и настойчиво скреблось, и когда Арчи со свечой в руке дверцу распахнул, то обнаружилось, что застывший в согбенной позе Флорин ковыряется в замке шпилькой для волос. Меня предупреждали, что во временном

коридоре время растягивается, но слова остались бы только словами, если бы я не убедилась в данном факте воочию. Флорина словно разбил паралич. Все его движения были невероятно медленными. Медленно опускались и поднимались веки, медленно вращалась в замке шпилька, невообразимо медленно шевелились запекшиеся губы. В общем, я была впечатлена.

— А ведь он почти справился. Еще чуть-чуть — и замок бы поддался, — с издевкой заметил Арчи. — Пока здесь жила моя тетка, ее шпильки и булавки расползлись по дому, как тараканы. Проникли даже в чулан! Ну, ничего. Мы запрем нашего лазутчика получше, — сказал он и водрузил замершего Флорина себе на спину.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

Глаза предательски слипались, и я рисковала проспать все сорок восемь часов драгоценного времени, поэтому надо было что-нибудь предпринять. Пока Арчи возился с Флорином, я отправилась на кухню и провела ревизию полок. На одной из них нашелся пакетик с молотым кофе.

Арчи появился в дверях кухни, когда закипел кофе, и показным жестом отряхнул руки.

— Готово! — объявил он. — Теперь не скоро выберется.

— Долго же ты. Неужели обмотал его веревкой с ног до головы?

Вместо ответа Арчи лишь неопределенно качнул головой.

— О! А что тут у нас? Я тоже хочу взбодриться! — сказал он и схватил с плиты горячую кофеварку.

Мы пили горький кофе до самого рассвета. Вернее, я ждала рассвета, но он так и не наступил. Ночь обещала растянуться на два длинных, нескончаемых дня. Арчи шутил и дул на обожженную руку, время от времени опуская ее в миску со льдом. Я рассеянно слушала, подперев голову тыльной стороной кисти.

— Не знаю, как тебе, — сказала я, наконец, — но мне в коридоре Рифата совсем неуютно.

— Неуютно? — сощурился Арчи. — А ты вспомни, что ты натворила. Вспомни с Фариде и его прислужнике, который хранится у меня на чердаке! — (Ага, теперь он перетащил Флорина на чердак!) — Вспомни, и тебе сразу полегчает. Где, как не во временном коридоре, скрываться от бандитов!

— Провести в скуке и вялости два дня выше моих сил, — сказала я. — Слишком высокая плата за безопасность.

— А кто мешает развяться? — вздернул брови Арчи. — Наши возможности обширны, как никогда. Можем пойти и поиграть в гольф на королевских полях. Можем, между прочим, и к Фариду наведаться. Заодно глянем, за какими делишками застала его ночь.

— Я хочу узнать, как живут братья Мадэн, — неожиданно ляпнула я.

— Хм, интересуешься изобретателями? С чего бы это?

Пришлось рассказать обо всем без утайки. На этот раз подслушивать нас было некому, и можно было не опасаться, что Ранэль тоже захочет мне отомстить. Ведь я вот-вот собиралась его рассекретить.

— Помнишь ночь, когда мы сидели в трактире и видели Теневого сенешаля? — начала я. — С ним разговаривал не кто иной, как Ранэль Мадэн.

— Так я и знал! Риваль на такое никогда бы пошел. Он слишком поглощен своими идеями, чтобы смотреть по сторонам. Уверен, Риваль даже не заметил, во что ввязался его

братец!

— Ранэль — агент катастроф, — сказала я. — Он устраивает беспорядки под заказ. На этот раз беспорядок заказал Фарид. Он, по словам Макинтоша, нацелился на трон Юлия. Мне Фарид поручил выкрасть у тебя перечень дворцовых мероприятий. Значит, на одном из приемов определенно что-то произойдет. Эсфирь сказала, на Юлия уже совершались покушения. Стало быть, следующего не избежать, если мы сейчас ничего не предпримем.

— О-о-ох! — схватился за голову Арчи. — Как всё запутано! Почему на свете существуют злодеи, которым вечно подавай чужие короны и капиталы?! С ними сплошная морока! И никакой, даже самый крепкий, кофе от них не спасет.

В расстройстве он отодвинул чашку и, зачерпнув горсть льда, приложил ко лбу. Лед посыпался на пол и Арчи за воротник.

— Тебе нехорошо? — спросила я.

— Жюли, скажи, почему с новичками в Мериламиин столько проблем? — простонал тот. — Не знаю, кем вы с Пуаро себя возомнили, но кончайте уже разнохивать. Не то напоретесь на новую неприятность.

— Но агента катастроф не я создавала. И Фариду тоже. Они рано или поздно добились бы своей цели. А ты просто боишься ответственности! — выпалила я. — Тебе становится плохо при мысли, что ты знаешь о нависшей над королем опасности и сидишь сложа руки. Такое мало кому по душе.

Арчи печально пожал плечами.

— Что ж, есть те, кто проблемы создает, и те, кто от проблем убегает. Так было и так будет всегда.

Неизвестно, сколько бы мы еще философствовали, если бы Арчи вдруг не схватил меня за локоть и не потащил к выходу.

— Ты права. Пока Юлию угрожает опасность, бездействовать я не могу. Давай прогуляемся. Заодно достанем билеты на поезд.

Он на ходу завязал шарф, вдел руки в шерстяное пальто и нацепил цилиндр. Своё пальтишко я еле успела сдернуть с вешалки.

— У меня созрело кое-какое решение, — не оборачиваясь, сказал Арчи. — Из Центриуса, как достанете чертежи воздухолета, поезжайте с Эсфирью в город Портовый. Потом переплывете Суолийское море, чтобы попасть к морю Истры. В городе Пышнолистом предупредите Юлия о грозящей ему опасности. И уж он обязательно что-нибудь придумает. А я тем временем оповещу Лео и других приближенных короля. Они должны быть начеку.

— А сейчас куда?

— Куда-куда?! — бросил Арчи через плечо. — К братьям Мадэн, конечно! Любой ваш каприз!

Глава 11. В краю упавших самолетов

— Полагаю, здесь замешано не только любопытство, — говорил Арчи, быстро шагая по скрипучему снегу. Он крепко держал меня за запястье, и мне приходилось бежать следом, словно я была какой-нибудь собачонкой. Хотя нет. В Мериламии собаки ведь с людьми наравне. — Ранэль тебе нравится! — заключил Арчи и резко обернулся. — Что ты в нем, интересно, нашла?

Я фыркнула точно так же, как фыркает Пуаро.

— Ничего подобного. Ни капельки он мне не нравится.

Тут я несколько покривила душой, потому что Ранэль напоминал мне благородного грабителя Арсена Люпена из книг Мориса Леблана. А во Франции я этими книгами зачитывалась до умопомрачения. В любом случае, если Арчи вспылал ревностью, с его стороны было неразумно выплескивать эмоции здесь и сейчас.

— Если бы он мне нравился, я отправилась бы к нему без тебя, — как можно убедительней добавила я. Аргумент сработал. Арчи перестал пялиться на меня, как полицейский инспектор, и ослабил хватку.

— Смотри, — предупреждая произнес он. — Только попробуй... — И оборвав фразу, зашагал дальше. Я поспешила за ним.

На улицах моргали фонари. Было пустынно. Мы заметили лишь какого-то пьянчугу, который застрял в дверях кабака. В спину его усердно толкал громила-охранник. Толкал — да не вытолкал, посмеялась я про себя. Издалека эти двое напоминали гротескную фигуру, слепленную из глины или воска. Забавные вещи встречаются во временных коридорах. Рифат у себя в крепости уж наверняка такого не видел.

— Послушай, — сказала я, чтобы хоть как-то заполнить повисшую между нами паузу. — Если время по ночам замедляется, значит ли это, что в коридор может запрыгнуть любой?

— Не любой, — выдохнув облачко пара, ответил Арчи. — Нужен призыв спятившего чародея. Эсфирь упросила его включить меня в состав «коридорных скитальцев». Хотя ты знаешь, как мне неприятно иметь с ним дело. Этот подлец украл сердце моей бедной Эсфири.

— Значит, она его любит? Так я и думала.

— Мне горько осознавать, что Эсфирь связалась именно с ним. Он ее недостоин.

— Ты имеешь право так говорить. Ведь ты столько времени ее опекал, — сказала я.

Арчи бросил на меня косой взгляд, и в этом взгляде ясно читалось неудовольствие. Мол, кто ты такая, чтобы придумывать для меня оправдания? Потом он резко остановился и вытянул вперед руку.

— Вот он, оплот братьев Мадэн, — патетически изрек он. — Их дом узнаешь из тысячи.

Дом для города Вечнозеленого, и правда, был уникальным. На изогнутой черепичной крыше блестели в свете фонарей шарообразные стеклянные башенки со шпилями. Сразу видно, стеклодувы постарались. Наверное, при свете дня эти башенки переливаются всеми цветами радуги.

Сам дом был широкий и одноэтажный. Только посередине, там, где у других домов обычно дымоход, одиноко стояла смотровая вышка.

Арчи сделал пригласительный жест.

— Ну, что? Вперед?

Я почувствовала себя, как последняя воровка и оборванка, на которую вот-вот натравят собак. Мысль, что при нашем вторжении никто в доме даже не шелохнется, не укладывалась в голову.

Входная дверь подчинилась не сразу. Долго упрячилась. Арчи пришлось проявить всю свою изобретательность, чтобы вскрыть замок с помощью одной из многочисленных тетушкиных шпилек. (Да-да, то самое предосудительное занятие, за которым мы застукали Флорина!). Потом нам навстречу распахнулась пахнущая лавандой темнота. Сперва мы проникли в кухню, которая, как и в особняке Арчи, располагалась к выходу ближе всего. Когда в окно заглянула луна, в ее свете я сумела различить нагромождения бесчисленных изобретений, занимавших добрую половину кухни. Большинство было составлено из лакированных узких дощечек, металлических креплений и длинных деревянных палок. Об одну такую палку я чуть было не споткнулась.

— Осторожно! — зашипел на меня Арчи.

— А что это за штуковина?

— Дальномер. Измеряет время прохождения сигнала до объекта.

— А это что? — Я подняла с пола похожую на брелок вещицу. Подвешенная к кольцу птичья клетка размером с наперсток. Снизу, на дне клетки, ощущалась какая-то выпуклость. Ну да, кнопка! Нажать на нее, что ли? Хотя Пуаро всегда был против того, чтобы нажимать на чужие кнопки. И я решила воздержаться.

— Понятия не имею, — нахохлился Арчи. — Спроси у своего неотразимого Ранэля.

Ну, вот! Опять начинается!

— Я не говорила, что он неотразим, — пробурчала я.

— Зато я его собственными глазами видел. Он действительно хорош собой, — ревниво заметил Арчи. — Что мы вообще здесь забыли?! Ты пришла просто посмотреть? — взъелся он на меня. В темноте я не видела его лица, однако всем телом ощутила его гнев.

— Зачем злиться? Что плохого, если я немножко посмотрю?

Внезапно он прижал меня к стене. Мы произвели ужасный грохот — гора изобретений братьев Мадэн перестала быть горой. Она со звяканьем и скрежетом расползлась по кухне.

— Если ты... Если тебе так нравится Ранэль, я пропал. Нет, я, правда, пропал, — зашептал Арчи, дыша мне в лицо. — Эсфирь уже потеряна. У меня осталась только ты. Не покидай меня! Делай всё, что угодно. Выполняй поручения Фариды, выведывай, расследуй. Только не влюбляйся в этих низких, подлых людишек!

— О! Что я слышу! Арчи Стайл заговорил начистоту! — воскликнула я. Сейчас спящих братьев было не разбудить, даже если бы сверху на город упал самолет. Поэтому ни за расползшуюся гору, ни за собственные возгласы я не волновалась. — Ты боишься, что от тебя отвернутся, что ты сделаешься изгоем, как Рифат! Вот почему ты так не любишь, когда его имя произносят вслух!

— Вовсе не этого я боюсь, глупая! — со страстью прошептал тот. — Ты мне нравишься, понятно? Я от тебя без ума.

Пришлось приложить немало усилий, чтобы отстранить его от себя.

— Без ума. Значит, сумасшедший. А с сумасшедшими, — сказала я, — следует быть настороже. Никогда не знаешь, что они выкинут в следующий момент.

Да, с моей стороны ответить так было жестоко. Но что поделаешь, если не лежит душа? Я только сейчас поняла, что ни с кем, совершенно ни с кем в этой стране связываться не

хочу. Скорее бы домой...

Остаток ночи во временном коридоре я провела под Клёном, слушая болтовню очкастой мыши. Эта болтовня прерывалась только тогда, когда мышь, проголодавшись, бежала к очередному кустику земляники. Я подумала, что, если так пойдет и дальше, от даров Вековечного Клёна не останется и следа.

Потом Арчи принес билеты. Сказать, что он был подавлен, было бы преуменьшением. Он был не просто подавлен. На него больно было смотреть.

— Я бы поехал с вами, но у меня завтра гольф на королевских полях с Лео и Ануаром, — с вымученной улыбочкой оправдался он. — Эсфирь готова. Она уже ждет на вокзале. Провожать не буду. Ужасно не люблю прощаться.

Я запрыгнула в вагон, когда до конца временного коридора оставалось секунды две. Бежать между застывшими фигурами в лохмотьях (которые, по словам Арчи, обыкновенно устраивали на ночном вокзале свои отвратительные сборища) было страшновато. Но когда в поезде я натолкнулась на Эсфирь, страх мгновенно улетучился. Она создавала впечатление надежного человека.

До отправления оставалось каких-то пять минут, когда в купе заглянул кондуктор и попросил предъявить билеты. Потом в стаканах на железных подставках принесли пересахаренный чай.

— Слышала, ты убегаешь от неприятностей, — своим глубоким голосом сказала Эсфирь. Я даже немножко обиделась. Что значит, убегаю? Неужели я похожа на трусиху?

— Фарид, не так ли? — продолжила допрос та. — Он только с виду безобидный. Уж я-то знаю.

Хорошо бы она не просто знала. Хорошо бы Рифат изобрел что-нибудь наподобие камер наблюдения или подслушивающих жучков. Цены бы такому изобретению не было. Я поделилась этой мыслью с Эсфирью.

— Рифат так поглощен идеей избавить людей от язв, что все прочие идеи просто меркнут в его уме, — вздохнула та. — Если нужны жучки, лучше обратиться к братьям Мадэн.

«Только к одному из них, — подумала я. — Да и то рискованно, ведь второй может запросто узнать о наших миротворческих планах».

Я прислонилась лбом к холодному окну, за которым под аккомпанемент колесного стука шло живое кино. То промелькнет в предрассветной мгле гордая заснеженная ель, то проскочат вереницей бледные холмы, поросшие, точно редкими волосинами, коричневыми стеблями трав, то расстелется по обе стороны от путей заледеневшая озерная гладь.

«А есть ли смысл в том, чтобы убежать? — задаюсь вопросом я. — Зачем скрываться, если рано или поздно судьба всё равно тебя настигнет?»

И тут же следующая, бодрящая мысль: я еду в географическое общество, а затем — предупредить Юлия. Никакой позорной капитуляции. Пуаро будет следить за врагом во вражеском стане, в то время как я займусь укреплением внешних позиций. Мы установим в стране порядок. О да! Мы покажем этим негодьям, где лисы зимуют!

Поезд мчался по рельсам в неизвестность, усыпляюще бормоча и лишь изредка вздрагивая протяжным гудком. А напротив меня сидела Эсфирь, облаченная, несмотря на холода, всё в то же яркое сари. Окутанная ароматами гвоздики и жасмина, с серьезным

взглядом и строгими чертами лица. Я сразу, еще при первой встрече, поняла: перед нею нельзя ни лгать, ни осуждать людей, ни насмехаться над чужими недостатками. То невычурное благородство, с которым она говорила, двигалась или даже просто пила чай, заставляло меня усмирять свой нрав и замолкать, когда хотелось пожаловаться на жизнь или назвать кого-нибудь глупцом. Эсфири была присуща некоторая резкость, но ее высказывания почти всегда оказывались верными. Она легко могла распознать, что перед нею за человек. Достаточно было лишь раз на него взглянуть.

От размышлений меня отвлек визг несмазанной раздвижной дверцы. На сей раз в купе появился не кондуктор, а какая-то ветхая, антикварная старушка. На ее седых волосах сидел вязаный чепец, с морщинистого лица доброжелательно смотрели маленькие темные глаза.

— Разрешите присоединиться, — воркующим голосом попросила она. Эсфирь смерила ее изучающим взглядом и подобрала подол сари.

— Куда путь держите? В Центриус? — осведомилась старушка. — Говорят, сейчас у тамошних рыболовов знатный улов. Но Суолийское море бороздят странные суда с заграничными флагами. Дымят, коптят наше чистое небо, а к берегу не подходят.

Старушка подперла голову жилистой рукой и уставилась на меня.

— Вы это к чему ведете? — опасливо спросила я.

— Будьте осторожны, — предупредила старушка. — Не ходите по безлюдным кварталам. И с торговками много не болтайте. Особенно о короле.

Король?! Я прямо-таки подскочила. А как она сама-то узнала?

Старушка заговорщически улыбнулась и проковыляла к раздвижной двери.

— Ни слова, — добавила она, уходя. И — то ли мне показалось, то ли взаправду — хитро подмигнула.

Эсфирь всё это время сидела безучастно, сложив руки на груди и опустив подбородок. Когда старушка удалилась, исподлобья взглянула на меня.

— На ближайшей станции сойдем, — сказала она.

Ближайшая станция располагалась в городке Листопадном, сквозь который, как нитка сквозь бусину, проходила стремительная река Пимерида. Сейчас в Листопадном никакого листопада, разумеется, не было. Он походил на сказочный городок, где вполне мог бы обитать Санта-Клаус вместе со своими помощниками-эльфами. Улицы застилало серебро снежного покрова, замерзшие фонтаны блестели в лучах скупого солнца. Тишина и покой. Одним словом, мечта.

Я заметила обмотанные разноцветными шарфами деревья, покрытые орнаментами фонарные столбы и протянутые от одного дерева к другому нити с детскими вязаными носочками, звездочками да варежками. Эсфирь шагала уверенно, в сандалиях на босу ногу, и, судя по всему, не мерзла. Зато при взгляде на нее я мерзла за нас обеих.

— Ты бы хоть шарф повязала, — не выдержала я. — Вон сколько их на деревьях!

Эсфирь только рукой махнула, мол, нечего пороть ерунду.

Я послушно шагала за ней, минуя переулки с таинственными, точно игрушечными магазинчиками и длинные здания с зеркальными витринами, где, за стеклом, стояли разряженные манекены.

Наконец очутились на крыльце какого-то неприметного заведения с неброской вывеской «Травы, эликсиры, порошки». Если б там еще и метлы для ведьм продавались, я бы

ни капельки не удивилась.

— Что мы забыли в этой лавке?

Эсфирь не ответила — хлопнула дверью перед самым моим носом. Остаться на холоде не хотелось, пришлось тоже войти внутрь. Внутри пахло шалфеем, корицей и мятой. В причудливо изогнутых стеклянных трубках и колбах перегонного аппарата у стены бурлила какая-то коричневая жидкость. Пока я рассматривала аппарат, Эсфирь о чем-то тихо переговаривалась с продавщицей. Я услышала только: «Весьма редкие в наше время» и «Пять капель на одно превращение». Что ж, выходит, наша Эсфирь не так уж и благородна, раз обращается за помощью к разным знахаркам да ведуньям.

У выхода она вынуждена была задержаться, потому как я преградила ей дорогу.

— Что еще за превращение? Ты что, эту гадость пить собралась?! — шепотом спросила я, трясущимся перстом указав на склянки у нее в руках. В одной склянке плескалась малиновая жидкость, а в другой — ядовито-оранжевая. Действительно, кто знает? Вдруг продавщица всучила ей яды?

— Конечно, собралась. Выпью и тебя заставлю, — невозмутимо ответила Эсфирь и едва слышно добавила: — Не пойдем же мы к королю без маскировки! И нарядов надо будет прикупить. Арчи распорядился на твой счет — тебе полагается платье из золотой парчи, никак не менее тысячи невиев. Он и денег мне выдал.

Ничего себе наглость! Да как он посмел! От возмущения я даже остолбенела.

— Эй! — Эсфирь потрясла меня за плечо. — Давай-ка поторопимся, пока поезд не ушел. На остановку отведено всего-то полчаса.

Вернувшись в купе, я первым делом поподробнее расспросила Эсфирь о склянках. Оказалось, купленные в лавке снадобья могут кого угодно изменить до неузнаваемости. Во флаконе с малиновой жидкостью хранился образ пухлой краснощекой крестьянки ростом на пару дюймов ниже меня, с прямыми русыми волосами до талии и массивными мозолистыми ногами. А ядовито-оранжевая настойка в буквальном смысле позволяла почувствовать, каково это быть хрупкой красавицей с атласной кожей и слабыми лодыжками. Мой выбор был очевиден. Я настояла на том, чтобы превратиться в хрупкую красавицу.

— Хорошо, хорошо, — успокоила меня Эсфирь. — Но до королевской резиденции еще далеко, а настойка действует всего пару часов. В географическое общество мы отправимся в своем нормальном виде.

Однако прежде чем поезд докатил до города Центриуса, где находилось географическое общество, произошла непредвиденная остановка. Едва мы миновали скалистые Анданские горы, поезд резко затормозил — так резко, что из-под колес посыпались искры. Меня по инерции бросило вперед, прямо на Эсфирь. А если учесть, что до падения я мирно попивала сладкий чай, одежде моей попутчицы пришлось несладко.

— И кто теперь будет отстирывать пятно? — с укоризной сказала Эсфирь. — Я...

Наверное, она хотела добавить, что в свое время за это сари заломили бешеную цену. Да только у нас обеих, точно по приказу, отнялся дар речи. В стекло купе упирался сизый винт самолета.

В соседних купе начался переполох, люди забегали по узкому коридорчику, поезд не двигался с места. Мы что, приехали на аэродром? Но как такое возможно?

Я осторожно прислонилась к окну, чтобы посмотреть, что же там, за этим винтом.

Оказалось — другие самолеты, множество старых и новых моделей. Начиная от бипланов, которые изобрели еще братья Райт, и заканчивая огромными пассажирскими авиалайнерами.

Я решила проверить обстановку «за бортом» и, преодолев поток толкающихся пассажиров, выбралась наружу.

— Подожди! — крикнула Эсфирь. Она бежала следом, путаясь в сари. Ее то и дело оттесняли к стене. — Без меня не уходи!

Да я и не собиралась. Зато вот Эсфирь, похоже, намерилась обойти всю взлетную полосу. Она выглядела взволнованной.

Самолеты были разбросаны по аэродрому как попало. Некоторые громоздились друг на дружке, чудом не падая. Иные вообще висели в воздухе, и непонятно было, что их держит. Винты не работали, шасси были выпущены, в воздухе витал дух таинственности, а по земле расплзалась немая тоска.

В кабине одного из самолетов чах странный сероватый человек с безразличным, блуждающим взглядом и холодной полуулыбкой. Эсфирь тоже его заметила.

— Даниэль! — воскликнула она в слезах. — Даниэль! Это ты?

Человек не отозвался, он даже не повернулся в нашу сторону, хотя окно кабины было открыто.

— Я думала, ты погиб при крушении! — крикнула ему Эсфирь. — Пожалуйста, слезай оттуда и поговори со мной! Иначе я сама к тебе приду, слышишь?

Похоже, на сей раз Даниэль услышал. Он качнул головой и, не размыкая губ, словно чревовещатель, произнес убитым, глухим голосом:

— В краю упавших самолетов к мертвецам следует обращаться учтивее.

Ага, ясно. Мертвец, значит. То-то я подумала, больно уж он серый. И вообще, где-то я раньше подобное видела. Наверное, еще в прошлой жизни, до того как попала в Мериламию. В каком-то фильме, кажется. Но что в одном мире смелая фантазия, то в другом — жестокая действительность.

Я тронула Эсфирь за руку:

— Пойдем-ка лучше назад.

— Ты иди, а я останусь, — решительно сказала Эсфирь. — Будь он хоть покойником, хоть упырем, я хочу с ним побеседовать.

Ну вот, только вампиров нам не хватало. В этом несчастном краю упавших самолетов жители были все как на подбор — худые, сутулые и мертвецки-бледные. У любого режиссера ужастиков от такого зрелища слюнки бы потекли.

А у меня подогнулись колени, когда какой-то любопытный покойник выбрался из своего самолета на живых людей посмотреть. За ним подтянулась еще пара-тройка мутных бездыханных типов. Это оказалось не так романтично, как я себе представляла. И вообще, не пора ли делать ноги?

— Эсфирь, — окликнула я. — Поезд вот-вот тронется! Я скоро тоже тронусь! Ты хочешь застрять здесь и превратиться в зомби?!

— Но мой муж... — проговорила она.

— Нет у тебя никакого мужа и точка! — закричала я и схватила ее за руку. Чуть ли не волоком до поезда тащила. Когда мы поднялись по железным ступенькам в вагон, пронзительно зазвучал свисток, и из паровозной трубы повалил дым.

Глава 12. Географическое общество

До Центриуса ехали молча. Да и о чем тут говорить, когда у каждого свои думы? Эсфирь наверняка жалела, что не смогла наглядеться на своего покойного мужа. Я размышляла над тем, как бы так намекнуть исследователям в географическом обществе, что «край зомби и их самолетов» следует обнести высоким частоколом. Несколько раз к нам заглядывала антикварная старушка — и неизменно заставляла картину скучающих аристократок.

— До станции десять минут, — заглянув в последний раз, сообщила она.

Подходя к вокзалу, поезд прямо-таки заливался свистками и гудками, точно радуясь, что вот она, долгожданная пристань и сейчас наконец-то удастся отдохнуть.

Вокзал — отдельная история. Нам пришлось пробираться сквозь бесчисленные толпы, обходить стороной бомжеватого вида субъектов и надрывно вопящих горбатых старух, которые выпрашивали милостыню. Спешка и суета. Спешка и суета. Терпеть не могу суету.

Пока ждали экипаж, чтобы доехать до гостиницы, заметила у подворотни трех беспризорных котят. Они лакали из миски, оставленной каким-то сердобольным прохожим. Совсем как у меня на родине. Где бы ты ни находился, в какой бы неведомый край ни забрел, везде обязательно найдутся кошки и люди, которые их любят.

В гостинице, которых на весь Центриус было с десятков, оказался весьма услужливый персонал. Метрдотель лично проводил нас в номер, расшаркался, словно у нас денег завались, и уведомил, что в два часа подают обед. Эсфирь поспешила в ванную, где были приготовлены бочки с горячей водой, — отмыться от вокзальных «благоуханий». А я села штопать драные чулки и драный подол платья. Как в таком виде явиться в географическое общество?

Когда Эсфирь, распаренная, вышла из ванной, я мучилась со своими непослушными волосами перед зеркалом.

— Помочь? — поинтересовалась она. Вишь, какая добрая стала! Чистенькие мы все добрые.

— Да уж как-нибудь сама справлюсь, — с зажатыми в зубах шпильками ответила я.

В Центриусе было гораздо оживленней, нежели в городе Вечнозеленом. И улиц только на пути к географическому обществу насчиталось не меньше дюжины. Парадная дверь в общество пряталась за густым рядом молочно-белых рифленых колонн, на которых держался фронтон с лепными украшениями. Внутри пахло канцелярией — сырой древесиной, пыльными бумагами и ужасно стойким одеколоном усатых чиновников, которые шествовали по коридору, жуя незажженные папиросы, и знай раскланивались друг перед другом.

— Извините, где я могу проконсультроваться насчет летательных аппаратов? — спросила я у одного. Тот отчего-то принял стойку смиренно, запихнул папиросу в карман и зычным голосом отрапортовал:

— Второй этаж, по коридору направо, третий кабинет с конца!

Он чуть не добавил «Шагом марш!», но вовремя спохватился.

— Мне нужно построить воздушный шар. К кому здесь можно обратиться? — полюбопытствовала я, просунув голову в дверь третьего кабинета с конца коридора. Надо сказать, работа в этом кабинете просто кипела. При моем появлении пять голов одновременно поднялись, пять пар близоруких глазок недоброжелательно зыркнули на меня, и лишь один рот, разделяя слова, возмущенно произнес:

— Нам тоже много чего нужно. Идите в коридор и ждите. Вас позовут.

Я просидела под дверью два часа, а может быть, и три. Никто и не думал меня приглашать. Эсфирь снова играла в молчанку, так что пришлось развлекаться самой. Когда спустя часа четыре меня наконец-то позвали, я старательно разрисовывала кусок бумажки волнами и треугольничками.

— Пройдите-ка во-он к тому столу.

Мне указали на сморщенного, как сухой гриб, старичка с окладистой белой бородой и бегающими глазками.

— Что вас интересует? — немощно проблеял старичок.

— Есть у вас чертежи воздушных шаров? — спросила я.

Старичок поморщился, хотя морщиться, казалось, было уже некуда.

— Дама — и вдруг воздушными шарами интересуется! Не дамское это дело.

Эх, будь здесь Пуаро, он бы непременно его укусил. Мне тоже вдруг захотелось укусить этого дремучего деда, чтоб знал свое место. Однако сдержалась. Надо же как-то заполнить чертежи.

— А вы знакомы с Лео Вернадски? — вспомнив, что он знаток звезд, я решила, что уж здесь о нем наверняка наслышаны.

— Лео? Неужели... — пробормотал старичок.

— Это он послал меня за чертежами, — не сморгнув и глазом, соврала я.

Старичок зашевелился и живёхонько полез под стол.

— Сейчас! Сейчас достану! — прокаркал он. — Будут вам самые свежие, самые лучшие чертежи!

Ну вот, совсем другое дело. Может, в следующий раз упомянуть о короле?

Выбравшись из-под стола, старичок выволок на свет сложенную в несколько раз увесистую пачку желтой бумаги с чертежами и пояснениями.

— Для своего любимого ученика делал, — похвалился старик. — Вы быстро разберетесь. Разжевано так, что даже дитя поймет.

Чертежи были широкие, тяжелые. Я перебросила их через плечо, как одеяло, поблагодарила и отправилась на улицу, где, под навесом, меня ждала Эсфирь. Падали крупные хлопья снега.

— Сегодня переночуем в гостинице, а завтра поутру в путь, — сказала Эсфирь.

Я шла за ней по блестящему ватному снегу и думала, что надо бы как следует упаковать чертежи. Не ожидала, что они окажутся такой объемистой ношей.

До вечера мы просидели на балконе гостиницы, укутавшись в пледы и уничтожая печенье, которое принесли к чаю. Мне мечталось о теплых краях, где люди ходят босиком по мягкой траве и где можно выбрать холм, заброшенное здание или одинокую скалу у моря, чтобы любоваться оттуда закатами, размышлять и ни о чем не беспокоиться...

Грохот и крики на улице возвестили начало дня. Но окончательно я проснулась лишь в поезде, который отправлялся к Суолийскому морю, в город Портовый.

— В Портовом купим тебе пышное платье, — пообещала Эсфирь. — Там работают лучшие швеи во всей Мериламии.

Я кивнула и уставилась в окно. Справа от путей бежала мутная порожистая речка Триглас. Серое небо не предвещало радости, и меня грела лишь мысль о покупке. С некоторых пор я полюбила длинные юбки и только того и ждала, как бы приобрести новую. А тут не юбка — целое платье!

Под конец пути мы с Эсфирью задремали. Когда я проснулась, она плакала и кричала во сне. Я потормошила ее за плечо.

— Эй! Приехали!

Эсфирь вскочила так, словно ее шандарахнуло шаровой молнией Рифата. Наверное, ей снился этот психопат.

Убедившись, что за нами не следят, мы прямо с вокзала отправились в популярный магазин платьев, где толпилась уйма разодетых дамочек всех комплекций и возрастов. Дышать там было практически нечем. А если учесть, что на каждой из дамочек сидел туго затянутый корсет, то оставалось лишь удивляться, как они до сих пор дружно не грохнулись в обморок.

— Надеюсь, мне подберут что-нибудь без корсета, — пробормотала я, когда к нам вышла пожилая продавщица в очках с тесемками. Она чем-то отдаленно напоминала сову и выглядела настороженной.

— За мной! — скомандовала она и решительным шагом направилась в примерочную.

Эсфирь настаивала на том, чтобы у платья были длинные рукава и прямой крой без излишеств. А продавщица постоянно подсовывала наряды с рюшечками и бантиками, из-за чего мы проторчали в этом душном магазине до самого обеда. Потом, перекусив в дешевой забегаловке, направились на пропитанный махоркой и рыбными запахами причал.

Я украдкой то и дело заглядывала в пакет с платьем. Оно было прямым, чего и добивалась Эсфирь, длинным и теплым. Небесно-голубого цвета, чего втайне желала я.

— Запачкаешь в два счета, — не преминула заметить Эсфирь.

— Ну и пусть запачкаю. Зато какая красота!

На пароходе меня укачало. Корабельный доктор предлагал таблетки, но на медицину Мериламии полагаться я боялась. Вдруг чего доброго отравлюсь? Просидела в каюте над тазиком, молясь, чтоб мы поскорее достигли суши.

...Крики сумасшедших чаек и глухой рокот прибоя. Наконец-то земля!

Я распахнула дверь каюты — и в лицо ударил морозный ветер. Пассажиры, измученные холодом и качкой, сходили по трапу, хватаясь за ржавые поручни.

И снова поезд, снова бесконечные дали. Умчались назад соленое озеро Артра и озеро Юд, где, по поверью, обитали кровожадные русалки с острыми зубами.

Чем ближе мы подъезжали к городу Пышнолистному, тем яснее становилось, что свое название он получил неспроста. Хотя сейчас листьев на деревьях было раз, два и обчелся,

кроны у них разрослись знатные. При желании на одном из деревьев можно было вполне соорудить себе дом.

Из поезда мы пересели в экипаж со строптивыми лошадьми и не менее строптивым извозчиком, который наматывал круги по городу, несмотря на то, что гостиница, по словам Эсфири, располагалась неподалеку от вокзала. Когда извозчик затребовал плату за проезд — а загнул он, разумеется, втридорога — Эсфирь так на него зыркнула, что он моментально сдался и без возражений принял те жалкие гроши, что причитались ему в действительности.

Я с удовольствием рассматривала себя в зеркале гостиничного номера, пока Эсфирь облачалась в свое сменное платье.

— За пятнадцать минут до выхода выпьем из флаконов с образами, — предупредила она. — По пять капель — не больше. Иначе могут возникнуть побочные эффекты.

Я напомнила, что мой образ — хрупкая красавица.

— Ага, хрупкая красавица в платье на два размера больше. Если ты вдруг похудеешь и убавишь в росте, твой наряд мы подшить не успеем, — заметила Эсфирь.

— А ты? Как бы твое платье не расползлось по швам — на пухлой-то крестьянке, — пошутила я.

— Не расползется, — усмехнулась Эсфирь.

Однако, когда за пятнадцать минут перед уходом мы выпили каждая по пять капель своего зелья, лицо у Эсфири позеленело и она согнулась от боли пополам. Зато я, как и ожидалось, уменьшилась сантиметров на десять, и мое платье теперь волочилось по полу. А внешность изменилась так, что Арчи Стайл принял бы меня за какую-нибудь мисс мира и стал бы клеиться пуще прежнего.

— Что с тобой? Что случилось? — перепугалась я. — Может, за доктором послать?

Эсфирь подняла на меня свое зеленое лицо и чужим (видимо, крестьянским) голосом произнесла:

— Не суетись. Сама справлюсь.

Судя по всему, срок годности ее зелья истек давным-давно. А коварная продавщица просто наживалась на наивности покупателей. Благо, с моим эликсиром проблем не возникло.

— Поезжай во дворец одна, — прокряхтела скрючившаяся на полу Эсфирь. — Дорогу ты знаешь. Предупреди короля и будь осторожна.

— А как же ты?

— Да уж как-нибудь, — простонала та.

Пришлось топтать во дворец пешком. Рисковать еще раз и садиться в повозку к очередному ушлому извозчику — не для нервов Жюли Лакруа.

Я шагала по скользкой мостовой, глаза слепило яркое солнце, было по-зимнему свежо и радостно. После залитой светом улицы чертоги дворца показались гнетущими, мрачными и ничего хорошего не предвещающими. Платье так и норовило за что-нибудь зацепиться. Например, за украшения блестящих лестниц. Лепнина на потолках в зимней резиденции Юлия даже не ночевала, стены были увешаны вышивками да картинами, а полы покрывал гладкий паркет.

Перед дверями в тронный зал дорогу мне преградили две увесистые пики.

— Дамочка, вы куда? — поинтересовался усатый стражник с наглой физиономией.

— К королю, — Я попыталась изобразить доброжелательность.

— Король занят, — важно отвечив второй субъект с пикой.

— Играет в бильярд! — хором пояснили оба. Выглядели они столь комично, что у меня невольно вырвался смех. Сделала вид, что подавилась.

— Пропустите, — как можно мягче попросила я. — Его величеству грозит опасность. Против него плетется заговор!

— Слышь, заговор, — сказал один стражник другому. — Да еще и куда-то плетется. Куда могут плестись заговоры?

— Уж куда бы ни плелись, а нашему королю они трын-трава!

— Он любому негодяю нос наставит! — снова хором воскликнули они.

Тут дверь в тронный зал дрогнула и распахнулась, с лязгом ударившись о доспехи левого стражника. Тот в ужасе и благоговении отскочил в сторону.

— Что за шум? — любопытно спросил Юлий. Корона у него, как и в прошлый раз, была набекрень, в руке — кий, а на плече — пятнистая теплая мантия. — Посетительница?

— Так точно, ваше величество! — вытянулся в струнку правый стражник. — Говорит, заговор какой-то плетется.

Юлий по-детски вздернул брови.

— Вот как? Тогда пусть войдет.

Затрапезная обстановка тронного зала уже не удивляла. С тех пор как я узнала, что Юлий время от времени распродает свои ценности местным транжирам, я была готова к чему угодно. И к отсутствию элементов роскоши там, где им полагалось быть. Мебель в тронном зале, включая сам трон, выглядела настолько бедно, что, казалось, я очутилась в сельской хижине. Обычный деревянный стол, обычное полукруглое окно, стены с голубой обсыпающейся краской (не иначе, по ним кошки скребли) и трон, больше напоминающий сани. На нем было удобно лежать, вытянув ноги. Вернее, было бы удобно, если бы Юлий постелил на деревянные доски что-нибудь мягкое. Король по натуре был аскет, но его аскетизм странным образом сочетался с любовью к играм богачей.

— Знаете, почему я выбрал бильярд? — спросил Юлий. — Он помогает думать. За игрой гораздо легче решаются жизненные проблемы. Пока шар катится в лузу, мысль становится прямой, как натянутая нить. Никаких помех, никаких колебаний. Понимаете?

Я кивнула.

— А мы где-нибудь раньше встречались? — Король наклонился ко мне и пытливо заглянул в глаза. Его мантия свесилась с плеча.

— Ну-у... — неуверенно протянула я. — Вообще-то мы знакомы. Только это секрет! Я здесь инкогнито, потому что за мной следят. Меня зовут Жюли Лакруа, — шепнула я ему на ухо.

— Слежка? — нахмурился Юлий.

— Эфирь считает, что здесь мы подвергаемся опасности.

Король печально улыбнулся.

— Верная Эфирь! Они с Рифатом никогда меня не бросали. Когда я только вступил на трон, они всячески меня поддерживали. А однажды Рифат даже спрятал меня во временном коридоре.

— Как? — воскликнула я. — И вы тоже? Вы тоже бывали в коридоре?

— А то как же! — рассмеялся Юлий. — Мало кто о нем знает. Но вы, я вижу,

осведомлены хорошо.

— Пришлось проторчать там два дня, чтобы меня не прикончил Фарид, — призналась я.

— Фарид? — переспросил Юлий. — Главарь бандитской шайки? Как тебя угораздило, Жюли?

— Так ведь он за власть борется и только и мечтает, как бы вас с дороги убрать!

— Я догадывался об этом. Но как далеко он зашел?

Тут настала пора рассказать о Ранэле и его грязных делишках.

— На ближайшем дворцовом мероприятии в вашей летней резиденции Агент Катастроф собирается устроить... — я замялась, — катастрофу. Его наняли, чтобы он вас убрал. В самые сжатые сроки.

— Неужели здесь замешаны даже братья Мадэн!

Казалось, Юлия новость ничуть не огорошила. Он как будто веселился. Отправив шар в лузу изящным ударом кия, он обратился ко мне с просьбой не уезжать.

— Оставайтесь здесь до весны. Поскольку вы заботитесь обо мне, я хочу позаботиться о вас. Перебирайтесь с Эсфирью во дворец, обеспечу вас всем необходимым. Мне одному, среди молчунов-слуг, — признался он, — невыразимо скучно.

* * *

— Эсфирь! — возвестила я с порога. — Мы переезжаем! Отгадай куда!

— М-м-м-м... — раздался из комнаты страдальческий стон. Как? Неужели до сих пор не прошло?!

Вбежав в номер, я застала Эсфирь всё в той же позе, только теперь уже на диване.

— Дико болит живот, — пожаловалась она. — А ведь за эликсир немало было уплачено. Попадись мне эта торговка!

Одна половина лица у Эсфири покраснела и распухла. Волосы с правой стороны порыжели и завились, а с левой были по-прежнему черными и блестящими. С телом тоже творилось явно что-то не то. Разной длины руки, разного размера ноги. Было за что убить торговку зельями.

Я забежала по комнате.

— Через час Юлий вышлет за нами карету. А ты в таком виде. Что же делать?

— К-карету? — Эсфирь подняла на меня глаза. Правый глаз — водянистый и невыразительный, зато левый словно углем вычерчен.

— Юлий просил остаться до весны в Пышнолистом. Надеюсь, ты не против?

— Мне нужно к Рифату! — крикнула Эсфирь и вновь схватилась за живот.

— Для начала мы тебя вылечим. Думаю, для королевского лекаря это будет пара пустяков.

Заселившись в гостиницу, мы даже не успели распаковать вещи, поэтому сборы не заняли много времени. Поджидая карету, я в бессилии наблюдала за мучениями Эсфири. Тогда я впервые пожалела, что не стала врачом, хотя когда-то у меня была такая возможность.

Карета доставила нас во дворец в мгновение ока, и Юлий первым же делом распорядился, чтобы Эсфирь отвели в палату.

— Пока ее лечат, осмотрись здесь, как следует, и выбери комнату по душе, —

предложил король. Как будто бы при первом визите я, как следует, не осмотрелась.

Я была готова к любым разочарованиям. Если уж тронный зал с выщербленными стенами выглядел так, словно по нему прокатилось колесо войны, то чего ожидать от комнат? И да, что там король говорил о комнатах?

Ни одной комнаты во дворце не оказалось. Зато оказалось множество просторных залов. В отличие от королевских «апартаментов», там было на что взглянуть. В первом зале, напротив широкого окна, стоял беленький чистенький телескоп. Во втором красовался — тоже белый — рояль. Третий зал уж точно облюбовала бы какая-нибудь модница — столько там было зеркал и вешалок с нарядами. А за дверью четвертого зала обнаружилась зеленая площадка для мини-гольфа с искусственной травой и целым арсеналом клюшек. Интересно, где поселится Эсфирь? И захочет ли она жить со мной в одном зале?

Эсфирь привели спустя два часа, бледную, ослабленную. Она сразу же повалилась на мою кровать.

— Полежу тут, ладно?

Я не возражала. Главное, что теперь всё в Эсфири вернулось на свои места: два угольно-черных глаза, черные волосы без намека на рыжину. И руки с ногами положенной длины.

— Не хочу уезжать, — сказала я, сев на краешек кровати. — В Вечнозеленом меня поджидает Фарид с шайкой головорезов. А Пуаро уж как-нибудь сам справится. В крайнем случае, его будет подкармливать Арчи.

— Ты слишком строга с ним, — прошелестела Эсфирь.

— С кем? С этим негодным псом?

— Нет, с Арчи. Он, может, и строит из себя пижона, да только это всё напускное. У Арчи светлая душа.

— Пойду, что ли, на рояле поиграю, — сказала я. Не нравятся мне разговоры о чужих душах, что поделать?

Сев за рояль, стала наигрывать мотивчик, запомнившийся еще с музыкальной школы.

Полное выздоровление наступило лишь через три дня, а до этих пор Эсфирь провалялась в постели и почти ничего не ела. Головная боль и частые мышечные судороги мешали ей спать. Иногда ночью у нее поднималась температура, и я вскакивала, чтобы помочь сбить жар. В общем, одно я уяснила определенно: отравиться зельем перевоплощения — это вам не прошлогодние консервы съесть.

Глава 13. Адель и рукавицы

Наши с Эсфирью прогулки по городу Пышнолистному оказались плодотворны. Мы глазели на мраморные фонтаны и местные достопримечательности, облазили музей Простого Искусства и познакомились с некоторыми интересными личностями. Самой примечательной из них была Адель.

Одним искрящимся морозным днем я заметила ее на улице — за ней грациозно двигалась процессия в виде одной-единственной кошки. Эта серая полосатая кошка и Адель были неразлучны, прямо как когда-то мы с Пуаро.

— Погляди, — шепнула мне Эсфирь. — Что она делает?

— А что такого? — удивилась я.

Адель раздавала нищим варежки. А еще шапки и шарфы.

— Бедняжка Адель. Никому-то она не нужна, — пробормотала рядом со мной интеллигентная пожилая дама, завернутая, как букет увядших роз в бумагу, в плотную шерстяную шаль. Когда я обернулась, старушка уже ковляла прочь.

«И как это Адель может быть ненужной? — подумалось мне. — Вон, сколько людей нуждается в ее заботе!»

На площади, возле солидного здания городской оперы, собралась, наверное, вся беднота. Мы с Эсфирью медленно шли за Аделью и видели, как мало-помалу тощит ее битком набитая сумка. Из сумки появлялись то рукавицы, то шапки — и перекочевывали в руки к стучащим зубами старикам и старухам. Адели в ноги кланялись пьянчуги с испитыми лицами и уличные художники, которые зимой едва сводили концы с концами. Ее дергали за пальто чумазые детишки. Кошка на них шипела и угрожающе выгибала спину дугой.

Мы наблюдали за Аделью ежедневно во время прогулок. Как-то раз, когда в ее сумке стало совсем пусто, ее поздравил какой-то старик. Морщин на его лице было так много, что, казалось, оно вот-вот рассыплется в пыль.

— Не найдется ли чего-нибудь и для меня? — прошамкал старик, дрожа от холода.

— Увы, — вздохнула Адель. — Ничего не осталось. Хотя постойте-ка...

Она повесила сумку на плечо, сняла с себя толстый красный шарф и бережно обмотала вокруг шеи старика.

— Грейтесь, дедушка, — сказала она и, подняв воротник пальто, двинулась прочь.

— Надо же, какая жертвенность, — поразила я.

— Надо же, какая жертвенность! — вместе со мной воскликнул кто-то. Этим кем-то определенно была не Эсфирь. Голос принадлежал мужчине. Обернувшись, я увидела группу франтовато одетых молодых людей. Они нагло дымили папиросами и гоготали. Типичная кучка задир.

— Что, влюбился? — Приятель толкнул локтем парня, который восклицал.

— Ничего подобного! — возмутился тот.

— Иди, давай, догоняй. Эта милашка любой графине фору даст, — издевательски проговорил сосед. — Вон какая походка! А личико-то прямо ангельское! Иди, говорю, лови момент.

Пока юноша колебался, «милашка»-Адель свернула за угол и благополучно скрылась.

Следующая неделя была такой скучной и унылой, словно нас опять затянуло во временной коридор. Часы ползли со скоростью черепахи. Юлий устраивал у себя в резиденции приемы заграничных послов, директоров шоколадных фабрик и швейных мастерских. Адель бродила по городу, избегая шумных компаний и всё так же раздаривая неимущим шапки, шарфы и варежки, а ее кошка неизменно держала хвост трубой и при всякой возможности злобно выгибала спину.

Из-за этого беспросветного однообразия на меня стали нападать поочередно то бесцветная хандра, то жажда убежать, куда глаза глядят. Последняя подвигала меня на поступки не совсем адекватные. Например, я могла запросто уйти из королевского дворца на день, а то и на два, вернуться, как ни в чем не бывало, и отвечать на расспросы Эсфири загадочным молчанием. О нет, она не узнает, что я навевывалась в пустой оперный театр (тайные ходы и незапертые дверцы, как же я вас обожаю!), где подолгу блуждала в темноте или слушала редкие репетиции оркестра, лежа на сидениях бельэтажа.

Я тяжело переносила зиму, еще тяжелее — разлуку с Пуаро и опасностями (ах, милые, добрые опасности!), которые поджидали меня в городе Вечнозеленом. Возможно, я немного тосковала по Арчи, но признаваться себе в этом что-то не хотелось. Однажды, слушая какофонию оркестра в театре, я задумалась об Арчи, и перед мысленным взором тут же всплыл образ его невыносимой тетки. Вернее, псевдо-тетки. Я была уверена, она ему и близко не родня. Но как это доказать?

Впрочем, моя мысль сразу перепрыгнула к другому вопросу: пора строить воздушный шар. Чертежи имеются. А король наверняка достаточно богат, чтобы ссудить часть денег на материалы и инструменты.

Поразмыслив так, я направилась из театра напрямиком в тронный зал, где Юлий восседал на троне со скучающим видом.

— Только что приходил посол из страны Лунного камня, — печально сообщил он. — Сказал, наши поставки вечнозеленых растений им больше не нужны. У них там какие-то проблемы с почвой... Что, Жюли? Что ты так неуверенно улыбаешься? Решительней! Нужно быть решительней во всем, даже если рискуешь ошибиться!

Король вскочил с трона и стал мерить шагами зал.

— Вот я и пришла сюда, потому что решила кое о чем вас попросить, — ответила я, глядя на удаляющуюся спину в пятнистой мантии.

— Правда? И о чем же? — полюбопытствовал король и повернулся на каблуках лакированных туфель.

— Я тут подумала, не дадите ли вы мне денег на материалы для воздушного шара?

— Воздушный шар? — поморщил лоб Юлий. — Зачем? Улететь от нас вздумала?

— Ну-у-у, — помялась я, — в общем, да.

Король сделался мрачнее тучи, и сразу стало понятно: ничего-то он мне не даст.

— Ты красиво играешь на рояле, — сказал он. — Я слышал. И хочу послушать еще. Так что извини, денег не будет. И воздушного шара тоже.

Юлий счел, что тема закрыта, и со спокойной душой отправился играть в мини-гольф. Однако он меня недооценил. Настойчивость — вторая натура Жюли Лакруа.

На следующий день, когда он перебирал за столом документы на подпись, я вошла к нему без предупреждения и уселась напротив. Король поднял голову.

— Читайте, читайте, — милостиво разрешила я.

Но не прошло и минуты после того, как он вновь углубился в чтение.

— Что это? — воскликнул он, схватив листок с гербом страны. — Заявление? Воздушный шар для эксперимента? Ну, нет. Не подпишу. И не дождешься.

Я смотрела на него в упор. Уломать короля всего лишь вопрос времени. Я своего добьюсь. Он будет получать по заявлению каждый день, мои заявления завалят его стол и будут сыпаться на него со всех сторон, пока он не уступит. Пока король не согласится, Жюли Лакруа будет мараить гербовую бумагу.

— Я прикажу посадить тебя под замок. А потом казню за непокорность, — пригрозил мне Юлий однажды утром. После того как получил очередное заявление.

— Так у вас ведь нет смертных казней.

— Введем. Что нам стоит! — воскликнул король. — Еще одна такая проделка — и голову долой.

Однако его угрозы я не побоялась, и назавтра он вновь ходил раздраженным, потому что мои заявления попадались ему повсюду. Даже в супах, которые он обожал.

— Ну, сколько можно, в конце концов! — раздосадовано крикнул он со своей половины обеденного стола (а стол был длиннющий). Эсфирь рядом со мной давилась от смеха в кулак. Король двумя пальцами вытащил намокшую бумагу из тарелки и бросил в угол. — Прекращай сейчас же, не то я за себя не ручаюсь!

Но я не прекратила, и этим же вечером все дворцовые слуги одновременно подскочили от его яростного вопля. Моя наглость достигла пределов — был попран его священный бильярдный стол.

— Что она себе позволяет! Нет, ну правда! — возмущался Юлий, комкая мои заявления. А ведь они так хорошо смотрелись на зеленом покрытии стола! — Она запихала их даже в лузы! О, горе мне! Несчастный я король!

Я тихонько наблюдала за ним с балкона, грея руки в карманах пальто, и ждала, пока буря уляжется.

— Жюли! А ну, поди сюда! — окликнул меня Юлий. — Давай, выходи! Я тебя заметил!

Надо же, какой глазастый! И не спрячешься от него. Ничего не оставалось, кроме как повиноваться. Я готовилась к взрыву негодования, к тюрьме и даже чему-то худшему. Но Юлий, стоило мне приблизиться, как-то сразу остыл и подобрел.

— Вижу, ты неисправима. Упертая, как коза! — рассмеялся он. — Ладно, будут тебе материалы. Слово даю.

Слово король сдержал. Пригласил в резиденцию людей, которые знали толк в тканях для воздушных шаров, мастеров плетения корзин и долго спорил с ними в тронном зале. Мастера попались громкоголосые, поэтому Юлию тоже приходилось кричать. Зато специалисты по тканям были робкие, словно на подбор. И с ними Юлий беседовал чуть ли не шепотом. Поэтому подслушать я смогла только половину переговоров. Король выставил меня за дверь в отместку за то, что я ему столько времени докучала.

Когда мастера вышли из тронного зала, размахивая руками и ругаясь, я поняла, что с королем они во мнениях не сошлись.

— Я попросил, чтобы они просветили тебя насчет плетения корзин. Объяснил, что плести ты хочешь сама. Вот они и взбунтовались, — объяснил Юлий после окончания переговоров. — А ткань для купола в скором времени будет готова. Тебе останется только

соорудить каркас.

Это не могло не радовать и означало, что я еще на шаг продвинулась к цели.

Для постройки Юлий выделил мне сначала зал, а затем площадку на полигоне. И вот там-то начались первые неприятности. Уж не знаю, как хорошо охранялся полигон, но кому-то раз за разом удавалось туда проникнуть и разломать каркас шара, который я так старательно возводила. Примерно в то же время я стала замечать странного типа в черном тренче и черных очках, который расхаживал под окнами резиденции, не стесняясь ни стражи, ни самого короля. Король его не трогал, и я думала, что это один из его тайных знакомых. Но, как оказалось, нет. Ничего подобного. Король тоже понятия не имел, что за субъект пасется возле дворца. Оставалось одно: притащить этого субчика за шиворот и потребовать объяснений. Только вот незадача: всякий раз, как я намеревалась его притащить, он испарялся, словно какой-нибудь призрак.

Сизифов труд по постройке шара, который магическим образом каждую ночь снова превращался в гору прутиков и палок, уже стал порядком утомлять. Дальше так продолжаться не могло.

И вот в один прекрасный день на мою голову свалился Арчи Стайл. Он, как ни удивительно, был облачен в черный плащ (совсем как тот незнакомец под окнами), а за спиной, в рюкзаке, у него сидел некто пыхтящий, сопящий и явно обиженный на жизнь.

Когда я расстегнула молнию рюкзака, оттуда высунулась мордочка Пуаро. Он сердито грыз колбасу и нарочно громко чавкал, демонстрируя пренебрежение ко всему миру.

— Эй! — раздосадовано воскликнул Арчи. — Колбасу я, вообще-то, для бутербродов купил. И как ее, такую пожеванную, теперь есть прикажешь?

— Придется тебе купить другую, — прорычал Пуаро. — Сам виноват. Кормить собак хлебом и кашей — себе неприятностей наживать.

— Видишь, Жюли, — обратился ко мне Арчи, — какой несносный у тебя пес. Будь благодарна, что я его привез. Да еще такой вкуснятиной накормил.

— Да уж, спасибо, спасибо, — отозвалась я, вытаскивая скотч-терьера из портфеля. — Когда вы приехали?

— Можно сказать, только что, — усмехнулся Арчи. — Я ужасно по тебе соскучился.

— А меня, — подал голос Пуаро, — извела эта болтливая мышь! Откуда она вообще взялась?

О временном коридоре на улице рассказывать не стоило. Я уже давно поняла: у улиц Мериламии тысячи ушей.

— Войдем, что ли, внутрь, — сказал Арчи. — Что-то я замерз.

Я напрямую спросила у него, не он ли виноват в том, что у меня шар разваливается.

— В глаза смотри! — пригрозила я. — И чтобы правду отвечал!

— С удовольствием, — елеин улыбку тот и впился в меня взглядом.

— Э-э-э... Пожалуй, в глаза необязательно, — потупилась я. Куда только делась моя твердость? Чувствовала — еще немножко — и растекусь по полу эдакой лужицей с пометкой «Жюли Лакруа».

— Хочешь, выясню, что за тип ошивается у ворот? — невозмутимо предложил Арчи. — Я его мельком видел. Наверняка это он мешает шар строить.

— Да уж будь добр, — пробормотала я.

Расправившись с сытным обедом в трапезной зале, Арчи умчался устанавливать личность «вредителя» в черных очках. Между тем другой «вредитель», поменьше, отправился на исследование резиденции, после чего выдал, что пауки и пылюка здесь точно такие же, как и дома у Эсфири. Слушая ворчание Пуаро, Эсфирь хохотала от души. Она похоже, совсем позабыла, что в городе Вечнозеленом ее ждет Рифат.

Арчи вернулся поздно вечером, сияющий оттого, что сумел мне угодить.

— Это Флорин, — отдышавшись, сказал он. — Так я и знал. Сбежал с чердака, едва я ослабил бдительность. Как ему только удалось разрезать веревки?!

— И где он теперь? Ты его привел? — поинтересовалась я.

— Ускользнул, подлюга! — сжал кулаки Арчи. — Но пусть не надеется! Я этого так не оставлю.

Весь следующий день он пытался снискать мое расположение улыбками. Отпускал колкие шуточки. Шут гороховый. Я с трудом сдерживала раздражение.

Зато после полудня настроение Арчи резко переменялось.

— Ты только посмотри на него, — говорила Эсфирь. — Он же как умирающий лебедь!

Арчи прикидывался умирающим лебедем даже при короле. Ходил, словно в воду опущенный, вздыхал, бросал умоляющие взгляды. Пара таких взглядов случайно досталась Юлию.

— Что, Арчи, голову повесил? Развлечений недостает? — участливо поинтересовался король. — Мы это дело поправим. Давай завтра в бридж?

— Мне лучше веревку и мыло, — подавленно отвечал тот. — Вот уж повеселюсь на славу.

— Неужели сердечные муки? — удивлялся Юлий. — Арчи, ты взаправду, что ли?

Наверняка он страдал не взаправду. Но его поведение было невыносимо. Атмосфера дворца с появлением Арчи начала душить. И мы с Пуаро всё чаще отлучались, чтобы побродить по городу. Мне удалось ближе познакомиться с Аделью.

Злые языки твердили, будто Адель когда-то была танцовщицей. Будто разъезжала по всей стране с гастролями. А ее мать в одну студеную пору взяла да замерзла. Но только слухам я не верила. Адель мне потом рассказала, как на самом деле закончила дни ее мать. Умирала она долго, от рака, без лекарств, потому что их было не достать. К Адели сватался один жирный купец, но она его отвергла. И купец добился того, что их с матерью со съемной квартиры вышвырнули на улицу. Адель из кожи вон лезла, только чтобы побольше заработать и обеспечить мать всем необходимым. Устроилась в местный театр танцовщицей. Она действительно танцевала, но радости это не приносило. Адель была красива, очень красива. Ее красота не оставила равнодушным директора театра. Однако в ответ на нескромное предложение он получил отказ. Разумеется, Адель тотчас лишилась работы.

— В итоге, я не придумала ничего лучше, чем заняться ремеслом, — рассказывала Адель, шагая рядом со мной по скользкой мостовой. — Так появились на свет все эти шарфы и варежки. Но к тому времени моей матери сделалось совсем худо.

— Ну, уж она, конечно, не замерзла, — вставил замечание Пуаро. — При таком обилии теплых вещей замерзнуть сложно.

— Она умерла от голода и болезни, — всхлипнула Адель и утерла слезу, побежавшую по

щеке.

— Не плачь, — сказала я. — На морозе плакать нельзя.

Мы прошли еще немного, как вдруг Пуаро насторожил уши.

— Псс! — позвал он. — Обернись, Жюли. Только незаметно.

Если просят обернуться незаметно, лучше вообще не оборачиваться. Я решила использовать зеркальце, которое весьма кстати положила сегодня утром в сумочку.

Делая вид, что поправляю макияж, отвела руку с зеркалом чуть вправо. И что вы думаете? В зеркале отразилась фигура человека в черном тренче. Он на ходу протирал стекла своих черных очков, следуя за нами с равнодушной миной. Это, и правда, оказался Флорин. Явился по мою душу.

Как неосторожно и беспечно он себя вел! Создавалось впечатление, что в деле шпионажа он новичок. Хотя, может, так и было.

— Слушай, Адель, — попросила я. — Не сможешь обезвредить вон того типа?

— Того, что в черном? Положись на меня, — улыбнулась Адель. — Я не раз избавлялась от нежелательных провожатых, заперев их в купе уходящего поезда.

От ее грустных воспоминаний, похоже, не осталось и следа. Глаза загорелись, лицо посветлело. Правильно, нечего сожалеть о том, чего никогда не изменишь.

— Вы с пёсиком идите к вокзалу, — распорядилась Адель. — А я догоню. Нужно захватить прочных ниток. И ткань для кляпа, — добавила она, чуть ли не пританцовывая от воодушевления.

Судя по всему, Флорин ничего не заподозрил. Он продолжал тянуться за нами хвостом, неумело притворяясь, будто разглядывает фасады домов.

— Я бы его укусил, — сказал Пуаро.

— Знаю, мой хороший, — Я присела на корточки и потрепала его по ушам. — Может, ты и вредина, но с тобой мне легче. Укуси Арчи Стайла, когда вернемся. Меня от него тошнит.

Стоило добраться до вокзала, как повалил крупными хлопьями снег. Хлопья липли к лицу, одежде и быстро таяли. Мы укрылись под навесом, а Флорин остался стоять на платформе, сделав вид, что ожидает поезда. Скоро снег облепил его целиком.

— Ну что? — осведомилась Адель. Она разругалась от быстрого шага и тяжело дышала. — У меня всё готово. Где объект?

— Объект? Да вон он, бедолага, — указала я на закованного Флорина-снеговика. — Думаю, тебе не составит труда его нейтрализовать.

В этот самый момент раздался протяжный, сварливый гудок поезда, и платформа под ногами задрожала.

Адель пошла в «наступление». Она изящно растянулась на снегу прямо перед Флорином и притворилась, что повредила колено. Правильно, перед притворщиками только и притворяться. Иначе их на чистую воду не выведешь. Из-за грохота колес и завывания ветра я не могла различить ни слова из их диалога с Флорином, однако Пуаро как-то ухитрился подслушать.

— Вы не ушиблись? — испугался Флорин и мигом вышел из оцепенения.

— Конечно, ушиблась! Будьте добры, подайте мне руку, — попросила Адель.

— С превеликим удовольствием, — расплылся в улыбке тот.

Похоже, он был очарован настолько, что забыл и о Фариде, и обо мне.

Едва Адель оказалась на ногах, как от нее тотчас поступило предложение:

— Не желаете ли прокатиться первым классом?

— С радостью! — воскликнул обалдевший Флорин, однако тут же скис: — Ох, никак не получится. Вы уж извините. Дела.

— Ну, тогда хотя бы проводите меня. Платформа такая скользкая.

Я видела, как они зашли в вагон. Пуаро присеменил ко мне.

— Готов, голубчик, — уверенно сказал он.

Через пять минут из вагона выскочила Адель. Приподняв юбки, бежала, словно от пуль спасалась.

— Чрезвычайно прочные нитки, — с одышкой проговорила она. — Из таких не то что рукавицы — канат сплести можно. Не порвется. А кляп вышел просто изумительный! Наверное, мне следует начать торговлю кляпами.

Нас оглушил рев паровоза. Поезд с запертым в купе, связанным Флорином набирал ход. Интересно, как далеко он уедет, прежде чем Флорина обнаружат?

Глава 14. Призраки со странностями

Долго ли, коротко ли — дошли до Юлия вести, будто его приближенные позволяют себе вольности и над честными гражданами издеваются. Понятное дело, Флорин настучал. По словам очевидцев, сначала его видели на станции недалеко от города Рекопокровителя (то есть от пут его освободили лишь спустя сутки). Потом он надиктовывал телеграмму в почтовом отделении и был потрепан и страшно зол.

— Теперь Фарид меня с удвоенным рвением преследовать будет, — вздохнула я, когда мы с Эсфирью и Арчи пили чай в трапезной зале.

— Не бойся, у тебя ведь есть защитник, — выпятил грудь Арчи. — Буду твоим телохранителем.

— Уж лучше пусть моим телохранителем будет Адель, — горько усмехнулась я. — Она хоть и не сильна, зато обладает смекалкой. А ее обаяние сбивает злодеев с толку.

— Не всякий злодей падок на красоту, — уязвлено заметил Арчи. Он напыжился и сложил на груди руки. — Не очень-то на Адель рассчитывай. Весной мы двинемся в Вечнозеленый, а она останется здесь!

Я задумалась: весна же совсем скоро! Зима пролетит как один большой снежный ком, а мне до отъезда надо построить воздушный шар.

— Так, — сказала я, — понадобится дополнительная рабочая сила. Мне одной с аэростатом не успеть. Кто готов помочь?

— Я буду экспертом, — отозвался с коврика Пуаро.

— Что значит экспертом? — приподнял бровь Арчи.

— А то и значит. Вы будете строить, а я ходить вокруг и критиковать.

Когда вошел слуга с подносом, Пуаро облизнулся и побежал за добавкой печенья.

— Ладно, обойдемся без шкодливых критиков. Арчи, поможешь? — спросила я.

Арчи состроил страдальческую гримасу.

— Только при условии, что ты разрешишь дарить тебе подарки и хотя бы изредка будешь улыбаться в моем присутствии, — выдал он.

Что ж, по рукам. Цена невелика.

Эсфирь тоже вызвалась помогать. Наверняка Рифат посвятил ее в тайны своих адских электрических приборов. В технике она должна была хоть немного да разбираться.

Тем же вечером мы дружно взялись за дело. Я плела корзину из прутьев ивы, Арчи возился с горелкой и бегал по городу в поисках баллона с пропаном. К шитью оболочки мы подключили Адель. Она приходила в резиденцию с корзинкой прочных ниток и сшивала дольки купола с исключительным проворством.

В итоге, на пошив воздушного шара было потрачено более двенадцати километров ниток (Адель смеялась, потирала исколотые пальцы и говорила, что лично подсчитала).

Юлий почти все дни проводил в тронном зале, развлекаясь за игрой в бильярд или слушая наскучивших придворных. Погода стояла пасмурная, небо нависало над городом тяжелым свинцом. Однако когда тучи рассеивались, король навещался к нам на полигон — посмотреть, как продвигается работа.

И конечно же, ни одно совещание по поводу аэростата не обходилось без участия моего зубастого «критика».

— Так и знай, Пуаро, — в шутку грозился Юлий, — сделаю тебя королевским

советником.

Такая перспектива Пуаро, судя по всему, льстила. Он вилял хвостом, высовывал язык и капал слюнями на начищенные до блеска ботинки Юлия.

Арчи заваливал меня подарками, и настал день, когда число подарков перевалило за сотню. Всем вокруг казалось, что снова наступил день Звезд, и только мне одной — что я полная дура. К началу меркния (то есть февраля) до Арчи наконец дошло, что подарками меня не завоевать. Шар был готов, в рабочей силе нужда отпала, и я со спокойной совестью вернула ему дареные побрякушки и сладости, к которым даже не притронулась.

По идее, Арчи должен был прийти в ярость, рвать и метать, а заодно — почему бы нет? — раздраконить воздушный шар. Но ничего подобного не произошло. Он всего лишь свалился с горячкой. Решил надавить на жалость. Только вот беда — у Жюли Лакруа на тот момент не осталось ни капли сострадания. К концу зимы мое сердце превращалось в черствый кусок хлеба и только ближе к лету вновь размякало и начинало биться, как ему полагается.

В общем, Арчи слег, и королевский лекарь пичкал его какими-то сомнительными микстурами.

— Всем больным нужны положительные эмоции. Ты не исключение, — сказала я однажды вечером, сев у изголовья его кровати.

— Ты одна моя положительная эмоция! — простонал Арчи.

— Что-то не похоже, — фыркнула я.

— А ты посиди со мной часика два. Или четыре. Хотя нет, лучше вечность. Тогда я, может быть, поправлюсь.

Вскоре он пошел на поправку, несмотря на то, что его сиделкой я быть отказалась. Дни летели со скоростью пробирающего до костей зимнего ветра. Мы всё реже собирались за обеденным столом в трапезной зале, всё чаще уединялись в уютных уголках, где, в свете абажура, можно было почитать книгу и маленькими глотками пить горячий шоколад.

Мы с Эсфирью любили растягивать удовольствие. Завернувшись в клетчатые пледы на широких подоконниках, друг напротив друга в маленькой комнатке, которую выискал Пуаро, мы читали вслух завораживающие истории о прошлом Мериламиин.

— И тогда колдунья обратилась вороном со сверкающими глазами, взмыла в черное небо — и на землю тотчас обрушился град, — читала Эсфирь.

— Град — в смысле «город» или в смысле «осадки»? — перебил Пуаро, который маялся от безделья.

— Пойди, поищи себе занятие, — буркнула я.

— Да нет, погоди-ка, вполне логичный вопрос, — сказала Эсфирь. — Смотри, здесь написано: «И в граде том были диковинные дворцы, вытянутые, точно шишки еловые, гладкие и многоглазые, аки чудища морские. И населяли тот град бездушные призраки».

— Хм, любопытно, — проронила я. — Что-то знакомое... Может, речь о крае упавших самолетов?

— Так и есть! — вскричала Эсфирь. — Я почти уверена!

— А когда Юлий собирается возвращаться в Вечнозеленый? — уточнила я. — С первой весенней капелью?

— Он без умолку твердит об этом в своих апартаментах, — вставил Пуаро. — Хочет

врагам в глаза взглянуть да совесть у них пробудить. Как весна, говорит, придет, как лигорий наступит, так в путь и тронемся.

— Первое лигория — день гольфа, если я не ошибаюсь, — сказала Эсфирь. — Король соберет придворных на площадке за дворцом и устроит турнир. И вот тогда-то...

— Ага, — подхватила я, — вот тогда-то и выступит из тени Агент Катастроф. Но я о другом думаю. Мы ведь полетим назад на шаре?

— Ну и что с того? — проворчал Пуаро.

— Пустим шар над краем упавших самолетов. Мне надо кое-что выяснить насчет тетки Арчи. Если я права и он тоже упал в Мериламию, то в одном из «морских чудищ» наверняка обнаружится его настоящая семья.

— Правда, мертвая, — передернулась Эсфирь.

— Ничего, — пошутила я. — Душу они из меня высосать не успеют. На воздушном шаре искать гораздо легче и безопаснее.

Похоже, весна действительно была не за горами. Иначе почему вдруг мне взбрело в голову выводить тетку Арчи на чистую воду? Когда заботишься о ком-то, кроме себя, сердце начинает оттаивать. Когда сердце начинает оттаивать, хочется заботиться о ком-то, кроме себя.

... Метель то утихала, то вновь набирала обороты и принималась буйствовать, наметая сугробы высотой с Пуаро. Пуаро прыгал по сугробам и был более чем счастлив.

Но однажды он почувал в воздухе весну. На затвердевший наст королевского полигона упали первые теплые лучи — и включился режим разморозки.

А потом настал славный день отлета. Слуги Юлия паковали багаж, чтобы отправить поездом в город Вечнозеленый. Арчи носился по дворцу туда-сюда в поисках места, куда можно было бы пристроить отвергнутые подарки и свою отвергнутую любовь. Позднее он примчался и заявил, что запер любовь в надежном сейфе и впредь о ней не заикнется.

Воздушный шар ждал нас на холме за резиденцией. Флорин тоже. Пуаро скалил на него зубы из корзины аэростата и грозно рычал. Возможно, именно поэтому Флорин предпочел держаться на расстоянии, беспомощно выглядывая из-за ствола старой липы.

— Прочь! — приказал ему Арчи, стрелой взлетев на холм. — Теперь ты уже ничем не сможешь навредить Жюли. Отправляйся туда, откуда пришел, и передай Фариду, чтобы готовился встречать гостей. Совсем скоро от него останется мокрое место.

Флорин задрожал, как осиновый лист, отскочил в сторону — и кубарем скатился с холма.

— Как ты сказал? Мокрое место? — переспросила я. — Откуда столько храбрости? Неужели ты полагаешь, король станет марать руки о такого негодяя?

— А если не он, то кто? — вскинулся на меня Арчи. — Хотя, впрочем... — помедлил он. — Если понадобится, я Фариду собственными руками задушу. Будет знать, как преследовать моих друзей!

Арчи с хрустом размял пальцы, а я подумала, что иметь такого заступника очень даже неплохо.

Адель дремала в каморке на съемной квартире, и по ее ресницам скользили несмелые лучи заспанного солнца, когда Эсфирь обрезала трос и мы впятером поднялись над землей.

— Бренная земля, бrenная земля, как ты далека, как же мы легки, — продекламировал Пуаро своим смешным низким голоском.

— Я надеюсь, — улыбнулся Юлий, — ты это сам сочинил.

Юлий от полета пребывал в полном восторге.

— Обожаю, знаете ли, летать, — сказал он. — Почему бы не внести эту забаву в список ежедневных развлечений? Лео наверняка одобрит. Да и Жаклин с Беатрисой тоже. Как-нибудь обязательно покатаю на воздушном шаре моих придворных дам.

— Жюли, куда курс держать? — осведомился Арчи, который временно был за главного.

Я передала ему карту и провела пальцем прямую.

— Вот мы, вот — промежуточная цель.

— Что? Край упавших самолетов? Тебе что, жить надоело?! — воскликнул он.

Я подвела его к борту корзины и хладнокровно указала вниз.

— Не будешь подчиняться, окажешься во-о-он там.

Летели мы высоко, ветер дул со страшной силой. Даже у меня, бывалого пилота, при взгляде на «бренную землю» закружилась голова. Арчи сглотнул и сделал шаг назад.

— Ты уж так не шути, ладно?

Больше возражений я от него не слышала. Ни одного за всё наше небесное путешествие.

Над краем упавших самолетов ветер выдохся и куда-то быстренько улизнул. Воздушный шар снизился и погрузился в зону непроглядного тумана. Вот и как, скажите на милость, в подобных условиях искать родню Арчи?

— Есть у нас крепкий длинный трос? — поинтересовалась я у Эсфири.

— А то как же! Я предусмотрительна, — улыбнулась Эсфирь.

— Тогда спустите меня, — распорядилась я. — Привяжите к чему-нибудь трос и спустите нас вместе с Пуаро.

— Эй, я так не играю! — возмущенно твякнул пёс. — Меня не предупреждали, что будет экстренная высадка.

— Ты ведь всегда хотел поглядеть на мертвецов, разве нет?

— Не заговаривай мне зубы. Сдались мне твои мертвецы, — зарычал Пуаро. — Только тронь — укушу!

Однако не успел он сказать «укушу», как я запихала его в просторный рюкзак и рывком застегнула молнию. Изнутри еще долго раздавался яростный лай и вся возможная нецензурщина, которой Пуаро нахватался в логове у Фарида и еще раньше — в «элитном» обществе бродячих парижских псов.

— Спускайте! — скомандовала я, когда меня хорошенько обвязали канатом.

Вскоре отчаянная Жюли Лакруа и рюкзак, до краев наполненный праведным гневом, скрылись в молочно-белом удушающем тумане. Пуаро атаковал прочные стенки рюкзака и отвратительно скреб по материалу когтями.

— Прекрати сейчас же! Как ты себя ведешь? — прикрикнула я на Пуаро. — Что о тебе подумают мертвецы? У нас ведь очень важная задача!

— Добыть сведения о предках Арчи Стайла? Зачем? Тебя ведь от него воротит! — послышалось из рюкзака.

— Так-то оно так, — согласилась я. — Но его не должны водить за нос, даже если он мне до смерти надоел.

— А как ты будешь искать мертвецов, если ты к канату привязана? — вновь спросил

рюкзак.

Я рассмеялась злоехидным смехом. Кто сказал, что искать должна Жюли? Не-е-е-ет, на это ответственное дело мы направим непревзойденного сыщика Пуаро!

Вытряхнула его из рюкзака, когда до земли оставалось совсем чуть-чуть.

— Беги, — сказала я. — Порасспроси нежитей. Может, они слыхали об Арчи. Если попадутся те, кто слыхал, веди их сюда.

Пуаро обиженно чихнул, надменно повернулся ко мне задом, к самолетам передом — и был таков. А я осталась болтаться на веревке, точно елочная игрушка.

Местами зеленоватые, местами сероватые мертвецы выглядывали из самолетов-акичудища-морские, пялили на меня красные глаза и пустые глазницы. Здесь же, неподалеку, клубились и тоскливо завывали призраки.

Похоже, на этот раз меня приняли за свою. Призраки немного полетали вокруг, поголосили и успокоились. А мертвецы вскоре перестали пялиться и устали в пространство. Больше всего меня беспокоило, что из Пуаро вытянут душу, он превратится в зомби, и я, ничего не подозревая, буду жить с зомби-собакой, пока эта собака не вытянет душу из меня.

Потом мои страхи сделались несколько прозаичнее, и я начала опасаться, что маленький негодник нарочно никого не станет искать, чтобы мне насолить. Мол, повиси-ка ты, хозяйка, на канате, а я тем временем отлично проведу время в компании призраков или угощусь сосисками из какого-нибудь упавшего самолета.

Однако опасения оказались напрасны. Довольно скоро Пуаро привел за собой целую вереницу призраков и покойников. Вели они себя вполне даже культурно.

— Живая душа! — обрадовалось одно привидение, тыча в меня пальцем. — Вот здорово! Я словно опять попала на светскую вечернику!

Привидение было одето в призрачное коктейльное платье, из чего я заключила, что когда-то в этом же платье на вечеринки ходила дама.

— Вы знакомы с Арчи Стайлом? — вытянув шею, спросила я.

— О, конечно! Разумеется, я с ним знакома! — воскликнуло привидение в платье. — Я же его матушка! Передайте ему, чтобы он хоть раз меня навестил.

— Если он вытворит непотребства, я ему всыплю! — пригрозил тростью другой призрак. Скорее всего, папаша.

— Перестаньте, — перебила его ворчливая призрачная старушка. — Уверена, внук ведет себя достойно. Не стоит так горячиться.

— Это кто тут горячится?! — взвыл призрак с тростью. — Да я уже вот как пять лет безвозвратно остыл!

Я попыталась призвать к тишине:

— Спокойствие, спокойствие, господа! У меня к вам парочка вопросов.

— И всё? Всего лишь? — разочарованно воскликнула дама. — Я не рассчитывала на такое скупое интервью. Вам не интересны дни моей молодости? Что, совсем ни капельки?

Внезапно меня хорошенько дернуло и — вжииих! — кто-то слетел на веревке в паре метров от меня. Повис, как марионетка на нитках, и лишь спустя минуту поднял голову. Ну, конечно, могла бы догадаться — Арчи Стайл. Только вот ему сюда спускаться не следовало.

— Неприятное ощущение, — признался Арчи, с кривой улыбкой посмотрев на меня. — Думал, наизнанку вывернет. Не понимаю я этих любителей адреналина. — Он

огляделся и вытаращил глаза. — Мама? Отец? Как? Как это возможно? Жюли, что ты здесь устроила?!

— Нечего так орать, — сказала я. — Иногда, чтобы выяснить правду, приходится идти на крайние меры.

— Какую правду?! Какие крайние меры?! — сумасшедшим криком разразился тот. — Я тебя вообще о чем-нибудь просил?!

А ведь действительно. Не просил. Так зачем же я затеяла весь этот «призрачный парад»?

— Арчи! Сынок, как ты живешь? — пропел призрак в платье. — Тебе не скучно?

— Да как-то не до скуки, — утихомирился тот, видимо осознав весь абсурд ситуации. — А вам здесь не тоскливо?

— Бывает, — проскрежетала старушка. — Да мы держимся. Тебя увидели, теперь и на тот свет не страшно.

— Ты обеспечен? Есть у тебя кто-нибудь? — вступил в разговор призрак с тростью.

— Особняк, прислуга, тетушка, — понуро перечислил Арчи. — Как сыр в масле катаюсь.

Призрак с тростью нахмурился.

— Тетушка, говоришь? Какая еще тетушка? Ни у меня, ни у твоей матери сестер не было.

— Ты с этой дамочкой поаккуратнее, слышишь, — забеспокоилось привидение в платье. — Как бы она тебя не обокрала.

Арчи сурово взглянул на меня.

— Так вот, чего ты добивалась, Жюли? Да ты мастерица по части выбивания опоры из-под ног! Сначала разбила мне сердце, теперь развенчала мою тетку. Что дальше?

— Дальше больше, — обиженно буркнула я.

Всю дорогу до города Вечнозеленого мы дулись друг на дружку, точно два хомяка, которые хранят за щеками зерно. Смешно и глупо было, наверное, смотреть со стороны, как наш доблестный король кружил по корзине воздушного шара, передавая мне послания Арчи, а ему — мои.

— Передай ей, что отныне я не намерен участвовать в ее авантюрах, — говорил Арчи Юлию.

— Передайте ему, что к участию в моих авантюрах его никто не призывал, — хладнокровно парировала я.

Пуаро сообщил как бы между делом, что один из мертвецов жаждал его крови.

— А моей крови жаждет Фарид. Эх, что будет, когда мы вернемся... — гадала я.

Небо над городом Вечнозеленым встретило нас неожиданным снегопадом. Температура воздуха упала на несколько градусов — это чувствовалось и без всяких термометров. Видно, зима решила побороться с весной за звание чемпиона по количеству осадков. Вскоре закружилась лютая метель. Еле посадили шар у Вечного Клена.

— Не желаете ли отогреться, господа? — предложил Пуаро. — По такой метели носа на улицу лучше не казать.

— И правда, давайте к нам, под Клен, — подхватила я.

Лица у всех троих (себя-то я не видела) были красные, носы — холодные, руки —

закоченевшие. Арчи, Эсфирь и Юлий с радостью согласились.

— Какие знакомые предметы, — усмехнулся Юлий, проведя рукой по креслу-качалке. — А гирлянды так и не сняли.

— Еще у нас есть мышь, — предупредил Пуаро. — Спасу от нее нет. Она вам мозги живо запудрит.

Пуаро обошел древесный ствол, тщательно проверил каждый корень и каждую норку, но мыши так и не обнаружил.

— Что ж, — заключил он, — сегодня запудривание мозгов никому не грозит.

Юлий расположился на траве, согнув ноги и приняв позу йога. Эсфирь поднесла ему кленовый сироп.

— До чего же хорошо! Куда лучше, чем у меня во дворце! — воскликнул Юлий. — Почему я не догадался поселиться здесь, прежде чем это сделала Жюли!

— Придворные бы не поняли, — ухмыльнулся Арчи.

— Эх, тяжело быть королем, — вздохнул Юлий. — Вечно приходится считаться с чужим мнением. Я потерял настоящего себя. И обрести теперь, кажется, смогу лишь в странствиях да под Вековечным Кленом. Я становлюсь собой, лишь когда снимаю корону... Слушайте! — просиял он. — А почему бы действительно не отказаться от короны?!

— Именно этого и ждет Фарид, — сказала я. — Подумайте, что станет со страной.

На лицо Юлия вновь напозла тень, и он опустил голову на руки.

Кто-то постучал в дверь.

— Кому в такую пургу нейдется? — проворчал Арчи и неохотно поплелся открывать.

На пороге, залепленная мокрым снегом, появилась Дора.

— Вы еще не слышали? — под завывания метели прокричала она. — Город целых три дня искрился молниями!

— Молниями? — как ужаленная, подскочила Эсфирь. — А Рифат?

— Его схватили и посадили в карцер, когда он вышел из крепости, — сообщила Дора, бессильно прислонившись к стене. С ее плаща на траву капала вода. — Сара упрашивала меня не следовать за ним, но я пошла — и всё-всё узнала. Он находится в подземелье башни Нарсал. Его кормят один раз в день, и он очень слаб.

— Башня Нарсал! — всплеснул руками Арчи. — Да это же рядом с полем для гольфа!

Он потормошил короля.

— Юлий! Эй, Юлий! Забудь о короне! Рифат томится в заточении! Эти горожане, чтоб их!

— Как только его увели из крепости Арнор, электрические разряды прекратились, — робко заметила Дора. — Народ твердо убежден, что Рифат колдун. Его даже требовали казнить.

— И это притом, что у нас отменены казни! — простонал Юлий. Внезапно он вскочил на ноги, грозно свел брови и объявил:

— Выезжаю во дворец! Немедленно!

Арчи закатил глаза к золотой кленовой кроне.

— Метет же! Вы и двух шагов не сделаете, как превратитесь в сугроб!

— Неважно, — отмахнулся король. — Почему, стоило мне уехать из города, как начался беспредел?! Я пойду пешком!

Юлий решительно облачился в мантию, решительным движением поправил корону — и

совершенно неожиданно растянулся на траве.

Глава 15. Тайный ход под черным роялем

— Безобразие! — просипел из-под него Пуаро. — Только соберешься поймать мышь, как на тебя падают всякие коронованные особы!

Мышь, к счастью, не пострадала. Ей не придавили даже хвоста. Она взирала на нас поверх очков со спокойствием и чувством собственного превосходства.

— Как вас сегодня много! — заметила она. — Что-то заМЫШляете? Может, хотите свергнуть короля?

— Король, вообще-то, перед вами, многоуважаемая мышь, — не удержался от сарказма Арчи.

Я на минутку вспомнила о необычных свойствах нашей мышки, и поняла, что ни одно знакомство не бывает напрасным.

— У нас небольшая проблема, — обратилась я к полевке. — Дело в том, что королю срочно нужно попасть во дворец. А на улице метель. Может, вы знаете какие-нибудь секретные ходы?

— Ходы? — задумалась мышь. — Вообще-то есть один туннель, он пролегает под Кленом — и довольно глубоко. Им не пользовались уже два века. Но я могу к нему прокопаться.

— И сколько же времени это займет? — прищурил глаза Юлий.

Полевка почесала лапкой усатую мордочку — и начала расти. Она росла и росла, рот у Юлия открывался всё шире и шире. В итоге у короля отвисла челюсть, а мышь увеличилась до размеров Пуаро вместе со своими очками и перчатками.

— Где рыть? — осведомилась она.

А действительно, где? Если под Вековечным Кленом появится яма, станет как-то неуютно. Даже если прикрыть яму досками, выглядеть она будет неэстетично.

— Под роялем, — неопределенно махнул рукой Арчи. — Там самое безопасное место. И в яму никто не свалится.

Стоп! Откуда у нас рояль?

— Это я его купил, пока тебя не было. Арчи помог перетащить его сюда, — сознался Пуаро.

— На торгах его отдали практически за бесценок. В нынешнее время никто не интересуется роялями, — извиняющимся тоном сообщил Арчи.

Рояль был отлично замаскирован черной драпировкой и поставлен среди прочей мебели так, что вначале я его не заметила.

На ощупь поверхность рояля оказалась шершавой. Похоже, никто и не думал покрывать инструмент лаком. Черный, словно ночь за окном, и вполне звучный, что не могло не радовать. Замечательно! Пусть полевка роет яму под роялем. В свободное время я буду играть на нем фуги, а если нагрянет Фарид с кучкой бандитов, быстренько шмыгну в яму — только меня и видели.

— Судя по всему, Жюли не против, — сказал Арчи, исподлобья взглянув на меня с той отвратительной ухмылочкой, которую обычно позволяют себе «проницательные знатоки жизни».

Полевка важно повела носом, заползла под рояль и принялась рыть. Пуаро смотрел на нее растерянно. Когда мышь почти с тебя ростом, волей-неволей начнешь ее уважать. Комья

земли из-под рояля так и летели. Досталось и мне, и Юлию, и Эсфири, которая за ним пряталась.

— Я не берусь судить о вещах, которые выходят за рамки обыденности, — сказала мне Эсфирь, после того как ход к туннелю был наконец прорыт. — Даже о Рифате и его изобретениях. Я просто наблюдаю, не делая выводов. От этого мысли приходят в порядок.

У большой мыши были бархатные уши и шерстка куда мягче, чем у Пуаро. Она вела нас по туннелю, время от времени поглядывая назад сквозь блестящие очки.

— Как ты ее прозвала? Большая мышь?! — возмутился Пуаро. — А меня в дневнике называешь то маленьким негодником, то вредным паразитом, хотя мы с мышью одинаковых размеров.

— У нас с тобой особые отношения, — сказала я. — Мы друг друга знаем давно. Буду называть тебя, как хочу. И ты называй меня, как хочешь.

Мы шли почти в полной темноте. Лишь впереди качался и поскрипывал масляный фонарь в руке короля. Было сухо, с потолка кое-где свисали грязные нити древесных корней. Эхо гулко разлеталось от наших шагов, убегало в пространство и плыло под потолком. Не знаю, как долго продолжался путь, но я порядочно нагрудила ноги, да и Пуаро уже еле плелся и пыхтел. Видно, пока я путешествовала, Арчи его раскормил.

Цели достигли уже за полночь. Юлий осветил знакомые всем ступени главной лестницы, которая располагалась неподалеку от приклеенных к стене железных доспехов. Сказать или не сказать ему, что за одним из полых рыцарей скрывается тоннель в берлогу Фариды?

Пуаро меня опередил. Потянул короля за штанину и на правах без-пяти-минут-советника сообщил, что за восточной стеной его враги.

— И враги не дремлют, — трагически добавил он.

Это означало, что Юлий должен был немедленно что-нибудь предпринять. Но он только рукой махнул: пусть себе не дремлют. Мы застанем их врасплох, когда они будут валиться с ног от недосыпания.

Пока король, Арчи и Эсфирь составляли план освобождения Рифата, Пуаро решил разузнать у мыши, как ей удастся так запросто менять облик и размеры.

— Я, — сказал он полевке по секрету, — мечтаю точно так же превращаться в кого угодно. Научишь?

Мышь с негодованием воззрилась на него:

— Волшебному дару научить невозможно, — немного заносчиво сказала она. — На то он и дар.

— У тебя есть свои супер-способности, ты сыщик, — сказала я. Но это Пуаро не утешило.

Между тем король спорил с Арчи и Эсфирью. Они настаивали на том, чтобы вывезти Рифата из башни тайно. Юлий же говорил, что дело легко можно поправить королевским указом.

— Народ взбунтуется! — веско замечал Арчи. — Правитель без поддержки народа зрелище жалкое.

— Позвольте нам похитить Рифата, — упрашивала Эсфирь.

— У башни Нарсал усиленная охрана, — возражал Юлий. — Вас самих живо схватят.

— Тогда как насчет временного коридора? — легкомысленно предложила я. Все головы

тотчас повернулись в мою сторону.

— А что? Это идея! — воскликнул Арчи. — Если мы прыгнем во временной коридор, пройти мимо стражи не составит труда.

Вопрос заключался лишь в том, как нам туда прыгнуть. Существовал ли механизм, какое-нибудь особое заклинание или хитрые движения, благодаря которым можно было попасть в коридор?

В ответ на мой вопросительный взгляд Эсфирь только пожала плечами.

— Он никогда не показывал мне, как это делается, — призналась она.

Ситуация представлялась безвыходной. Зачем, спрашивается, мы столько времени шли по туннелю, чтобы в итоге так ничего и не придумать? Меня начинал утомлять этот бездарный сюжет, и я со спокойной совестью завалилась спать на какую-то софу.

* * *

Неизвестно, что они втроем порешили, да только все трое утром уже сидели в башне — за решеткой в темнице сырой. Да-да, и Юлий в том числе.

— Как вас угораздило-то, а? — спрашивала я, хватаясь за прутья решетки. Меня, к счастью, пустили проведать пленных. — Это что же, теперь и короля вызволять надо? А если об этом прознает Фарид?

Фарид, разумеется, прознал. Злоязычные бабки Авия и Фейга не преминули пустить по городу слух, будто стража по пьяни собственного короля в подземелье заточила. Что ж, пожалуй, единственный слух, который оказался правдой. Фарид примчался к сырой камере, смерил меня снисходительным взглядом и с довольным видом погладил свой толстый живот. Позади отдувался после бега незадачливый Агент Катастроф.

— Как же так? — ныл он. — Выходит, в моих услугах теперь не нуждаются? А я готовил такую грандиозную мини-катастрофу...

— Не понадобится твоя катастрофа, — ухмылялся Главный Злодей. — Они настолько глупы, что попались в ловушку без чьей-либо помощи. Признаться, мне тоже немного обидно. Подумать только! Стража не узнала короля! А что это за король такой, которого народ не узнаёт?

Юлий по ту сторону решетки горько вздохнул. Эсфирь сидела на холодных камнях в обнимку с кашляющим Рифатом (он, к ее великому облегчению, сидел в той же камере). А вот Арчи держался молодцом и после бессонной ночи был как огурчик. Рукава закатал, к решетке подлетел и схватил замешкавшегося Фариду за воротник.

— Мы так просто не сдаемся, — прошипел он в лицо Главному Злодею. — Ты и твои дружки — можете вытворять, что угодно. Но лишь до поры до времени. Потому что еще ни один негодяй в нашей стране не восходил на трон.

Фарид захрипел, кое-как высвободился из его «клещей» и нервно рассмеялся.

— Не забывай, вы там, а я здесь. И на престол я взойду, как красно солнышко. А для вас, бунтовщиков, приготовят костер или гильотину. Хотя четвертование тоже вполне в моем вкусе. Я буду смотреть на вашу казнь с королевского балкона, и прислуживать мне будут лучшие из лучших: Жюли и Агент Катастроф.

Лестно, ничего не скажешь. У меня от такого заявления внутри всё заклокотало.

Неужели я предательница? Соснула часок-другой, друзей не остановила — и предательница? Стоило лишь раз взглянуть на Агента Катастроф, чтобы понять, что свою храбрость он растерял по дороге сюда. А стало быть, препятствий он мне чинить не станет. Я незаметно осмотрела часть коридора. Ни одного колюще-режущего предмета, только зажженные факелы в черных металлических кольцах. Что ж, и ладно. Факел тоже сгодится. Я надеялась быстро вынуть его из кольца. Любая заминка повлекла бы за собой не самые приятные последствия.

Агент Катастроф тихонько вскрикнул, когда зажженный факел оказался у меня в руках. А Фарид даже опомниться не успел, как я подпалила ему куртку. Скоро пламя охватило его с ног до головы. Он бегал по коридору, истошно вопя. Метался от одной стены к другой, а потом, наконец, сообразил, что спасти его может только вода, и с диким воем умчался прочь.

— Один есть, — Я загнула палец и обернулась к Агенту Катастроф. Тот стоял, прижавшись к стенке, и был блее мела.

— Напрасно дрожишь, — сказала я. — Не дрожи, говорю. Ягнечком станешь.

В тот же миг где-то впереди, в самом начале тюремного коридора послышались голоса и лязг металла. Затем к голосам и лязгу прибавился настойчивый топот. Было совершенно очевидно: к подземной камере несется сумасшедшая толпа. Вскоре мне удалось разглядеть, чем в этой толпе размахивали: вилами, копьями и, разумеется, факелами. А еще время от времени кто-то орал: «Да свершится правосудие!» и «Смерть колдуну!». Чего еще ждать от необразованного народа?! Нимало не раздумывая, я схватила за руку Агента Катастроф и рванула в тьму-тьмущую, куда минутой ранее убежал Фарид. Рванула со всех ног. О том, что станет с моими друзьями, когда толпа грозовым шквалом обрушится на их камеру, лучше было не думать.

— Что ты делаешь?! — спустя сотни две метров крикнул Агент Катастроф, которого я всё это время тащила за собой.

— Вот уж что полегче спроси! — крикнула я в ответ. — Твою шкуру, видать, спасаю!

— Лучше о своей шкуре позаботься! — съязвил он и остановился, потому что над нами, откуда ни возьмись, нависло черное облако. Несмотря на то, что находились мы и так в полной черноте, облако чувствовалось без всякого освещения. Оно состояло сплошь из мрачной энергии и, подобно черной дыре, высасывало из людей всё светлое и доброе. Как я это поняла? Да очень просто — через минуту от прежней, жизнерадостной Жюли Лакруа не осталось и следа. Я ощущала себя уродливой старой каргой с деревянными ногами и деревянным сердцем. Агент Катастроф наверняка испытывал то же самое.

— Спасите! — заверещал он и повалился на колени. От черной тучи веяло замогильным холодом, и тут до меня кое-что дошло.

— Теневой Сенешаль, не так ли? — голосом злой-презлой старой карги осведомилась я. — Чего нужно?

— Ненавижжу, когда мои планы рушшат, — прошипел Теневой Сенешаль. — Отдайте вашши душши!

— А ты попробуй, отбери! — сорвалось у меня с языка. Зачем, ну зачем мне понадобилось раззадоривать Сенешаля?! Арчи предупреждал, что он способен на многое.

В общем, пока Теневой Сенешаль прикидывал, имеют ли право его жертвы столь нахально себя вести, мы с Ранэлем благополучно проползли под тучей... и внезапно

провалились в какую-то яму.

— Эй, ты мне ногу отдал! — надтреснуто крикнула я в отозвавшуюся эхом пустоту. — Слезь, кому говорю!

Агент Катастроф послушно слез и заморгал от яркого света. Мы находились в огромном зале с множеством горящих факелов. Они дымили под потолком, и весь зал выглядел так, словно скоро здесь соберется какое-нибудь тайное общество. И уж если это тайное общество существовало, оно наверняка занималось тем, что сеяло по миру зло.

— Ну ты и уродина! — вывел меня из размышлений голос Агента Катастроф.

— На себя посмотри, увалень надутый! — нагрубил я. А что такого? Из красавчика с обложки он превратился в увесистого толстяка. Я же, как он и сказал, стала настоящей уродиной. Чтобы в этом убедиться, следовало лишь разок взглянуть на себя в карманное зеркальце. Нос крючком, зубы торчком, на голове проплешина. Я чувствовала, как по жилам течет смешанная с яростью кровь, а мои органы уж наверняка на девяносто процентов состояли из ненависти. Нас обоих определенно заколдовали, и не кто-то там, а Теневой Сенешаль.

— Что делать будем? — беспомощно спросил Агент Катастроф, осмотрев свое непомерное пузо.

— Что, что! — огрызнулась я. — Надо выбираться отсюда.

В зале было четыре двери — по одной на каждую сторону света. Восточная оказалась заперта, за северной явно кого-то замуровали, потому что там обнаружилась стена из красного кирпича и из стены торчали ошметки тряпья. Западная дверь напрочь отказалась поддаваться. А стоило открыть южную дверь, как оттуда, из бесконечной тьмы, послышалось нарастающее рычание, от которого по спине побежали мурашки. Уж попали мы, так попали.

— Пссст! — вдруг позвал кто-то.

Агент Катастроф стал нервно озираться. Никак не мог понять, откуда идет звук. И вот опять: «Пссст! Жюли!»

Я заглянула под широкий стол посередине зала. Там шевелилась огромная собачья миска, и мне даже показалось, что из-под миски на секунду вылезла чья-то лохматая голова.

— Это я, Макинтош! — сказала голова, появившись снова. — Давайте сюда, здесь мой секретный лаз.

Хорош лаз, ничего не скажешь. Нам с Ранэлем пришлось добрую четверть часа пробираться по нему на карачках. Ранэлю мешал пивной живот, мне — радикулит. А впереди энергично цокал когтями Макинтош. Интересно, куда он решил нас завести? Уж не к Фариду ли в логово? Впрочем, Фарид сидит сейчас, наверное, в какой-нибудь первой попавшейся луже и зализывает ожоги. Не так-то легко оправиться после того, как тебя попотчевали огоньком.

— Пуаро сообщил мне, что вы в башне, — сказал Макинтош, виляя своим маленьким хвостиком. — Я подоспел очень вовремя, в том зале было небезопасно.

— Пошевеливайся, мне надоело ползти по этой трубе! — услышала я свой собственный скрежещущий голос.

— Потерпите еще немного, здесь до Вековечного Клена лапой подать, — сообщил Макинтош.

Даже у такого одеревенелого мозга, как мой, сохранилась способность удивляться.

Сколько же ходов пролегает под Кленом?! Вдруг со дня на день дерево провалится, погребя нас под своей кроной?

Как выяснилось, ход Макинтоша соединился с туннелем, прорытым большой мышью. Пуаро ждал меня под Кленом, но увидеть дряхлую, озлобленную на всех и вся старушенцию он, конечно, готов не был. Ощерился, зарычал, принял боевую изготовку. Подумала, сейчас прыгнет. Но не прыгнул. Потому что под Кленом я моментально стала сама собой. Агент Катастроф тоже — из неповоротливого толстяка он вновь обернулся принцем голубых кровей. Судя по всему, магия Теневого Сенешаля под Вековечным Кленом действовать переставала.

— Вот и отличненько, — обрадовалась я, осмотрев себя в зеркале. — А теперь спасать друзей!

— Слышал, они угодили за решетку, — мрачно сказал Пуаро.

— Если мы что-нибудь не придумаем, их растерзают озверевшие горожане, — заметил Ранэль.

— А тебе-то до них какое дело? Ты же прислуживаешь Фариду, — съязвила я.

— Ерунда! — надулся тот. — Агент Катастроф никогда и никому не прислуживает. Кто сказал, что я не имею права на отдых? Можете считать, Ранэль Мадэн взял отпуск за свой счет.

Его новый тон мне понравился. Именно так я и представляла себе благородных злодеев. Они умеют сочувствовать и руководствоваться голосом пусть не совсем чистой, но всё же какой-никакой совести.

— На досуге я тоже люблю устраивать катастрофы, — как бы между прочим признался он.

— И? — замерли мы с Пуаро.

— Предлагаю замутить небольшой переполох, — с невинной улыбочкой сказал Ранэль. — Есть у вас ключ от крепости Арнора?

Ключа у нас, разумеется, не было. Но Пуаро сказал, что проведет нас туда без всяких ключей. Большую Мышь мы в расчет не брали. Она восстанавливала силы после долгого и утомительного рытья подземного хода.

— Что ты задумал? — спросила я у Ранэля, пока мы шагали по весенней грязи прочь от города.

— Обожаю пугать людей, — сказал он. — Надеюсь, Рифат не будет возражать против того, чтобы я воспользовался его чудесным генератором тока? Ведь не просто так трое суток кряду город терроризировали молнии! Этому должно быть объяснение, и я уверен, что дело в генераторе. Не забывай, — словно в ответ на мой невысказанный вопрос добавил он, — мы с Ривалем всё-таки знаменитые братья Мадэн и смыслим в изобретениях больше других.

Когда мы остановились перед массивными воротами крепости, уже стемнело. В лесу на противоположной стороне дороги ухали совы и кричали вороны. Было зябко, у меня промокли ноги. Макинтош и Пуаро, точно сговорившись, поочередно чихали. Первое время я пыталась их передразнивать, но потом мне надоело.

— Ну, куда теперь? — спросила я, бросив взгляд на внушительную крепостную стену.

— В обход, — сказал Пуаро и еще раз чихнул.

...- И это называется «в обход»? — ныл Агент Катастроф, шлепая по грязи на дне

глубокого рва, который пролегал рядом с одной из стен. Пуаро заставил нас спуститься в ров по шатким, ненадежным ступенькам. Они скрипели всякий раз, как на них наступаешь. Мне казалось, это был их предсмертный скрип, и я боялась, что в следующую секунду ступенька подо мной развалится на части.

Пуаро и Макинтош беззаботно, словно мячики, прыгали по лестнице вниз — для них лестница была чем-то вроде аттракциона. А мы с Ранэлем тащились позади, цепляясь за скользкие поручни, и кряхтели, точно от проклятья Сенешаля Клен нас так и не избавил. Затем, после того как нам пришлось порядочно измазаться в грязи, настал черед следующей лестницы. На сей раз она вела вверх. Еще более скрипучая и скользкая, чем предыдущая, лестница заканчивалась у стены, где серел неприметный запасной вход.

— По-моему, их уже успели растерзать, — вслух подумала я.

— Кого? — не понял Ранэль.

— Арчи, Рифата и Эсфирь, — буркнула я. — Напрасно мы грязь месили.

— Не отчаиваться! — приказал Ранэль. — Будьте добры, друзья, — обратился он к Пуаро и Макинтошу, — помогите Жюли воспрянуть духом.

— Это я с радостью, — сказал Пуаро и угрожающе клацнул зубами. — Сейчас как укушу!

И он действительно укусил. Я взвизгнула, вызвав приступ смеха у Агента Катастроф, и пообещала дать Пуаро пинка, если он еще раз вздумает поточить об меня зубы. Зато грусть-печаль как рукой сняло.

— Ну что? Взбодрилась? — спросил Агент Катастроф и легонько похлопал меня по спине. — Пойдем, пробудим темные силы! — вновь рассмеялся он.

Адская машина Рифата находилась в самом грязном, самом невзрачном закутке, где-то между столовой и «неизведанными комнатами». Ранэль нащупал в темноте кнопку и запустил механизм. Машина зашипела, как потревоженная кошка, которой до смерти надоели люди. Темнота вокруг нас заискрилась мелкими молниями, и я почувствовала, как наэлектризовались на голове волосы. Если так пойдет дальше, подумалось мне, то все мы, как пить дать, превратимся в обугленные головешки.

Ранэль схватил меня за руку — между нами проскочила искра — и побежал от машины, увлекая меня за собой. Мельком я увидела яркий ореол вокруг Пуаро и такой же — вокруг Макинтоша. Шерсть у них стояла дыбом, но убегать они не спешили. Видимо, от «электрической ванны» эти два пса получали большое удовольствие.

— Началось! — крикнул Ранэль, когда мы очутились у окна. — Взгляни на город.

Город, в прямом смысле, пылал. Небо над ним полыхало гибкими разноцветными молниями, деревья обзавелись необычными кронами из многочисленных ярких точек, по развезенной колее от замка в город текли потоки электричества. Искрился и потрескивал лес, над ним кружили всполошенные птицы.

— Ничего они с Рифатом не сделают, — успокаивающе сказал Ранэль. — Если бы даже сейчас его вели на казнь, казнь была бы отменена. Каждого в этом городе волнует только собственное спокойствие.

— А мне так не кажется, — возразила я. — Люди наверняка решили, что Рифат наслал на них порчу, ведь его считают колдуном. От него поспешат избавиться. Так что признайся, Агент Катастроф, здесь ты проиграл. Арчи, Эсфирь и Рифат погибнут!

— Зато я с тобой, — подбежал ко мне взъерошенный Пуаро. Между нами проскочил разряд, и я отпрыгнула в сторону.

— Куда же ты денешься! — сквозь зубы процедила я.

Мы снова оказались в самом начале пути. Только Жюли да Пуаро. Однако на этот раз у нас был воздушный шар, «припаркованный» у Вековечного Клена. Почему бы не бросить всё и не улететь, куда глаза глядят? Ведь меня здесь ничто не держит. Возьмем с собой Макинтоша (не заслуживает он такого ужасного хозяина, как Фарид), запасемся дарами Клена под завязку — и прощай, земля!

Я поделилась соображениями с Пуаро, но тот лишь раздраженно чихнул.

— Лично я во Францию не хочу, — сказал Макинтош. — Слышал, у собак там нет никаких прав.

— Я, я хочу! — предложил свою кандидатуру Агент Катастроф. — С тобой, Жюли, улечу хоть на край света!

Ну вот, еще один мистер Прилипала. Сперва такой клички заслуживал Арчи Стайл, затем — надоеда Флорин (интересно, где он теперь?). От третьего Прилипалы надлежало избавиться — и поскорее. Но у Жюли Лакруа совсем иссякла фантазия. Я не могла придумать ни одного путного способа.

— Ладно, пойдемте к воздушному шару, — согласилась я, уповая на то, что Агент Катастроф, по крайней мере, поможет нам подняться в воздух и обрубит канат.

Но только мы вышли из крепости, как — нате вам! — навстречу мчится Арчи, за ним — Эсфирь, а за Эсфирью поспекает Рифат.

— Куда без меня намылилась? — выкрикнул мне в лицо Арчи. Я закатила глаза.

— А вы-то как спаслись? — спросил Макинтош у Эсфири.

— Это было просто! — рассмеялась та. Выяснилось, что у Рифата под защитным плащом был спрятан жезл, на конце которого возникал «жалящий» лазерный луч, когда в крепости Арнора включалось электричество. Он этим лучом себе путь и расчистил.

— Скольких вы убили? Признавайтесь! Только честно, — потребовала я.

— Ни одной живой души, — с достоинством ответил Рифат. — Они разбежались, как только увидели нас на свободе.

Я отвлеклась, слушая сбивчивый рассказ Рифата и Эсфири. Отвлеклись Пуаро и Макинтош. Даже Агент Катастроф рот разинул. Только Арчи, которому подробности побега были известны, упорно прожигал меня взглядом, как будто хотел узнать мои тайные мысли. А тайные мысли Жюли Лакруа были таковы: срочно бежать к аэростату, запрыгнуть в корзину — и концы в воду. Судя по всему, Арчи наконец-то угадал, что у меня на уме.

— Никуда ты не полетишь, — категорично заявил он.

— Это еще почему? — вылупилась на него я.

— Потому, что завтра приезжает моя тетка. Вернее, поддельная тетка, — замялся он. — Я собираюсь порвать с ней всякие связи.

— Она закатит скандал, — пообещала я. Очень уж не хотелось присутствовать при том, как она бьет на кухне посуду или с нечеловеческим визгом носится по этажам, сметая всё на своем пути. Но Арчи словно и эти мысли прочел.

— Не беспокойся, я поговорю с ней сам. Только дождись меня, ладно?

Я пожала плечами. Зачем мне кого-то дожидаться?

— Возвращайся под Вековечный Клен и жди, — сурово приказал Арчи. — Да чтоб не с

места.

Так и хотелось саркастически ответить: «Слушаю и повинуюсь, мой господин». Ладно, пусть себе думает, что я стану, как собачка, выполнять команду «место». Пока он будет выдвирать из особняка тетку, мы с Пуаро и Макинтошем улетим достаточно далеко, чтобы Арчи никогда нас не догнал.

Клен в голубом сиянии был уже отчетливо виден на окутанной сумерками Звездной поляне, когда Пуаро заметил кого-то, кто крался к воздушному шару с длинным ножом наготове.

— Это он, Флорин, — прорычал Макинтош. — Я его за версту чую.

И тут псы с громким лаем бросились к Вековечному Клену. Флорин услышал их грозный лай и, похоже, решил, что настал его последний час. Но он оказался куда более преданным слугой Фарида, чем я предполагала. Трусость уступила место отчаянной, безрассудной отваге, длинный нож вонзился в сдутый купол аэростата — и прошелся по материи, словно по праздничному пирогу.

Меня охватила ярость. Да как он посмел?! За одну минуту уничтожить то, что создавалось неделями?! Отбросив остатки здравомыслия, я помчалась к дереву, чтобы расправиться с негодяем, потому что моим мелким защитникам это не удалось. Пуаро повис на одной штанине Флорина, Макинтош — на другой. Висели и рычали сквозь плотно сомкнутые зубы, потому что ни на что большее способны не оказались.

— Я применил парализующий газ, — усмехнулся Флорин. — Теперь они еще долго не смогут двигаться.

Он отодрал Пуаро и Макинтоша от штанов вместе с приличными кусками ткани, отшвырнул в сторону и направился ко мне. Его глаза странно и дико блестели. Блестел и нож, которым недавно был распорот купол. В следующий миг Флорин выбросил руку с ножом и прыгнул вперед. Теперь я отчетливо осознала: последний час настал для меня.

Хуже всего было даже не то, что моих верных друзей — Пуаро и Макинтоша — отравили парализующим газом. Хуже всего было то, что Клен оказался недосыгаем. А ведь там я могла бы укрыться от любого убийцы. Арчи отправился домой, Рифат и Эсфирь заперлись у себя в крепости. Короля я так и не увидела.

«Спасения нет», — промелькнула в голове мысль. Это определенно был конец.

Я боялась развернуться к Флорину спиной — он мог запросто всадить мне нож между лопаток. Поэтому я пятилась, пока нога не подвернулась на предательской кочке. Не успела опомниться, как очутилась в грязи. По телу разлился сковывающий холод. Ноги и руки сделались свинцовыми. Я не могла пошевелиться, лежа на мокрой земле. Попробовала закричать, но вырвавшийся из горла слабый хрип лишь развеселил моего противника. Он надвигался медленно, он получал удовольствие от моей беспомощности.

«Скорее, — подумала я. — Делай же свое грязное дело!»

Флорин замахнулся — но в этот момент кто-то набросился на него, перелетев через меня. Нож вылетел у убийцы из рук, его повалили наземь, и этого времени хватило, чтобы я пришла в себя. Подобрал на всякий случай нож, я бегом пустилась к Вековечному Клену. Там, трясясь от страха, просидела у светящегося ствола, наверное, около четверти часа, пока вдруг не вспомнила о Пуаро и Макинтоше. Неужели они мертвы?! Неужели...

Я осторожно выглянула за дверь. На Звездной поляне всё еще продолжался поединок двух темных фигур. Одна принадлежала моему злейшему врагу, другая — неведомому

спасителю. Они дрались врукопашную, и победа определенно была на чьей-то стороне. Но вот на чьей, понять не удавалось.

Мои колени до сих пор дрожали и подгибались. Предстояло преодолеть несколько метров, чтобы добраться до неподвижно лежащих в грязи псов. Когда я перетащила их под Клен, оба дышали. Правда, едва-едва. Я потрогала носы, прощупала пульс и в полном отчаянии, не зная, что делать дальше, придвинула Пуаро и Макинтоша ближе к стволу. Оставалась надежда, что Клен и на этот раз сотворит чудо.

Мне на ладонь с золотого кленового листа стекло несколько капель живительного сиропа. Я выпила — и немедленно ощутила прилив сил. Собрав немного жидкости в плоску, попыталась залить в пасть Пуаро, но у того были слишком крепко стиснуты зубы.

А бой на поляне шел полным ходом. Что-то хрустнуло, кому-то врезали по физиономии, кто-то стонал, ползая по земле на четвереньках. Кто-то размахивал ногами, выкрикивая при этом нечто вроде «ки-и-и-я!». От того, чем окончится борьба, зависела моя жизнь. Поэтому я очень надеялась, что на четвереньках ползал Флорин.

В какой-то момент всё затихло. Даже Клен как будто насторожился. Я сидела, прислонившись к деревянной стене моего непрочного убежища, и с замиранием сердца ждала... Кто сейчас подойдет к двери? Кто ее откроет? Коварный убийца или неизвестный защитник? И если это убийца, пропустит ли его Клен?

— Дело сделано, Жюли. Враг повержен, — сказал Ранэль, заходя внутрь. Его серый плащ был порван, а сам он хромал.

— Ты в порядке? — спросила я.

— Кажется, когда-то я утверждал, что жизнь боль, — криво улыбнулся Агент Катастроф. В уголке рта у него красовался здоровенный кровоподтек. — Сегодня я вновь в этом убедился. Любитель помахать кулаками отправлен в нокаут, причем надолго, — довольно добавил он, усаживаясь на траву рядом со мной.

— Знаешь, — сказала я, — теперь ты больше не Агент Катастроф.

— Правда? — усмехнулся тот. И замолчал, разглядывая золотую крону Вековечного Клена. Сверху на нас медленно сыпались блёстки. — Правда, — вздохнул он. — Не устраивать мне отныне катастроф. Переквалифицируюсь, пожалуй, в телохранителя...

Глава 16. Заключительная

Лужайка под Кленом сейчас была больше похожа на лазарет. Почти в каждой «постели» между выступающими из-под земли корнями лежал кто-нибудь страждущий. Ранэль быстро оправился, даже синяк у него на лице прошел, едва он выпил кленового сиропа да закусил земляникой. Он печально посматривал на неподвижного Макинтоша, гладил по белой шерстке, и было видно, что Ранэль успел к нему привязаться.

— Славный пёсик, — сказал он. — Жаль, что его постиг такой ужасный конец.

— Макинтош еще дышит, — напомнила я. — Так что конец его пока не постиг. Да и вообще, под Вековечным Кленом умереть, по-моему, невозможно.

Спустя некоторое время к нам заползла мышь — она вновь была обычного размера. Принюхалась, потерла лапками мордочку и изъявила желание вырыть еще один туннель.

— Кажется, я вошла во вкус, — добавила мышь. Но мы отправили ее рыть где-нибудь в другом месте. Мне хватало бездонной дыры под роялем.

Утром в гости зашел Арчи. Зашел — и поднял крик. Мол, почему это мы с Ранэлем сидим плечом к плечу и задушевно молчим? Я возразила, что молчим мы вовсе не задушевно.

— Никак, на романтику настроились? А вот не будет вам романтики! — разбушевался в ответ Арчи и вытолкал ни в чем не повинного Ранэля за дверь.

— Жюли, непостоянная твоя душа! — стал он читать нотации. — Что, скучно было ждать?!

— Моя душа, и правда, непостоянна, — напустив на себя невозмутимость, подтвердила я. — Но мы с тобой ничем не связаны, поэтому ты не имеешь права требовать от меня преданности.

— Как это ничем не связаны? — изумился Арчи. — А моя тетка? Она ведь теперь нас обоих ненавидит! Я ее лишь затем прогнал, чтобы ты снова у меня жила.

— Ты полон иллюзий, мой самонадеянный друг, — ответила я. — Только не говори, что твоим единственным желанием было вернуть нас с Пуаро под крышу особняка. Я буду очень разочарована, если это так.

Арчи раздосадованно всплеснул руками, сорвал с головы цилиндр и, отшвырнув его к стволу Клена, уселся на то же самое место, где несколькими минутами ранее сидел Ранэль.

— Что же получается? — с убитым видом произнес он. — Мне без нее жизнь не мила, а она...

— А она, — закончила я фразу, — вполне обходится без дыхателей и способна позаботиться о себе сама. Но это не значит, что ты не можешь заходить под Вековечный Клен на чашечку чая.

Арчи приободрился.

— Правда?

— Ну, разумеется! А мы с Пуаро будем время от времени навещать тебя. Если мы станем жить вместе, то наверняка очень скоро наскучим друг другу.

Настроение Арчи заметно улучшилось.

— И то верно, — рассмеялся он. — Но постой, разве ты не собиралась улетать?

— Куда? — развела руками я. — Ты видел, что случилось с воздушным шаром? И между прочим, если бы не Ранэль, которого ты столь бесцеремонно выгнал, со мной случилось бы то же самое. Кстати, не видел Флорина? По-моему, этот бедолага съехал с катушек. Он пытался заколоть меня ножом.

— Сегодня в семь утра Юлий взял под стражу Фарида и его приспешников. В том числе и Флорина. Кажется, ему здорово досталось, — усмехнулся Арчи. — Агента Катастроф, скорее всего, оправдают. Ведь он тебя спас. Надо же, — добавил он, — никогда бы не подумал, что тихоня Флорин способен кого-нибудь убить.

— Связаться с Фаридом при его-то характере было большой ошибкой, — сказала я. — Когда тебе угрожают и ты не видишь выхода, приходится выполнять приказ, каким бы жестоким он ни был.

* * *

Переждав череду колких метелей, заморозков и оттепелей, в наши края наконец-то пришла настоящая весна. Она ступала по лужам в мягких туфельках, шуршала ветром в кронах, усеянных набухшими почками, и напевала мелодию, которая трогает лишь сердца поэтов да мечтателей.

Пуаро с Макинтошем полежали под Кленом день-два — и оправились. Сперва у них зашевелились хвосты, затем задрожали ушки, а уж потом очередь дошла и до лап. Пуаро признался, что ему снился замечательный сон — разумеется, о сосисках.

— Там было море сосисок! — облизываясь, рассказывал он. И я срочно помчалась за сосисками в близлежащий магазин.

Потом очнулся Макинтош и поведал мне, что ему снился окорок — солёненький, сочный, жареный. Макинтошу тоже хотелось есть. И, само собой, я поплелась за окороком. Счастье, думала я, что у меня всего две собаки.

Окорок и сосиски оказались ужасно вкусными. Даже я не устояла. Мы втроем сидели под деревом и уплетали мясо за обе щеки.

— Может, сбегает за колбасой? — прожевав, спросил Пуаро.

— Да, колбаса бы не помешала, — сказал Макинтош и смачно зачавкал.

Но только я встала, чтобы снова отправиться в магазин, как явились давно забытые знакомые — Дора и Сара. Причем Дора была с довольно-таки увесистым пакетом.

— Слышала, твои пёсики заболели, — сказала она. — Вот, колбасы принесла.

Пуаро с Макинтошем бросили остатки окорока и наперегонки помчались к Доре.

— А они, гляжу, живы-здоровы! — рассмеялась та.

— Сегодня проснулись, — буркнула я.

— Ну, всё равно держите. Голодные, небось.

— Как стая волков, — процедила я и покосилась на нетерпеливо прыгающего Пуаро. — Поверь мне, Дора, они уже успели меня загонять.

Я пригласила сестер под Клен, где мы славно провели время за разговорами и (чего уж там греха таить) обсуждением свежих сплетен. Выяснилось, что, пока я строила в городе Пышнолистом воздушный шар, Лео успел обвенчаться с Лирой, а любитель конских бегов Ануар проиграл на ипподроме родовое поместье и все свои сбережения, поставив на какого-то малоизвестного скакуна.

— Ах да, — вспомнила Сара, — Лоренса взяли в труппу.

— В цирк? — удивилась я.

— Театры раз и навсегда закрыли для него двери, — подтвердила та.

— А Риваль Мадэн? Ему уже известно, в чем был замешан его брат?

— Нет, ничего подобного, — помотала головой Дора. — Ранэль умолял, чтобы брату ни о чем не рассказывали. Похоже, он исправился и больше не желает сворачивать на прежний путь.

Приятно было слышать, что Агент Катастроф действительно отказался от своего «почетного титула». Редко когда рядом со мной люди становились лучше.

Еще я узнала, что король отправил Фарида и его дружков в вечное изгнание за пределы страны, что также не могло не радовать.

— Кажется, жизнь налаживается, — сказала я.

Дора и Сара улыбнулись. Им было отчего улыбаться. Приближался день Леса, и Юлий распорядился, чтобы их лаборатория занялась приведением леса Снов в порядок. Сара ловила и вычесывала лис, учила зайцев почтительно кланяться и прививала совам хорошие манеры. А Дора сгребала в кучи запревшие после зимы листья да собирала повсюду упавшие ветки, чтобы отнести их на Звездную поляну. Там в день Леса обыкновенно разжигали большой костер.

Ближе к празднику я раздобыла для Пуаро и Макинтоша клетчатые собачьи костюмчики, а себе приобрела ярко-оранжевое платье со светло-зеленым поясом и длинным шейфом. Эсфирь присутствовала на примерке и осталась очень недовольна выбором.

— Безвкусица, — ворчала она. — Только погляди на крой! А о цвете я вообще молчу.

Я вышла в этом кричащем, вульгарном наряде прямо к гостям, которые собрались в день Леса возле костра.

— Ты великолепна! — подбежал ко мне Арчи и упал на одно колено. — Вот достойный ответ костру!

— Издеваешься, — фыркнула я. Но мое тщеславие было удовлетворено.

Придворные дамы бросали на меня завистливые взгляды. Они стояли в блеклых, безликих нарядах, и редкая из них отважилась бы надеть столь броское платье.

Пламя костра взметалось к ночному небу, озаряя лица присутствующих оранжевыми всполохами. Ствол Вековечного Клена пылал голубым, крона светила лимонно-желтым, а звезды и луна сияли белым золотом и глядели на нас, как мне показалось, с царским снисхождением.

Юлий был поглощен разглядыванием звезд в телескоп, который притащили на праздник Лео и Лира. Бывший Агент Катастроф оделся, как всегда, безупречно, привел на поляну оркестр и пригласил меня на танец. Арчи был, разумеется, против. Он упорно отвоевывал у Ранэля право танцевать с Жюли Лакруа, но тот уступил лишь к самой заре.

А утром, едва вошло солнце, Пуаро и Макинтош заметили на поляне кротовую нору и, наплевав на правила приличия, принялись ее разрывать.

«Хорошо, если докопаются до какой-нибудь червоточины, — еле переставляя ноги в последнем вальсе, сонно подумала я. — И хорошо, если бы червоточина вела в Париж». Впрочем, рассчитывать на это не стоило. Возвращаться на родину больше не хотелось, и я уже прикидывала, как бы выгодно приспособить корзину от испорченного Флорином воздушного шара.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net